

*Немецкая колония
в Новосаратовке
под Санкт-Петербургом
страницы истории
XIX – XX веков
2-е издание*

Вёрстка, макет, печать, фото – С.А. Шмидт.

В этой книге собраны материалы о судьбе одного населённого пункта – колонии немцев в Новосаратовке под Санкт-Петербургом.

Особую ценность ей придают подлинные воспоминания о бурном времени середины XX в. Из мемуаров и документов Вы узнаете, как люди жили, работали, умирали, а выжившие дали жизнь новому поколению. Это второе издание книги, в котором устранены ошибки и опечатки, внесены уточнения и добавлены новые воспоминания Александра Абрамовича Шмидта.

Издание не предусматривает книги в бумажном варианте и поэтому число страниц здесь не регламентировано. Возможен выход следующих вариантов мемуаров с использованием вновь поступившей информации.

В связи с вновь открытыми фактами, произошла переоценка некоторых событий и исторических процессов, и Составитель принял решение уничтожить, оставшуюся у него, часть тиража первого издания мемуаров.

Данный вариант книги от 20. 09. 2013 доработан, и изготовлена копия в PDF для сети Интернет.

С.А. Шмидт. Санкт-Петербург.

Немецкая колония
в Новосаратовке
под Санкт-Петербургом.
Страницы истории XIX – XX веков.

**Издание второе
переработанное
и
дополненное**

*Особая благодарность
моей жене*

Елене Павловне Шмидт
*за поддержку во время
работы над книгами.*

Большое спасибо моей сестре
Нелле Александровне
за помощь в работе над книгой.

*Работу над книгой начал
мой брат*

Андрей Александрович.

*Спасибо за моральную
поддержку моему брату*
Александр Александровичу,
*а так же художнику из
Санкт-Петербурга*
Ярославу Сухову.

*Хотелось бы выразить благодарность всем тем, кто
оказал содействие и поддержку при осуществлении
данного издания.*

Бывшему управляющему Центрального Церковного
Управления ЕЛЦ **Хансу Швану** за неоценимую
помощь при подготовке исторического введения.

*Особая благодарность **Адаму Абрамовичу Шмидту,**
который является непосредственным участником
описываемых событий, за предоставление своих
рисунков для книги.*

Район Щемиловка. Справа на дальнем плане видна церковь во имя Сошествия Святого Духа. Снесена
Фото 1935 – 36. Автор неизвестен.

с. Новосаратовка, с. Рыбацкое, с. Усть-Славянка.

Аэрофотоснимок с германского
самолёта - разведчика.

Видна временная переправа напротив кирхи в
Новосаратовке. 16 сентября 1942 г.

*Фото с сайта
periskop.livejournal.com*

с. Новосаратовка, с. Рыбацкое, с. Усть-Славянка.

Спутниковая съёмка.

Видна новая церковь в с. Рыбацкое.

2013 г.

Фото с сайта "Гугль планета Земля".

Image © 2013 DigitalGlobe

Дата съёмки: 9.6.2011 59°50'21.85" С 30°30'59.10" В Высота над уровнем моря: 4 м обзор с

Записка о Новосаратовских колонистах.

*Доклад действительного статского советника Захара Хитрово от 1797г.
РГИА Ф383оп29 д1138. г1797*

«О поселении по выборгской стороне по берегу Невы реки против большой рыбной слободы в Новой Саратовке иностранцев под названием колонистов, сочинённая из дел канцелярии колонистов, опекунства направленных в Санкт - Петербургскую палату поступивших». Оная колония считалась в Шлисербургскомъ уезде съ 1765 года на брегу реки Невы противъ Рыбачей слободы, въ ней 60 дворовъ, въ коих состоитъ мужского пола 227, женского 231 душа.

Въ сей колонии, против построенныхъ при начале казённыхъ домовъ, о 2-вухъ жилыхъ, вновь выстроенныхъ нетъ, и выключая некоторые дворы, въ коихъ видны небольшие поправки и пристройки, прочия приходять в ветхость и хозяева малое имеютъ объ нихъ старание. Сиё доказывается и тем что у домовъ нетъ ни заборовъ, ни воротъ. Въ колонии построена церковъ, лютеранского исповедания, Пасторский домъ и училище, где обучаются малолетние обоого пола грамоте и закону.

Посреди селения построенъ питейный домъ и водочная лавка. По договору следовало имъ поучить земли 2100 десятинь, но отведено удобной 1656 десятинь, изъ коей распахано на каждое семейство или дворъ, полагая по препорции выпекаемаго хлеба по полторы десятины въ поле, да почти столькоже подъ картофель. Огороды для овощей по примеру другихъ колоний хотя и имеющихъ между своихъ дворов, но они не все обработаны.

Не имея удобныхъ местъ дя покоса, сена не больше собирают на каждое семейство, как отъ 100 до 150 пудъ, для продовольствия одной лошади и двухъ коровъ, а кто более скота имеетъ должен прикупать.

Лесъ разделёнъ на 60 участковъ, въ которомъ строеаго нетъ, а один только дровяной, дрова рубячь въ феврале месяце и получаютъ на дворъ по 4 сажени трёхъ полениц. Кроме же сего времени лесу рубить уже никто из них не властенъ. К удобрению земли хотя способствуетъ близость города, откуда въ зимнее время колонисты навозъ возять. Скота держать они по одной лошади и по две коровы; которые же дворы имеютъ более, то содержатъ покупнымъ кормомъ; свиней и овецъ имеетъ очень мало; из птицъ же держать однихъ токмо куръ.

Изъ хлеба сеютъ только рожь и овёсъ; ржи въ посевахъ на каждую семью бываетъ до полуторы десятины, которой собираютъ в 3 и 5 раз и для своего продовольствия и семена имеютъ хлеба довольно, а въ большихъ семействахъ ежегодно прикупаютъ.

Овса сеютъ до полуторы десятины, урожай после бываетъ самдругъ и самчетверть, но онаго всегда не достаётъ на ихъ домашний обиходъ, при всёмъ томъ имеютъ противъ прочихъ колоний ещё и выгоду, что продукты свои доставляютъ водою в Санкт-Петербург и не имеютъ нужды въ большомъ числе лошадей.

Доходъ получаютъ они главнейший отъ картофеля, который собираютъ от 60 до 80 четвертей продавая его по 1-ой по 60-ти и по 80-ти четвертей, также продаютъ молоко, сливки и масло. Некоторые же отдаютъ верхнее жильё в летнее время въ наёмъ.

Получаютъ отъ наёмщиковъ и от приезжающихъ к ним по праздникамъ на гулянье, некоторую прибыль. Рукоделий и ремёселъ никакихъ не имеютъ, такъ какъ и в прочихъ колонияхъ, а изъ некоторыхъ дворовъ от болшихъ семействъ отданы дети въ городъ, для научения разнымъ мастерствамъ.

Новосаратовская колония.

1-е. В сей колонии такъ же изъ двухъ деревень состоящей, наиболее нашёл я беспорядковъ. У некоторыхъ колонистовъ при домахъ дворы не огорожены, въ поляхъ плосы не вспаханы, вообще примечается нерадение къ хозяйству, хотя оная почти съ таковою же удобностью поселена как и Среднерогатская, равнымъ образомъ можетъ привозить для продажи съ выгодою свои продукты въ городъ, и получать отъ сёл поземь для удобрения своихъ полей. Сему небрежению причину считаю я бывший тамо питейный дом, который въ следствие представления Действительнаго Статскаго советника выведенъ, но привычка къ пьянству и разврату осталась, къ искоренению которой нужно употребить строгаго меры, о чёмъ особеннымъ внесу замечание, когда представлю на благорасмотрение экспедиции заготавливаемые инструкцию шульцамъ и постановление полицейскаго порядка.

Дурное обрабатывание полей, особливо въ такъ называемой нижней деревни не мало происходитъ и отъ того, что во время бытности колонистовъ подъ ведомствомъ казённой палаты, многие хозяева въ земляныхъ участкахъ своихъ, не смотря на строгаго запрещения зделанныя о сёмъ в ихъ полицейскомъ участке, производили между собою мены и отступки, такъ что теперъ хотя все дворы платятъ по равно поземельные и долговые деньги, но не равнымъ числомъ земли пользуются, отъ чего все поля перебиты, полоса съ яровымъ хлебомъ находится возле полосы засеянной рожью, подле сей лежитъ паровая, или не очищенная отъ лесу. Ведая что началство не оставитъ продолжаться сему не равному и не позволеннымъ образомъ введенному дележу земли, поселяне не столько употребляютъ старания и издержекъ къ удобрению своихъ полосъ,

считая оныя за собою не надёжными.

Для прекращения сего злоупотребления колонисты подавали покойному Захару Алексеевичу Хитрово прошение о новомъ разделении между ними участковъ по равному числу десятиныхъ въ каждомъ поле въ огороде и лугахъ, съ темъ однако же, чтобы владение нынешними полосами оставить въ настоящемъ положении ещё на два года. Изъ собственнаго сего признания поселянь

Экспедиция заключить можетъ сколько существующий не справедливый разделъ для колонии отяготителен, почему всепокорнейше представляю, дабы благоволено было учинить определение въ штатъ экспедиции землемера который бы имелъ обязанностью какъ сей новой произвести делёжь въ земляхъ въ нижней деревни Новосаратовской колонии, так и обойти во всехъ колонияхъ земли колонистския, для сочинения подробнейшихъ имъ плановъ, на коихъ бы показаны поля и луга въ настоящемъ ихъ виде, несравненно увеличенныхъ противу теперешнихъ плановъ, снятыхъ въ 1782-мъ году.

Тогда съ большею удобностью наблюдать можно будетъ, дабы число обрабатываемыхъ десятиныхъ въ огородахъ и въ поляхъ доведено было до предположенного въ докладъ экспедиции Государственнаго хозяйства высочайше подтвержденномъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ июня 20-го дня 1792-го года.

2-е. Хотя изъ ведомости подъ № 2-мъ экспедиция государственнаго хозяйства благоволитъ усмотреть, что Новосаратовские колонисты почти столько же картофеля высеваютъ, сколько и Среднерогатские поселяне, отъ чего и наибольший свой доходъ получаютъ.

Но поелику Новосаратовская колония меньшимъ количествомъ земли по пропорции владеетъ нежели среднерогатская, ибо въ сей последней нарезано ныне по 30-ти десятиныхъ на каждый дворъ, въ первой же не

более доводится как по 25 десятина, то и почитаю за нужное оставить поземельную подать на нынешнем положении, доколь съ большею точнстью по средствамъ межевания не будетъ узнано сколько десятинь имеетъ действительно кахдый хозяинъ въ поле, а по тому исчислить получаемую прибыль.

3-е. В следствие высочайшаго ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА повеления, состоявшагося на выше помянатомъ всеподданейшем докладе экспедиции, о не переселении колонистовъ въ другия губернии и о удовольствовании ихъ тридцатидесятинною ихъ пропорцею земли изъ прикосновенныхъ и ближайшихъ къ нимъ дачъ казённыхъ, принята была къ замечанию пустопорожная земля Шлюсербургскаго уезда, для осмотра которой тогоже 1797-го года въ октябре месяце отправлены были смотритель за колониями Г-н Ганеманъ съ шульцами, но по причине выпавшаго снега, таковаго осмотра зделать было нельзя, и заключено было ожидать способнейшаго для того времени. Поелику же во весь прошедший годъ къ предположенному осмотру приступлено не было, то не благоугодно ли экспедиции снабдить меня резолюцією объ отряжении для сего въ продолжение нынешнихъ летнихъ месяцевъ Г-на Смотрителя съ wybranыми изъ Новосаратовской и Ижорской колоний, коихъ можно взять изъ колонистовъ не упражняющихся уже въ полевыхъ работахъ, и сообщить въ Санкт-Петербургское губернское начальство, дабы на основании прежняго отъ экспедиции по сему обстоятельству отношения, предписало отъ себя кому следуетъ, что бы смотритель Ганеманъ къ такому осмотру былъ допущен.

4-е. Изъ некоторыхъ домовъ среднерогатской а наиболее сей Новосаратовской колоний, отъ большихъ

семействъ отдаются дети въ городъ для научения какому нибудь мастерству или ремеслу, кои выходятъ после того мастерами и подмастерьями, и отъ колонии во все увольняются. Платёжъ долгу на каждомъ хозяине числящегося упадает на техъ детей кои остаются въ колонии. Хотя если последние наследуютъ после отцовъ въ домъ и земли, но вышедший въ ремесленники получаетъ своё мастерство иждивениемъ отца, а не редко участвуютъ съ братьями и въ движемомъ имении.

Отъ ремесла же своего иной бываетъ более въ состоянии уплатить казённый долгъ нежели поселянинъ. Если бы экспедиции государственнаго хозяйства благоугодно было определить что бы не иначе увольняли отъ себя таковыхъ мастеровъ или ремесленниковъ какъ взявъ съ нихъ писменное обязательство что они внесутъ известную часть долгу на ихъ семействе почитающагося, и сверхъ таго заплатя въ общественную сумму единовременно 10 рублей. Не соглашающихся на сие положение числить между колонистами, а для жительства и произведения своего мастерства въ городе давать годовые палипорты отъ экспедиции съ платежёмъ по пяти рублей на годъ въ общественную сумму.

Симъ средствамъ съ одной стороны возвратиться скорее казённый долгъ и облегчаться некоторые хозяева въ платежъ той знатной суммы. Съ другой обратится въ существенную пользу колонии. Уклонение некоторыхъ членовъ ея отъ состояния поселянина. Таковой порядокъ учредить можно во всехъ колонияхъ, исключая Ямбургской, которой казённый долгъ прощёнъ, но взыскание по 10 рублей въ общественную сумму при увольнении изъ колонии и тамъ справедливо установленно быть можетъ.

Введение

Составленное петербургским фотографом Сергеем Шмидтом издание под названием “Немецкая колония в Новосаратовке под Санкт-Петербургом страницы истории XIX-XX веков” является второй книгой на тему “Немецкие колонии под Санкт-Петербургом”, опубликованной при поддержке немецко-русского центра встреч при Петрикирхе. В 2006 году в свет вышла книга „Немецкая колония в Стрельне под Санкт-Петербургом. Страницы истории XIX-XX веков“. В основу книги положены воспоминания и документы трёх семей колонистов - Ладе, Лауер и Шмидт. Своими воспоминаниями делятся родившиеся в этом посёлке и оставшиеся в живых свидетели: Ирма Ладе (род. в 1932 году) и Александр Шмидт (род. в 1923 году) – отец автора книги. Кроме того, в книге представлены воспоминания в рисунках брата Александра Шмидта, Адама Шмидта (род. в 1921 году в Новосаратовке). Авторы приводят также ряд документов того времени, которые были отобраны из огромного количества материала, хранящегося сегодня в Российском Государственном историческом архиве (РГИА) и в Центральном государственном архиве (ЦГА) в Санкт-Петербурге, например, доклад действительного статского советника Захара Хитрово от 1797 года. Часть документов, например церковные книги общины Св. Екатерины за 1834-1920 годы уже получили оценку историков, однако, результаты этих исследований до сих пор публиковались разрозненно. То же можно сказать и о некоторых документах административного характера. Предположительно, небольшая часть архивных документов, хранившихся в архиве самой колонии, была сожжена в ходе революции 1917 года.

В 1929 году Эрих Кох, бывший в ту пору студентом,

после посещения немецких колоний на севере России, вывез в Германию 5 важнейших архивных документов, относящихся к периоду становления колонии, и передал их на хранение в Институт по изучению жизни немцев за границей в Штутгарте.

Речь идёт о двух церковных книгах общины из Новосаратовки. Первая относится к 1766 году, вторая – к 1786 – 1805 годам. Помимо них Эрих Кох привёз книгу распоряжений из колонии на Средняя Рогатка, собрание документов общины Средняя Рогатка от 1811 года, представлявших собой донесения властям. Книге брачных договоров от 1818 года из колонии Средняя Рогатка. Очевидно, он получил их от тогдашнего пастора Пауля Рейхерта (1875 – 1938), который согласно советским законам начала 1920-х должен был сдать документы в Ленинградский государственный архив.

В 1930-е Э. Кох написал в университете Вюрцбург диссертацию о немецких колониях на севере России.

В то время вышеупомянутые архивные документы являлись желанной темой исследований этнолингвистов Германии. В 1936 году на основе первой церковной книги из Новосаратовки Р. Шоль опубликовал реестр браков за 1766 – 1804 годы. В 1942 году вышеуказанные документы были изъяты из фондов Института по изучению жизни немцев за границей в Штутгарте и переданы в Имперское генеалогическое управление в Берлине. Оттуда они были даны во временное пользование д-ру Мейнену как частному лицу для научных исследований.

15 апреля 1945 года документы были в последний раз предъявлены в Имперском генеалогическом управлении в Берлине уполномоченному референту, который сделал отметку о том, что документы по-прежнему находятся у д-ра Мейнена. В ходе поисков документов до сих пор удалось лишь установить, что сделанная в 1942 году

для Института по изучению жизни немцев за границей, копия первой церковной книги хранится в Федеральном архиве. Хотелось бы, чтобы в будущем результаты этой исследовательской работы послужили бы основой еще одной книги о Новосаратовке.

Что касается миноносца «Строгий» (построен в 1938г.), который в 1941 – 1943 годах стоял на якоре на Неве близ Новосаратовки и принимал участие в боях на этом рубеже, то было бы интересно получить свидетельства очевидцев тех событий. Стремительная застройка территории колонии, прежде всего, в 1992 – 2007 гг. была связана со сносом большей части старых домов колонистов, а также здания школы и приюта для бедных.

Тем не менее, небольшая часть исторических построек сохранилась до наших дней. Связанные с ними фотодокументы тоже достойны публикации и будут представлены в следующем томе.

В конце хотелось бы предварить труд Сергея Шмидта рядом важнейших дат из истории колонии в Новосаратовке в период с 1765 по 2007 год.

Возникновение колонии и её дочерних колоний

После издания 22 июля 1763 года императрицей Екатериной II (1729 – 1796) манифеста с призывом к иностранцам переселяться в Россию уже буквально в следующие годы в страну потянулись крестьяне и ремесленники из Германии, которые решили поменять разорённые Семилетней войной (1757 – 1763) области на новую родину. Большинство маршрутов проходило через Балтийское море.

В бывших казармах голштинской гвардии императора Петра III (1728 – 1762) в Ораниенбауме был разбит пункт распределения приезжающих. Российские власти целиком и полностью управляли процессом переселения,

начиная с отправки и заканчивая прибытием на место поселения. Желающие перебраться в Россию получали свои паспорта уже в Германии. Вначале они прибывали в пункт распределения в Ораниенбаум, где должны были присягнуть на верность императрице. Затем им предлагали выбрать определенный регион России для поселения. О месте и условиях поселения заключались договоры: с несколькими семьями – коллективный договор, с одной семьёй – индивидуальный. Иногда из Ораниенбаума отправлялись целые делегации от общин, чтобы получить представление об условиях проживания в местах поселения, и только потом заключались договоры. 27 августа 1765 года 60 семей, которые решили не ехать на первоначально предназначавшееся для них место – в Саратов на Волге, подписали в Ораниенбауме коллективный договор с уполномоченным императрицы – камергером и егермейстером фон Польшманом о поселении на правом берегу Невы, в 15 км от Санкт-Петербурга. В целях обеспечения быстро растущей столицы продовольствием императрица пожелала основать несколько новых деревень в окрестностях Петербурга. Большинство семей было родом из небольшого немецкого княжества Гессен-Дармштадт. Первоначально колонию стали именовать «Колонией шестидесяти» и лишь позднее она стала называться «Малой Саратовкой» или просто «Саратовкой» в память о первоначальной цели путешествия колонистов.

Затем появилось название «Новая Саратовка», которое в русском языке звучало как «Новосаратовка».

Так официально называется деревня, расположенная во Всеволожском районе Ленинградской области, и по сей день. Архитектор Мельников получил заказ: Построить на государственные средства деревянные

дома для поселенцев. В 1766 году колонисты переехали в новые дома. Каждая семья получила 35 десятин земли (ок. 40 га) и начальный заём в размере 300 рублей на обустройство и ведение хозяйства: покупку скота и т.д. Инвестиции нужно было вернуть в государственную казну в течение 10 лет.

Здесь же осели и две другие группы: 22 семьи, большая часть которых была также родом из Хессена-Дармштадта, обосновались в “Колонии двадцати двух”, впоследствии Средней Рогатке, и 28 семей из Швабии в “Колонии двадцати восьми”, позднее Колпино или Ижора. Первые два десятилетия жить в колонии было очень тяжело, однако позднее колонисты стали вполне состоятельными. Три деревни были объединены в одну большую колонию, которая управлялась согласно законам Российской империи о колонистах. «Главным директором» колонии был назначен камергер и егермейстер фон Польман.

Церковь, школа, социальные учреждения и кладбище

Три колонии: Новосаратовка, Средняя Рогатка и Ижора (Колпино) – составляли вместе один церковный приход. Первая церковь, школа и пасторат были построены в период между 1766 и 1768 годами и были деревянными. Средства для строительства в размере 6000 рублей были выделены из личной шкатулки императрицы. Поэтому церковь стала называться церковью св. Екатерины и была освящена 16 марта 1768 года. Когда старое здание стало разрушаться, был разработан проект новой большой каменной церкви, первый камень в основании которой был заложен 24 сентября 1833 года.

Вместо планировавшейся высокой башни и трех порталов были построены только один портал во фронтальной части, обращённой в сторону Невы, и

небольшая круглая башня. То, как она выглядела, можно сегодня увидеть на примере петербургских церквей св. Анны, св. Екатерины и св. Марии, а также в церквях в Гатчине и Скворцах.

Башня была снесена в целях маскировки миноносца “Строгий” в 1941 – 42 годах. Новая церковь, рассчитанная на 450 мест, была освящена 8 декабря 1835 года. Через 100 лет, 21 сентября 1935 года она была закрыта по указанию властей и переоборудована под деревенский клуб с танцплощадкой и кинозалом.

Об этих событиях вы узнаете из воспоминаний очевидцев. Последний пастор Бруно Рейхерт был арестован в 1937 году. 3 января 1938 года в период сталинских репрессий он был расстрелян вместе со своим отцом Паулем Рейхертом и захоронен в Левашовской пустоши вместе с другими жертвами.

В последние годы советской власти в церкви располагалась автошкола. С 1987 года здание пустовало. В 1994 году Евангелическо-Лютеранская Церковь в России, на Украине, в Казахстане и Средней Азии выкупила назад здание церкви и переоборудовала его под нужды Теологической семинарии, которая открылась в 1997 году и была снова освящена 26 сентября 1998 года. В здании сегодня находится капелла св. Екатерины.

Вот уже 10 лет в её стенах готовят пасторов, так что старая церковь в Новосаратовке имеет огромное значение и далеко за пределами современной России. В 2000 году находившуюся на территории семинарии деревянную постройку снесли, а на её месте в 2002 – 2004 годах построили второе здание семинарии.

В 1830 году вблизи колонии возникло ещё несколько поселений, которые вошли в церковный округ Новосаратовки:

1829 г. – Гражданка (Шувалово)
 1832 г. – Овцино
 1837 г. – Красненькая
 1853 г. – Янино
 1857 г. – Приютино
 1865 г. – Каменка (Волково)
 1868 г. – Новое Парголово
 1868 г. – Средняя Рогатка
 1869 г. – Ковалево
 1872 г. – Новоалександровка
 1880 г. – Веселый Поселок –
 (Lustdorf – нем. Похотливая деревня),
 (Потканово – Подканово– Патканово)
 1895 г. – Мурино
 1900 г. – посёлок у Каменки

Кроме церкви в Новосаратовке церковные здания были в Колпино – каменная церковь на 175 мест, в Средней Рогатке – деревянная церковь Св. Иоанна на 175 мест, с 1877 года в Шувалово – церковь св. Марии Магдалины на 150 мест и с 1900 года в Гражданке – деревянная церковь Св. Николая на 200 мест. Молитвенные дома были при школах в Овцыне, Каменке, Ковалёве, Янине, Красненькой, Новоалександровке и Весёлом Посёлке.

Пастор из Новосаратовки должен был заботиться обо всех этих приходах. В дни, когда он не посещал приходы, преподаватели проводили богослужения – чтения. В 1904 году церковный округ насчитывал 4810 прихожан. До середины XIX в. школьные занятия проводились на уровне сельской школы. В области школьного образования большую роль сыграл пастор Отто Герман фон Шталь. С 1855 года с приездом Кристофа Бруннера из Вюртемберга среди учителей появился первый преподаватель со специальным образованием, с приёмом которого учебный процесс значительно улучшился.

В 1897 году в церковном приходе в Новосаратовке были основаны приюты для бедных и сирот, каждый из которых был рассчитан на 15 человек. Кроме того, «Евангелический работный дом» Санкт-Петербурга открыл в доме одного из колонистов приют для престарелых на 25 человек. Кладбище в Новосаратовке расположено рядом с церковью. Вначале на нём хоронили умерших и из близлежащих колоний, пока там не появились свои кладбища. После выселения (эвакуации) колонистов в 1942 году на месте старых могил стали появляться новые захоронения. Однако в отличие от кладбищ других колоний здесь ещё сохранилось несколько старых могил. В книгу вошли фотографии, которые были сделаны автором в процессе сбора материала.

Колония после 28 августа 1941 года. Президиум Верховного Совета издал распоряжение, согласно которому в связи с нападением гитлеровской Германии на СССР все этнические немцы были выселены из центральных районов в отдаленные регионы. В это же время была упразднена Автономная Советская Социалистическая Республика немцев Поволжья. Эти события не обошли стороной и колонистов Новосаратовки. Несмотря на блокаду, весной 1942 года они были вывезены по Ладожскому озеру в Сибирь. Даже после отмены в 1956 году ограничений на передвижение, так называемой комендатуры, немцам не разрешили вернуться на прежние места проживания. Сегодня на территориях колоний Новосаратовки и других близлежащих колоний живут, за редким исключением, другие люди. До конца 60-х годов вид застройки практически не менялся. Затем, особенно в последние 15 лет, старые постройки стали перестраивать или сносить

и строить на их месте новые постройки.

К сожалению, застройка сейчас ведётся без общей концепции. Поэтому часто сталкиваешься с парадоксальной ситуацией, когда прежние границы построек нарушаются и старые дороги перекрываются и присоединяются к участку. Хотя большинство старых построек не сохранилось, площадь колонии не сильно изменился с момента её основания, и если пройтись по колонии с открытыми глазами, ещё в нескольких местах можно узнать старую Новосаратовку.

Пасторы Новосаратовского прихода 1766 – 1935 годов согласно документам Генеральной консистории

1. Георг Якоб Бобрик (Georg Jakob Bobrik), 1766 – 1773.
2. Фридрих Вильгельм Поль (Friedrich Wilhelm Pohl), 1773 – 1777.
3. Иоганн Пауль Айхфельд (Johann Paul Eichfeld), 1778 – 1782.
4. Клаас Петер Лундберг (Claas Peter Lundberg), 1785 – 1786.
5. Фридрих Георг Браун (Friedrich Georg Braun), 1787 – 1804.
6. Иоганн Фридрих Август фон Фольборт (Johann Friedrich August von Volborth), 1805 – 1810.
7. Кристиан Георг Август Раутенберг (Christian Georg August Rautenberg), 1810 – 1837.
8. Густав фон Вестениус (Gustav von Westenius), 1838 – 1868.
9. Отто Герман фон Шталь (Otto Hermann von Stahl), 1868 – 1875.
Герман Альберт Эберхард Баргельд
10. (Hermann Albert Eberhardt Barteld), 1875 – 1911.
11. Вильям Юкум (William Jucum), 1911 – 1915.
12. Артур Альберт Шеен (Artur Albert Schoen), 1915 – 1916.
13. Пауль Рейхерт (Paul Reichert), 1922 – 1932.
14. Бруно Рейхерт (Bruno Reichert), 1933 – 1935.
(Расстрелян в 1937).

Ханс Шван. В 2001 – 2006 годах главный управляющей делами Евангелической – Лютеранской Церкви в Санкт–Петербурге, России, на Украине, Казахстане и Центральной Азии.

Список источников и литературы

1. Бахмутская Е. *Образование немецких колоний в Петербургской губернии, Немцы в России: Петербургские немцы.* Санкт-Петербург 1999, с. 242 – 243;
  2. Князева Е.Е., *Метрические книги Санкт-Петербургского консисториального округа как источник по истории лютеранского населения Российской империи XVIII-нач. XX вв., диссертация.* Санкт-Петербург 2004, с. 206 – 230.
  3. Князева Е.Е., Соловьева Г.Ф., *Лютеранские Церкви и приходы России XVIII-XX вв.,* Санкт-Петербург, 2001, с. 68 – 69.
  4. Сысоева Н., *Немецкая колония Овцыно: прошлое и настоящее, Немцы в Санкт-Петербурге.* Санкт-Петербург 2005.
  5. Шкаровский М., Черепенина Н., *История Евангелическо-Лютеранской Церкви на Северо-Западе России 1917 – 1945,* Санкт-Петербург 2004, с. 196.
  6. Шрадер Т., *Поселение немецких христиан-колонистов в Петербургской губернии, Немцы в России: Люди и судьбы.* Санкт-Петербург 1998, с. 48;
1. *Deutsches Ausland-Institut, heute VDA*
  2. Koch E.; *Die deutschen Kolonien in Nordrussland, Dissertation, Würzburg, ohne Jahresangabe.*
  3. Pingoud G., *Die Evangelisch-lutherischen Gemeinden in Russland, Band I, St. Petersburg 1909, S. 69 – 73.*
  4. *Luther G. Herdamine för Ingermanland, Helsinki 2000, S. 188 – 189.*
  5. *Reichssippenamt*
  6. Scholl R., *Das erste Kirchenbuch von Neu-Saratowka in: Jahrbuch für auslanddeutsche Sippenkunde, Stuttgart 1936, S.72 – 85;*
  7. *Schreiben des Deutschen Ausland-Institutes vom 8. Mai 1942.* Bundesarchiv, R 1509/1773.
  8. *Schreiben des Reichskommissar für das Ostland vom 6. Juni 1942, mit Aktenvermerken bis 1945.* Bundesarchiv, R 1509/1773.

Министерство внутренних дел
 департамент
 ДУХОВНЫХ ДЕЛ
 иностранных исповеданий
 13 апреля 1890 г.
 №1557
 Евангелической – лютеранской
 Генеральной консистории

Предложение

Согласно отзыву С. Петербургского Губернатора, не встречая съ своей стороны препятствий къ обмену принадлежащаго евангелической – лютеранской церкви в колонии Новосаратовской, С. Петербургской губернии, участка земли въ 200 кв. саж. на таковой же участок, принадлежащий местному крестьянскому обществу, с тем чтобы относительно обмена крестьянской земли было соблюдено требование примечания 2 къ ст. 86 пол. Учр. крест. (особ. прим. къ т. IX по проб. 1886). Предлагаю о сем Генеральной Консистории для зависящаго распоряжения, вследствие представления от 3 октября 1889 г. за №955.

Представленные Консисторией план и копия приговора при сём возвращаются.

Министр Внутренних Дел Статс – Секретарь –
 И.Н. Дурново – подпись.

*Копия документа о выделении участка
 земли под Новосаратовскую кирху в 1890 г.*

РГИА, ф. 828 оп. 6, дело 181, л. 3 – 3 об.

Немецкая Евангелическая лютеранская церковь
 Святого Петра. 1833 – 1838. Архитектор А.П. Брюллов.
 Санкт-Петербург. Невский пр., 22А.

Воспоминания Александра Абрамовича Шмидта.
Обработке текста Н.А., А.А., С.А. Шмидт.

Александр Абрамович Шмидт.
 рис. Абрама (Адама) Абрамовича Шмидта, 1953.

Александр Абрамович Шмидт родился в 1923 году в Новосаратовской колонии. В марте 1942 года он был эвакуирован, в составе всей семьи, в Сибирь. В 1961 году переехал с женой и детьми в Киргизскую ССР. После выхода на пенсию перебрался в Украинскую ССР.

Что я помню о кирхе. Шёл 1927 год. Мне было в ту пору четыре года. По рассказам старших в этот год, как и раньше, была очень большая смертность среди детей от дифтерии, оспы, скарлатины и т.д.

В помещении поселковой пожарной организовали медпункт по прививке от оспы. Идти надо было километра полтора пешком и к тому же на какие-то оспы. Как сейчас помню, мне было очень страшно, так далеко я еще не ходил, и меня долго уговаривали.

Спасло родителей то, что я соблазнился чудесным звоном, который доносился из кирхи только по воскресеньям. Собралось нас малышей, таких как я, человек пять. Старшей была моя сестра Эрна, которая уже училась в школе за кирхой. Не торопясь, взявшись за руки, мы дошли до кирхи. Сестра Эрна показала мне, где висят колокола, парадный вход, школу и кладбище при кирхе. Все это меня настолько поразило, что дальше мне идти расхотелось. Я настойчиво просился на колокольню или в кирху. Выстроились мы в очередь на прививку без особого страха, ведь оттуда выходили дети в хорошем настроении и с конфеткой в руке. Я вырвался вперед, чтобы получить конфетку и скорее идти смотреть, как будут звонить в колокола. С нами был мой брат Абрам, он, в отличие от меня, менее импульсивен и был

недоволен моими порывами. Поставили мне прививку непростую. Медсестра спросила:

– Сколько тебе лет?

– Пять .

– Вот и поставлю тебе две пятёрки.

Потом вспоминал медсестру. За что поставила мне две пятёрки? Они у меня так долго болели. Но это было потом. А сейчас мы возвращались с конфеткой в руке к кирхе. По дороге я всем изрядно надоел, спрашивая: “Когда начнут звонить?” До службы оставалось ещё много времени, и я использовал его, чтобы обежать вокруг кирхи. Мне там всё нравилось: большие окна со святыми в витражах, высокое здание, глядя на которое, чуть шею не свернул, высокие деревья вокруг, и главное звонница с колоколом и позолоченным крестом, сверкающим на солнце. Белое здание и колонны на парадном входе, к которому примыкала широкая лестница, приворожили меня к кирхе окончательно. Зазвонили колокола! Я быстро побежал в садик перед кирхой, где находились все остальные, и с каким-то непонятным страхом, весь сжавшись, слушал звон колоколов. В перезвон подключилась Покровская православная церковь. Это был собор с четырьмя звонницами очень красивой архитектуры. Но главное, мелодичный тревожащий звон. Я впервые увидел и услышал, откуда звонят колокола и как это делает звонарь. Люди начали выходить из домов, крестились и направлялись к церкви. Мне тоже захотелось идти туда, но сестра сказала мне, что нужны деньги и что пускают только с взрослыми. Я успокоился, и мы пошли домой.

До самого дома всё смотрел на Покровский собор, который стоял на высоком левом берегу Невы в селе Рыбацкое и завораживающе отражался в водах реки.

Мы всё лето бегали босиком, росли не по дням, а

по часам. Обуви на всех нас пятерых не напасёшься. Выручила крестная, вмешавшаяся в озабоченный разговор родителей. Купили мне сандалии, теперь в обуви я с взрослыми мог ходить в церковь.

Дождались воскресенья и с утра пораньше начали готовиться с братом Абрамом к посещению храма. Мыли шею с мылом, отмывали ноги, не знавшие за всё лето никакой обуви. Подошвы сделались похожими на хорошо выделанную бычью кожу, были толсты и несокрушимо крепки. Трудно было отмыть цыпки, от которых мы все страдали, и уберечься от них было трудно.

Лужи и солнце были виновниками стянутой и треснутой кожи. Нас, отмытых, причесанных осмотрели и дали добро. Дали нам по монетке в руки, и мы двинулись познавать другой мир. Встречные прихожане, поздоровавшись, спрашивали: ”Это ваши киндер? Какие они хорошие, черноглазые, как быстро выросли!” Мы улыбались от похвал, оценив свой утренний туалет. Хотелось похвастаться, что мы сами умывались, и никто нас не заставлял. Прошли полсела как через строй – напоказ. Все встречные здоровались, кланялись, а родственники непременно заговаривали с отцом.

Отец разьяснял, кто из родственников кем нам приходится. Запомнить такую массу информации мы не смогли, наши мысли были полностью поглощены монеткой, которую должны опустить в какую-то кружку. Отец показывал нам дома, в которых жили родные.

Мы все больше смотрели, как красиво раскрашены дома, какие ограды, как чудесны цветы, как чисто подметена и посыпана чистым песком дорога.

В субботу отец надел белый фартук, начистил сапоги и повел нас на уборку территории. Сравнивали свой труд с тем, что видели на нашем пути в кирху.

Оценка была не всегда в нашу пользу. Мы с братом

впервые увидели такое скопление народа и особенно сверстников. Вошли в божий храм, и настала пора расстаться с монетой. Шли все спокойно, не толкаясь и не спеша. Опустил я свой грош в кружку с волнением, ожидая чуда от этого действия. Чудо показалось при проходе вторых двухсторонних дверей. На высоком потолке висели две большие люстры с множеством подсвечников. В больших окнах с правой и левой сторон высвечивались святые, впереди располагался иконостас.

На спинках скамеек на специальной полочке у всех прихожан лежали молитвенники. Нас посадили на передние места без спинок. В первом ряду мы чувствовали себя не очень уютно. Как новички, ждали какого-то подвоха и все ёрзали. Заиграла не знакомая музыка, на незнакомом инструменте. Звуки потянулись откуда-то сверху, через потолок в зал, а затем в наши настороженные души вихрем вошло что-то, от чего мурашки побежали по коже. Мы были настроены слушать дальше. Но музыка затихла, вошёл пастор в чёрном одеянии с Библией в руках. Он поздоровался с прихожанами, обратил свой взор на первый ряд и спросил, чьи дети, благословил нас, погладив при этом по головкам, и призвал всех к богослужению.

Я онемел от прикосновения и не смог промолвить ни слова, чтобы поблагодарить его. Пастор поднялся на кафедру и начал читать проповедь. Это для нас было все недоступно и малоинтересно. Мой взор был обращён на то место, откуда звучала музыка.

Там я увидел сплошную стену из труб и какой-то ящик, за которым сидела женщина. После окончания проповеди опять заиграла музыка, к которой присоединился хор. Казалось, что от этих звуков вибрировали не только стены, но и сидящие в зале.

Но ещё больше нас поразило пение всех прихожан.

Как я позднее узнал, в кирхе помещалось человек четыреста. Мое любопытство не могло быть удовлетворено без знакомства с колокольной и органом, который всех нас завораживал. Без того, чтобы не узнать, как зажигают свечи на люстрах. Где и как крестят детей, как отапливаются помещения зимой.

Вопросы накатывались после каждого нового посещения кирхи. Всё, что меня интересовало, с помощью знакомых отца было мне показано и рассказано. В некоторых случаях я получал удовольствие попробовать свои силы и способности. Нам показали, какой механизм накачивает воздух в меха органа, провели по лестнице на колокольню и дали возможность попробовать раскатать большой колокол.

Мы осмотрели круглые чугунные печки, которые отапливали кирху, увидели, как опускают и поднимают хрустальные люстры, как зажигают и тушат свечи. Кирха расположена на небольшой возвышенности берега Невы. Метрах в пятидесяти был небольшой пруд, в который впадал ручей. Между берегом Невы и зданием была оставлена полоса первозданного леса, защищавшая берег от обрушения. Она придавала всему берегу особую красоту.

Кирха и её судьба. Рядом с кирхой были построены церковно – приходская школа, здание для учителей, помещение для пастора и церковного старосты. Кладбище располагалось недалеко от кирхи. Лесонасаждения в зоне церковных построек были хорошо распланированы и не затеняли постройки. Двухэтажное здание кирхи стояло на высоком цоколе из плотного известняка. По длине располагались большие окна по двенадцать штук на каждом этаже, которые украшали фасад своей полуциркульной формой,

отделанные полным архитектурным ордером. Фасадная часть украшалась фронтоном, опирающимся на четыре колонны ионического ордера. Полукруглые ниши украшали парадный вход в кирху. Четырехколонная звонница с красивым карнизом, полукруглой крышей, венчавшейся позолоченным крестом, завершали наружное оформление здания. Крыша была покрыта медным листом. Все деревянные конструкции здания были выполнены из лиственницы и дуба. Внутреннее пространство здания имело бельэтаж, на котором располагался орган и боковые балконы с сидениями. По концам балкона маленькая библиотека и место для музыканта-органиста. Балконы опирались на колонны с красивой капителью. Интерьер зала украшали витражи в четырех боковых окнах изображением святых. Алтарь был украшен позолоченной деревянной инкрустацией. Зал освещался двумя хрустальными люстрами и боковыми бра. Вся мебель, деревянные отделочные украшения были сделаны из дуба.

Столетие кирхи власть отметила её закрытием. С трудом нашли желающих спилить крест и снять колокола. Таким способом решили вычеркнуть “дурман религии” и начать перевоспитание человеческих душ, и воспитывать новое поколение без влияния кирхи и всего того, что было накоплено предыдущими поколениями.

Вместо службы начались шумные собрания на всю ночь. В помещении, где проводились собрания, керосиновые лампы тухли от недостатка кислорода, а люди всё искали какую-то новую справедливость и правду. Кирху в это время продолжали грабить и готовить под клуб для воспитания нового поколения. Началась волна партийной чистки.

Смысл всего происходившего нам был малопонятен, но чувствовалось, что страсти кипели, накал был высок.

Чтобы ни говорили нам о дурмане религии, в душе у нас записались таинства органных звуков, перезвон колоколов кирхи и Покровской церкви на левом берегу Невы в селе Рыбацком.

Музыка органа тревожила своей красотой всё тело. Пение прихожан, праздничные наряды, церковные службы – всё это, по детской моей памяти, было светлым, чистым, радостным и грустным. Воспитательная роль пастора, объявлявшего всенародно о неприглядных поступках отдельных прихожан, нерадивых крестьян, плохих семьянинов – была самым сильным средством борьбы за культуру и порядок. Замечания пастора были непререкаемы и принимались к исполнению под общим надзором. Догадливая молодежь приходила к нерадивому хозяину и наводила порядок за определенную плату – пиво с закуской или еще чего покрепче. Выгодное предложение.

Прожитая часть жизни лучшая. Долго искал точку опоры, с какого воспоминания о детстве начать рассказы. Этим воспоминанием явились звуки, будившие нас и звавшие на работу. Это – голоса родителей и старших сестёр. Шум пароходов на Неве и, самые тревожные и остро запомнившиеся, звуки перезвона колоколов рыбацкой Покровской церкви и Новосаратовкой кирхи.

О чем бы ни вспоминали, встретившись с друзьями детства, всегда все события связывались с кирхой ставшей домом культуры. Всегда тянет в родные места, к той воде, вкус которой отличишь в любое время, запаху морского ветра, к кладбищам, где захоронены родные и близкие. В кирхе нас крестили, учили читать и писать, учили церковному духовому пению, приобщали к культуре поведения в обществе, уважению к старшим, учили отдавать последний долг родным и близким.

Почти все эти обряды сопровождались звоном колоколов. Человек, выросший с этими звуками, впитавший их как воздух, никогда не сможет забыть свою родину. Моё детство пришлось на период НЭПа. Быстро начали появляться богатые и бедные, работники и лодыри, умельцы и неумевшие ничего делать. Политики начали делить общество на крестьян и кулаков, трудящихся и нэпманов. Одним из главных внутренних врагов стала кирха, объединявшая все сословия. Комсомольцы пропагандировали атеизм, говорили о вреде религиозного дурмана, связях церкви с границей и внутренними врагами. Всё это вдальбливалось нам, легковёрным и податливым детям. Об этом говорили в садике и школе, на сельских сходках и лекциях, в печати и радио. В тумане моего прошлого есть незабываемые дни, я вижу их как в зеркале. Хочу сделать эти записи не для самооправдания задним числом, а для того, чтобы потомки знали, как мы росли и воспитывались. Мы – дети своего времени, со своим Богом в душе и цепкой памятью, сохранившей много счастливых мгновений, несмотря на не очень сытую жизнь.

Мать и отец. Мать Екатерина Фёдоровна (Готфридовна) 1890 года рождения.

Она была троюродной сестрой отца. В семье из 11 человек она была старшим ребёнком. На период эвакуации в живых было три брата и три сестры. Жили они в Весёлом посёлке (ул. Народная в Невском р-не Ленинграда). Одного из братьев дяди Христиана репрессировали в 1937 г. и он пропал без вести. Дядя Андрей и Саша после эвакуации умерли на Ангаре, на Тасеевском рейде. Тётя Лиза умерла в Караганде, где работала в Трудармии на шахте. тётя Тереза умерла в Алма-Ате. Помню, что братья

мамы все играли в духовом оркестре. Весёлый Посёлок получил своё название потому, что большинство мужчин играли на музыкальных инструментах. Это были семьи, отделившиеся из Новосаратовки и обосновавшие новое поселение на купленных и отвоёванных у болот землях. Их ещё называли Подканово, т.е. под канавой отводившей болотные воды. Судя по тому, что каждый из братьев имел свой дом, и дом деда был большим, дед умело вёл хозяйство и был достаточно образованным мужиком. Мать имела 4-х классное образование, как и большинство женщин немок. Судя по разговорам старших, женитьба отца была не по любви, а по каким-то наследственно земельным соображениям. Женитьба была видимо в 1912 году т.к. Тереза родилась в 1914. Дальнейшая судьба матери ничем не отличалась от жизни других немок - хозяйство, дети, корова. Я ещё помню, что до конца Коммуны в 1928 – 29 гг., у нас была лошадка, 2 коровы овцы и гуси, куры.

Был где-то и участок земли. Мать долгие годы управлялась с хозяйством одна. Отец был в армии 1903 – 1908 гг. потом в 1913 – 1920 гг.

Дети рождались с перерывом через 2 года. В то время сельские труженики работали общиной и помогали солдаткам по общинным законам. Мать, по своей натуре, была очень трудолюбивой и целеустремлённой. Набедовавшись, она надеялась на лучшую долю в своей жизни. Поэтому наслушавшись о коммуне, где работать будут по возможности, а получать по потребности, её и подобных ей, обременённых семьями, эта идея привлекла. Наша семья и ещё несколько тружеников вступили в коммуну. Организация коммуны совпала с раскулачиванием. Образовались два враждующих лагеря: коммунары и единоличники, ещё подкулачники.

Только теперь стало ясно, кто был кто, и для чего

нужно было партийным начальниками разрушать естественный процесс развития крестьянского общества.

Мать была, по своей малограмотности и низкой культуры активистом этой компании. Многие из первых коммунаров впоследствии были репрессированы и сосланы в Сибирь. Коммуна сама себя “съела” и преобразовалась в колхоз, где мать была членом правления. Жить стали ещё беднее, чем при единоличном хозяйстве. Всё, кроме коровы, сдали в колхоз. Молоко продавали, чтобы на вырученные деньги купить хлеб и сахар. На трудодни денег почти не давали, а если давали, то раз в год по 10 копеек за трудодень. Стало немного легче, когда сёстры пошли на работу. Нам с братом, первый костюм купили, когда мне исполнилось 16, а брату 18 лет. Это было в 1938 году после отмены карточной системы. Мать была в постоянной работе, и её влияние на наше воспитание было малозаметно.

Но она была примером для нас в своём умении управляться с хозяйством и на кухне. Она шила, вязала, починая и даже подшивала валенки. Отец, в отличие от матери, был на удивлении большой неумеха. Он родился в 1882 году младшим сыном в семье из 18 человек и был старше матери на 8 лет. По разговорам старших, его поспешно женили т.к. в молодости он завёл ребёнка с, неподходящей для семейной пары, женщиной.

Возможно, это была бесприданница. Отец очень любил лошадей и в последнее время работал конюхом. Мать, насколько я усвоил и запомнил, делила нас на любимцев и нелюбимых. В числе нелюбимых был и я. Отец в отличие от матери любил нас всех одинаково и болезненно переживал эту делёжку. Я больше был привязан к отцу и сестре Терезе. Характером отец был мягкосердечным, доброжелательным, отзывчивым и никогда не повышал голос на нас и не наказывал.

Вся власть в семье была в руках матери. Она вела хозяйство и если мне нужны были деньги на поездку в город, я просил их у отца. Мне мать не давала. Абрам, любимец матери, получал. Позднее я стал себе зарабатывать деньги, играя на танцах в струнном оркестре. Сколько помню, в хозяйстве помогал в основном я. Это была работа по носке воды с Невы, заготовка дров, уборка навоза подвозка сена и др. дворовые работы. Абрам к этим работам не касался, он рисовал, спал до 12 дня или ездил в город в студию, где учился. Отец в своей жизни ничего, кроме библии не читал. Он нам иногда рассказывал о своих воинских походах в 1904 году или в 1914 году в войсках при Брусилловском наступлении или во время Гражданской войны. Он служил в конной службе артиллерийских войск. Он не умел слесарить или плотничать - его специализация это кони. А вот его братья все были хорошими кустарями. Ещё помню, что он был хорошим компаньоном в молодёжной компании, любил танцы, в меру выпивал под рассказы армейских анекдотов. Надо отметить, что супружеская неприязнь впоследствии отразилась на жизни отца.

Путешествие в детство. Сегодня, пока вёл внука в детский садик, “порылся” в своей памяти. Всплыли неожиданно подробности 1929 – 1930 гг., когда я тоже ходил в садик в Новосаратовке. Это было время, когда организовались первые коммуны, шло активное раскулачивание, но ещё существовал НЭП.

Тогда частные лавочки торговали разной мелочью, сладостями. Правление коммуны постановило освободить домохозяек от воспитания детей и организовать “Детские сады”. Постановили, а что это такое, где и как его организовывать, об этом не подумали.

Прошло какое-то время, раскулачили ещё несколько семей. В верхней колонии Новосаратовки освобожден дом Ульриха. Это был добротный дом с верандой и хорошим садом. Здесь и устроили детский сад. Поварахи первое время были и воспитателями.

Пока они с усердием крутились у кастрюль на кухне, мы с не меньшим усердием занимались своим самовоспитанием. Нас сначала было совсем немного – около десятка. Большее время, страшно неугомонные, мы были предоставлены самим себе. Кухарки не имели представления о воспитательской работе, поэтому мы творили, что хотели. Разделившись на группки по интересам, босые, голые с шумом и криками носились, лазали по чердакам, по закоулкам еще недавно очень богатого дома. Мы постоянно находили что-нибудь интересное, чем несказанно удивляли взрослых.

Таковыми находками были царские деньги – “Екатериновки”, “Николаевки”, коробочки с медными монетами, красивая посуда и многое другое. Мы, маленькие предприниматели, начали организовывать свои торговые точки, “шиковать” деньгами, не имевшими абсолютно никакой ценности. Высунув языки от усердия, отчаянно торговались с мнимыми покупателями. Но где деньги, там и ссоры. Мы обижались, ругались, плакали. Мир наступал после кормёжки. Кухарки обзывали нас “ненасытными щенятами”, говорили, что нас легче удавить, чем прокормить. Но ведь мы так выложились за нашими играми, мы так измотались, так проголодались! Картофельное пюре, капуста, небольшой кусочек хлеба и стакан слабого сладкого чая – всё проглатывалось мгновенно. Нам всё время хотелось есть. Мы всё чаще и чаще вертели около кухни. Со временем на наше заведение обратило внимание какое-то начальство.

Это был первый опыт организации детской

дошкольной группы. К нам прикрепили молодую красивую учительницу – Лиду Шмидт. Мы её сразу с радостью приняли и полюбили. Она с нами с удовольствием разучивала песни, новые игры, водила нас в недалекие походы. Кухня стала разнообразнее, и мы всегда с большим нетерпением ожидали обеда.

Шефы с завода “Электросила” приобрели для нашего садика игрушки, барабаны, трубу, всё это мы увидели впервые в своей жизни. Естественно, мы даже не знали истинного назначения этих красивых предметов. Игрушки мы сразу же все выпотрошили, интересуясь их содержимым. Нашей воспитательнице было с нами непросто. Она должна была учить нас в 1-ом классе. Чтобы приучить нас к дисциплине, Лида организовала из нас отряд, научила нас ходить строем, играть на барабане и трубе. Я быстро овладел барабанной дробью, но с трубой было сложновато.

На первомайскую демонстрацию, где участвовала школа, были и мы, дошколята. Будущие октябрята шли в первых рядах, играя на трубе и барабане.

За что мы вскоре и поплатились. Второклассники школы напросились к нам в гости. За два часа их общения с нами они продырявили 2 барабана из трёх, испортили половину наших заштопанных игрушек, и посему наша дружба не состоялась. Нас хотели принять в октябрята – дать значок с курчавым Лениным и надписью – “Учиться, учиться и учиться”, но не получилось. Сказали, что мы слишком малы, да и в школу пока не ходим. Воспитательница рассказывала много о Ленине и о большевиках, кулаках и подкулачниках, буржуях и капиталистах. Особое внимание уделялось антирелигиозному воспитанию.

Все слова, которыми ругали религию и угнетателей трудового народа, мы слышали в садике.

Когда мы, маршируя по селу, направлялись в очередной поход, к нам пристраивались уличные мальчишки, выкрикивающие обидные для нас слов, вроде: “Коммуняки – бяки – бяки, антихристы” и тому подобное. Мы их не очень-то боялись и с удовольствием парировали им в ответ: “Закроем церковь, построим клуб, и вы ещё первые прибежите на танцы. Мы отомстим вам”, – так нас учила говорить наша няня.

Старый вяз. Улица, по которой ходил в школу и лесопарк, запомнилась мне, благодаря множеству событий моего детства. Много раз я проходил мимо старого вяза, который рос на полпути от моего дома до школы. Нам ещё отец рассказывал, что в этот вяз ударила молния, и дерево сильно пострадало. В нижней части ствола образовалось дупло. Никто из нас не проходил мимо, чтобы не измерить толщину вяза – четыре обхвата первоклашек, три обхвата шестиклассников.

Дупло было достаточно большим, чтобы мы могли залезть в него и измерить свой рост. Сентябрь, мокрая погода, на влажную землю с могучего дерева нападали хрупкие, полуистлевшие ветки, в тёмной дыре дупла было сыро и пахло грибами. Пришла моя очередь лезть в дупло. Все мои попытки залезть самостоятельно не увенчались успехом, начали меня заталкивать всей группой школяров, которые собрались поглазеть на это действо. Затолкнули и, о Боже, пошёл дождь.

В жаркие летние дни мы часто укрывались под листвой, но в дождь в дупле я укрывался впервые. Раньше не было времени остановиться и прислушаться к шёпоту зелёного друга, а сегодня он шумел, боролся за каждый листик, но при порывах ветра ронял их всё больше и больше. Под деревом без листьев от дождя не укроешься. Все друзья побежали искать другие укрытия,

а про меня забыли. Чувствую, что в дупло начинает набираться вода, за шиворот капает, пытаюсь выбраться – не получается. Скользкая мокрая кора разбухла и сузила отверстие. Мне становилось страшно.

Хотел кричать о помощи, но рядом никого не видно. Вскоре дождь прекратился. Из-за туч выглянуло солнце. Я начал пытаться выбираться из западни сначала передом – не получилось, какие-то отростки в дупле вцепились и рвали мою одежду. Повернулся задом, вытащил одну ногу, а руки не пролазят. Начал кричать. Меня услышали, но не могли понять, из какого дерева зовут о помощи. Слышу разговор кого-то из взрослых: “Смотри, вяз родил человечка, и даже одетого”. Значит увидели! Но мне было не до смеха. Сначала меня пытались вытащить одетого, но не получилось. Народу стало собираться всё больше и больше, а меня пытаются вытащить то за ногу, то развернуть и тащить за руки, а я от страха весь скрутился и кричу: “Больно”. Советчиков собралось много, были предложения срубить вяз, так как я не первый, кто застрял в дупле. Предлагали расширить отверстие, чтобы и взрослые дураки смогли залезть и измерить свою глупость. Кто-то предложил установить решётку на дупло и сажать туда двоечников. Наконец догадались взять меня за пояс, так как я стоял спиной наружу, и вытащить, но без верхней одежды.

Получил команду: “Не кричи, расстегни пуговицы на пальтишке”. Все указания выполнил. Меня без особого труда вытащили и под общий смех: “Вяз родил голенького человечка”, отпустили вымазанного в грязи дуплинного гнилья. Поправил задранную одежду, пошёл в школу. По дороге меня встретили одноклассники с учительницей Эрной Константиновной.

Отдали мне мой ранец, который ребята унесли в школу, и отправили домой. Через много лет мы с братом

посетили своё родное село Новосаратовку. В раздумье присели на лужайку недалеко от вяза и поневоле начали вспоминать всё, что было связано в нашей жизни с вековым вязом в три обхвата. Под тенью этого дерева мы, молодые, назначали свидания, укрывались от палящего солнца и дождя. Под ним проходили первые первомайские демонстрации, первые школяры и защитники родины. Проезжали первые стальные кони и чёрные воронки. Много ещё можно вспомнить событий из жизни, немым свидетелем которых был старый вяз. Хочется походить по заветным дорожкам, поглядеть, досыта надышаться воздухом родины, попить невской воды. Деды и прадеды наши тут жили, я и мои родители появились здесь на свет. Мы здесь росли, бегали босиком по берегу вот по этим деревьям лазали, играя свои детские игры.

Долой церковный дурман. В 1933 году взорвали Покровский собор в селе Рыбацкое. Я пацаном с сестрой, из любопытства, ходил в эту церковь. Сестра после окончания пятого класса в Новосаратовке училась в рыбацкой школе. В один час лишили нас удовольствия слушать звон колоколов, православных прихожан права молиться и всё ради насильственного вколачивания в наши мозги новой веры – построение коммунизма во всём мире. Помню лозунг: “ Кто не с нами, тот против нас!” В души людей вселяли страх, взаимное недоверие. Так было легче править. По разговорам взрослых я узнал, что долго искали исполнителей, которые согласились бы взять грех на душу и спилить крест на нашей кирхе. Эту работу выполнили двое русских безработных за обещание устройства на работу и неплохой оплаты за небезопасный труд. За процессом грехопадения наблюдало всё взрослое и детское население колонистов.

Сыпались проклятия и угрозы на смельчаков. Работа была действительно опасная, как у верхолаза.

Крест пилили долго, ломались полотна. Работники перекуривали, меняли инструмент, и всё это происходило под пристальным взглядом прихожан и сыпавшимися проклятиями. К концу работы приехали незнакомые люди, и, напуганный возможными репрессиями, народ притих. Спильный крест, чуть не прихватив с собой одного из рабочих, упал на крышу и пробил в ней дыру.

Это место, несмотря на неоднократные ремонты, когда был уже Дом Культуры, постоянно протекало. С колоколами разделались быстрее и как-то менее болезненно. Да и выполняли эту работу другие люди. Самое интересное случилось позднее. Рабочих, которые спиливали крест, обвинили в краже золота с креста. Их арестовали, и о дальнейшей судьбе бедолаг никто ничего не слышал. Здание кирхи стало собственностью колхоза. По приказу сверху, все поля засеяли пшеницей, лошади остались без овса, коровы без сена, колхозники без картошки - наступил голод, чего в колонии сроду не бывало. Колхоз был разорён. Чтобы пополнить кассу, решили продать две хрустальные люстры с позолоченным остовом и красивые позолоченные бра. Операцию признали незаконной и жульнической. Председателя куда-то увезли, назначили другого, вроде хорошего мужика. При нём колхоз начал оживать. Но при предыдущем председателе в помещении кирхи была ссыпана недозревшая пшеница, которую благополучно сгноили. Неудача с тем, чего крестьяне никогда не сеяли.

(Осенью 2004 или 2005 года обследовал район Новосаратовки с целью поиска материала для книги. На полях лежала неубранная пшеница. На этот раз у колхоза не было топлива на уборочную, а у государства

желания и денег закупать зерно. Весной по полям пустили огонь. – Составитель).

События мелькали как в калейдоскопе. Гибель скота, раздор среди людей, ликвидация кирхи, аресты и суды врагов народа. Убийство первого секретаря ленинградского обкома ВКП (б) С.М. Кирова. Предстояли первые свободные выборы в Верховный совет, и для этого в кирхе начали делать клуб. Для выполнения этой работы колхозом была направлена бригада плотников, бригадиром был Фёдор Шефер.

Им предстояло сделать из алтарной части сцену, переделать сидения и очистить помещение от культовых предметов. Нас, пионеров, приставили к плотникам в помощь по уборке мусора. Два дня на подводах вывозили на свалку всё, что нельзя было применить для украшения сцены. Работа в качестве помощников нас увлекла. Она дала нам возможность вникнуть во все сложности конструкции и мастерства строителей кирхи.

Плотники проклинали прочность древесины – лиственницы и дуба. Строили на века, прочно, красиво, без халтуры. Из окон вытащили витражи святых и кому-то продали. Орган (в то время в Ленинграде было всего четыре) тоже хотели купить, но по настоянию кого-то, знавшего цену этого инструмента, оставили. История с хрустальными люстрами тоже заслуживает воспоминаний. Их приобрели для Володарского дома культуры. Из двух сделали четыре, две смонтировали в ДК, а две продали на сторону за большие деньги. Махинация обошлась исполнителям в десять лет лагерей. Об этом писали в Ленинградских газетах. Бригаду плотников спустя некоторое время арестовали. Пришла волна смягчения, Ежова сменили на Берия.

Некоторых из тех, кого не успели расстрелять, и

находившихся под следствием освободили, в том числе и Шефера. Его и выбрали председателем колхоза.

Все решили, что он теперь проверен и закалён, и лучшего человека им не найти. Нашими кандидатами в депутаты были композитор Дунаевский и маршал Тухачевский. Состоялась встреча с Дунаевским. Выступал он перед избирателями на новой сцене в открывшемся ДК – бывшей кирхе.

После собрания начался концерт джазового оркестра Утёсова. В дальнейшем ДК не оставался без внимания со стороны эстрадных групп и других просветительских организаций. Заведующим клуба и учителем рисования начал работать Александр Георгиевич Унтерзеер. Библиотекарем стала его жена Эльфрида Яковлевна. Началась работа с молодёжью, организовались различные кружки, хор и струнный оркестр.

На фестивале народного творчества наш коллектив получил призовое место и был отмечен подарком – пианино. Я, с заведующим клуба, находился в дружеском контакте, он научил меня писать объявления, лозунги, афиши. Жили они с женой при клубе, в комнате, где во времена работы кирхи стояла купель, в которой крестили младенцев. Мой брат Адам тоже учился рисовать у Александра Георгиевича. Иногда зав. клубом с женой уезжали по своим делам, и я оставался в их комнатке охранять клуб и проводить намеченные мероприятия: танцы, концерты. В 1938 году опять начались новые репрессии против врагов народа. наших депутатов тоже объявили врагами. Арестовали руководителя нашего струнного оркестра. С оборонных предприятий уволили всех немцев, что привело многие заводы на грань остановки. Спустя некоторое время одумались, восстановили обратно. Активность культмассовой работы стала ограничиваться танцами и кино.

Дела кузнечные. Кузнечное дело – это ремесло, которое переходило от поколения первых колонистов рода Шмидт до наших дней. Только в нашем доме жили два кузнечных дел мастера – двоюродные братья. Впервые в кузницу я приехал верхом на кобыле.

Это было ещё в то время, когда не было коммун, колхозов, а у нас был небольшой надел земли.

Имели мы две коровы, кобылу, были овцы, гуси, куры. Отец посадил меня на кобылу, и мы поехали, как он сказал, на перековку на зимние подковы, естественно для кобылы. Впервые увидел, как ладно работает кузнец с молотобойцем, как разогревается докрасна железо. Как жар в горне раздувают кузнечными мехами и как красиво, словно звездочки летят искры. Работа по ковке меня тоже очень увлекала. После первого моего посещения кузницы я уже не мог оставить без внимания такой интересный род занятий. Кузня была от нашего дома метров за 200. И вот однажды по этому маршруту я решил отправиться самостоятельно, первый раз в жизни. Меня потеряли дома, искали везде, но только не в кузнице. Отец вскоре догадался, что я в кузнице. С тех пор меня уже не искали, где попало. Ходить в кузницу я стал со старшим братом. Глаза горят, любопытство гложет. Нас предупредили, чтобы мы ничего не трогали из выкованных вещей или отходов кузнечного производства. При очередном посещении нас попросили подать кусок железа – обрубок.

“Наконец-то пригодились” – радостно подумали мы. Цап, а он горячий! Так дурачили всех новичков – как бы крестили. Перестук молотков сильно манил меня в кузницу, на огонёк. Уже знали, если слышно дружный перестук, значит, куют что-то интересное.

Нужна помощь, качать меха. Эту работу подмастерья мы с удовольствием выполняли. При этом испытывали

радость от своей необходимости. За помощь нам разрешали делать свои игрушечные катальные колёса и ручки – толкачи. Колёса – обручи сваривали сами кузнечным способом. Нам с братом Абрамом доверяли проковать строительные гвозди разных размеров. В 30-х годах их ещё не хватало, и кованые гвозди очень ценились. Так мы приобщились к основам кузнечного дела. Помню, когда учился в 7-м классе, уже имел некоторый навык работы в кузнечных и слесарных делах. Мы сделали себе финские сани, на которых съезжали с горок или приделывали парус и катались по гладкому льду Невы. Наши сани были красиво оформлены поковками и деревянной резьбой. Всё это мы делали сами. Вот от чего мы испытывали истинное наслаждение и радость. Шло время. Нева подмыла и обрушила берег, где стояла кузница. При этом она увлекла за собой две конные грабли, стоявшие для ремонта во дворе.

Ваня кузнец и его напарник, хотели выручить грабли из воды. Среди односельчан нашёлся недоброжелатель – настучал: “Вот, мол, народу возле кузни собралось, суетятся, хотят грабли утопить”. По этому ложному доносу кузнец и 14 - летний Ваня были объявлены вредителями. И получили они по 7 лет. Их вина была абсурдной, но постановили, что кузнец был ещё и агитатором против Советской власти, для чего собирал вокруг себя молодёжь. Довольно долго колхоз был без кузнеца. Сельхозтехника не была в свое время подготовлена, что явилось причиной ареста председателя колхоза. Более года пробыл он под следствием. Кузницу перенесли в другое место. А кузнецом стал мой двоюродный брат Яша. Летом я работал в колхозе, ремонтировал технику и телеги. В этой новой кузне я сделал свою первую серьёзную работу. Игрушечную, действующую паровую машину. Эта моя поделка

побывала на выставке ленинградского дома пионеров. Она была отмечена как творчество юных умельцев. А учил меня и помогал бывший машинист паровоза инвалид – дядя Коля. Светлая память ему. Он умело руководил мною и был главным консультантом при изготовлении деталей к этой игрушке. Энергии у него было столько, что мы, молодые, поражались, как он без рук, без ног, с крючками (самодельными) на руках и деревянными культиками на ногах, выполнял тонкие слесарные работы. Вот уж точно про него: “Дело мастера боится”. Золотник, цилиндры и поршни обрабатывали у него дома. Заготовки я делал сам. Он доверял мне весь свой инструмент. Дядя Коля бывало, подшучивал: “У немца на всё инструмент есть”. Если я что-нибудь делал не так, он меня тут же бодал головой или, в редких случаях, тыкал в бок, приговаривая: – Я же тебе рассказывал как надо. Иногда мне было так больно, что ему приходилось успокаивать, извиняться передо мной. Он тут же помогал вытирать мои слезы платком, намотанным на его крючок.

– Ты, Сашёк, того ... гляди, не держи обиды на меня. Я ведь не со зла. Беда случилась во время блокады Ленинграда. Снаряд попал в дом, где он жил. Возник пожар, а он выбраться из дома самостоятельно не мог. Теоретических знаний в кузнице я не получил, но навык владения инструментом остался на всю жизнь. Ребята часто просили показать модель в действии: “Санька, ёлки - палки, пусть покрутится” Жалею, что не взял её во время эвакуации с собой, в Сибирь. Где она и как сложилась ее судьба – не знаю.

Акробат. К моей крёстной тётке Леле на летние каникулы приезжали её племянник с женой. Крёстная жила в одном с нами доме. Гости отличались от всех

нас, малышей и взрослых, тем, что были цирковыми артистами. Они занимались акробатикой и играли на гавайской гитаре с двумя грифами. Естественно, мы тоже крутились вокруг них, как обезьянки. Пытались подражать циркачам и поняли, что работа артиста цирка трудная и потная. Ребята отступились. Со слабыми мышцами мы ничего похожего на акробатику делать не могли. Пробовали освоить какой-либо номер, но результатов почти никаких. Конрад, так звали племянника крёстной, заметил, что я очень настырный. Немного поиграл со мной и предложил заняться делом – начать накачивать мышцы. С его помощью приделали между двух берез турник. Он показал мне несколько упражнений: кувырок, лягушка, ласточка и другие.

А начинал я с подтягивания. Постепенно стали появляться положительные результаты, которые меня окрылили. Из нашей компании почему-то никто не последовал моему примеру. Трудно, да и интерес быстро пропал. Не помню, сколько мне было лет, когда начал работать на перекладине, но плавать я научился еще раньше – до школы. В 6–7 классах я уже свободно мог подтягиваться до 20 раз. Выполнял все упражнения, которые мне показал Конрад. Друзья всегда с охотой наблюдали, как я лихо бравирую на перекладине.

Тренировки мои проходили с разными казусами и мелкими травмами, неоднократно срывался. Когда осваивал упражнение “солнце”, произошёл забавный случай, В жизни его не забуду. Увидев, что идёт группа ребят не из нашей компании, решил продемонстрировать свои достижения, заранее надеясь, что они без внимания меня не оставят. Подскочил, схватился за перекладину и давай – кувырок, затем пошел на раскрутку “солнышка”.

Перекладина была закреплена между двух деревьев, которые стояли метрах в трех от обрыва берега, до

воды метров 20, сам обрыв метров 15. На втором круге штанга предательски оторвалась от одной березы, и я в головокружительном полёте полетел к обрыву. Как это чудо свершилось, я и сам не понял. За несколько часов до моего “номера” прошёл сильный дождь и размягчил глинистый обрыв. И вот по этому крутому склону я катился со скоростью футбольного мяча, наматывая при этом на себя красную глину. Когда почувствовал, что крутизна заканчивается, изменил позу кручёного гнома в плоского, увеличив, таким способом торможение.

О дальнейших движениях моего ушибленного, изнывающего тела могу рассказать только со слов очевидцев. Мне было не до обдумывания, как и куда я лечу. Детвора, которая мирно купалась и грелась на берегу, с визгом разбежалась, слышав шум и увидев, что на них сверху катится чёрт знает что. Я почувствовал, что мой трюк закончился, растянулся перед водой на песчаном берегу, предварительно проскользнул по нему, как по наждачке, метра два. Глина налипла на меня, забила глаза, уши, нос, волосы. Из глаз сыпались искры, как будто молотобоец выбивает кувалдой их из добела разогретого железа. До этого случая я не знал, почему говорят: “Вот примерю свой кулак к твоему глазу, чтобы увидел звездное небо”. Но случай помог увидеть его без кулаков. Почувствовав реку перед носом, незамедлительно влез в неё, проплыл под водой, думаю, не меньше минуты. Промыл глаза, вынырнув, проплыл еще метров 100 и вылез на берег.

Ребята, которые уже приближались к турнику, увидев два оборота и мой восхитительный полёт в сторону обрыва, рассуждали:

– Вот это трюк! Даже в цирке не видали подобного, но где акробат? Поискали кругом – нет нигде.

– Сгинул, да пропал, словно в воду упал, – шутили они.

Кораблики. Река Нева со своим быстрым течением приносила нам не только много радости, но иногда и горе. В солнечные, летние дни жители Ленинграда целыми семьями устремлялись на отдых в Зиновьевский (Невский) лесопарк на белоснежных пассажирских пароходах. Мы, мальчишки и девчонки, ожидали, когда пароходы “Республика” или “Правда” сравняются с берегом, на котором мы выстраивались с разноцветными, самодельными флажками и приветствовали пассажиров.

Ответная реакция отдыхающих с кораблей была такая же добродушная – нам дружески улыбались, махали платочками. Но наше торжество наступало только тогда, когда нас приветствовали пароходным гудком или оркестр начинал играть “Варшавянку” или вальс Штрауса. Это было здорово, и наша радость была безграничной. После таких встреч разговоров хватало на целый день. Кто-то бросил клич: “Мы тоже сделаем себе корабли!” Мне эта идея очень понравилась. И закипела работа. Начинали многие, а доводили дело до конца единицы. Надо было торопиться. Ждать некогда.

Скоро лето пролетит, и наши корабли негде будет испытывать. В школе вели урок труда с четвертого класса. Мы уже умели строгать, пилить, долбить и т.д. Учитель был требовательный и строгий. За плохую, нерадивую работу давал подзатыльник.

Он был офицером царской армии, и в 1937 году его арестовали. Но самое обидное то, что оба его сына, которые учились в институте, отказались от него, как от врага народа. Иначе им грозило исключение из института и комсомола. Да, было и такое. Время им судья. Пока строили кораблики, родители были в беспокойном состоянии, кто порежется, кто палец ушибёт, а о мусоре и говорить нечего. Убирать приходилось родителям.

Результат нашего энергичного труда был виден уже

на второй день. Моя заготовка приняла форму корабля. Все ребята: Шурка, Рудька, Костя, Колька, и Сергей, пощупав, покрутив корпус и легкие, тонкие стенки кораблика, высказали свое замечание – Саша, надо до конца свою работу доводить. Оставалось доделать надпалубную часть, всё покрасить, высушить и готовиться ко дню торжественного испытания.

Охота дорабатывать свои корабли после того, как увидели наш с Абрамом, у остальных отпала.

Абрам неплохо владел столярным инструментом, да и рисовал он хорошо. Так что последнее слово за ним. Остальные наши друзья стали активными наблюдателями и советчиками. Шурка, Рудька, Колька отделились в группу “мечтателей”. Решили сделать несколько парусных корабликов и пускать их в плавание по воскресеньям, когда будут проплывать отдыхающие.

Наша с братом нагрузка увеличилась. Не припомню, сколько мы их сделали 5 или 8. Но эффект был поразительный! День прекрасный, светило солнышко. Голубое небо с барашками белых облаков.

Первый пуск! Пассажиры парохода высыпали на палубу, что бы увидеть наш парусник, качающийся на волнах. Матросы и капитан в рупор уговаривали пассажиров рассредоточиться, отойти от борта. Пароход от перемещения людей на один борт принял опасный крен. Группа “мечтателей” начала вести “антикорабельную” пропаганду, которая очень угнетала меня и брата. “Жалко труда! А ну как ваш парусник приплывет к буржуям? А если в Америку?”

А они его там пиф-паф. Да и утопят”. Такой разговор шёл до тех пор, пока мы видели наш кораблик с белыми парусами. А когда он исчез за горизонтом, как будто слился с небом и водой, мы разошлись по домам с какой-то щемящей грустью. “Мечтателям” было легче, они не

вложили в него труда, а главное – душу.

Мастер часовых дел. А ведь я чуть не стал мастером часовых дел. Это случилось благодаря любознательности и наблюдениям за тонкой работой настоящего мастера. Яша, троюродный брат моего отца, жил через дорогу от нашего дома. Был он мастером часовых дел. Когда был трезв, в выходные дни работал тайком на дому (частное предпринимательство было запрещено).

В такие счастливые для меня дни я подкарауливал его и прилипал намертво к окошку, наблюдая за его работой. Яша этого страшно не любил. При каждом моём появлении он начинал заметно нервничать и всегда пытался меня прогнать. Руки у Яши тряслись, надо опохмелиться, а денег нет, пустые бутылки сданы. Надо работать. Собрав промытые от грязи, кем-то принесённые карманные часы, он решил оживить их, раскачивая туда – сюда. Ничего не получалось.

Я внимательно следил из-за окна за его действиями, он меня заметил, видимо, решил ускорить ход своих стараний, дунул и нечаянно плюнул. Вся работа пропала.

Сначала он хотел достать меня, открыв окно, потом рванулся к двери. Меня как ветром сдуло с пункта наблюдения. Это было мое последнее наблюдение за работой часовщика. Когда Яша занимался делом, он всегда что-то терял, долго лазил под столом, разыскивая выпавшие из рук винтики и детали. Казалось, что он маялся, а не работал. В такие дни у него еще сильнее тряслись руки. Я решил, что достаточно насмотрелся, подучился “заочно”, можно смело начинать работу. Мне было в ту пору лет 8 – 9. Бегал я ещё в коротких штанишках и, конечно, босиком.

Выбрал момент, когда дома ни кого не было, достал из ящика комода отцовские часы “Павел Буре” с цепочкой.

Осмотрел их и принялся, весь такой серьезный, за ремонт. Повторял все операции точь в точь, как мастер, сначала разобрал, а затем хотел промыть детали в керосине. Для этой цели взял пол-литровую кружку, в которой мать мерила молоко. Рабочее место выбрал около окна на полу, предварительно постелив газету. Разбирал часы перочинным ножичком, как в рассказе “Кавказский пленник”. Этот рассказ читала нам вслух подруга моей сестры Эли – Ирма. И вдруг – о Боже! Идёт мама с дойки коров. Засуетился, ищу, чем и как укрыть от ее взора уже сделанную работу.

На глаза попалась приготовленная кружка, сгреб детали и быстро накрыл кружкой. По всей видимости, мама заметила мою суету. Не рассчитал. Кружка тотчас понадобилась матери. Зашумела: “Только что оставила мытую кружку сушить, куда делась? Сашка, ты не видел ее?” Меня как в холодную воду окунули.

Неуверенно, со страхом промямлил: “Н-ее-т”. Догадалась, долго не искала – увидела моё место работы и перевернула кружку. Молча, подняла её, и ахнула. – Так ведь это отцовский свадебный подарок в разобранном виде! Моё состояние описать не берусь, но, видимо, испуганный вид спас меня от неминуемого наказания. Мыслей было много, а слов для оправдания не хватало. Замыкал, пошевелил губами без звука, да и замер, побледнев. Махнула мать рукой и сказала: “Все равно не ходили”. Отцу рассказала о проделках неугомонного сына. Он подозвал меня. Мы собрали все детали разобранных часов, и пошли к Яше - мастеру. Он их отремонтировал, и никто ему в тот день не мешал, не стоял у окна. А отцу он сказал, что это он виноват, выгоняя меня. После этого случая, кто бы к нам не приходил, отец первым делом спрашивал: “Вам не надо

отремонтировать часы? Только кружку в пол-литра, в которой молоко мерите, приносите с собой”. Этот довесок ставил всех в недоумение. Но, выяснив причину, громко смеялись. Шутя, обещали, а потом действительно приносили неисправные часы, будильники, ходики. Я, с помощью Яши и его консультаций, часть часов отремонтировал и возвратил довольным хозяевам. Первый успех подействовал на меня ошеломляюще. В 1937 – 38 годах Яшу за прогул осудили на год исправительного лагеря, где он и пропал без вести. Его сёстры, спустя некоторое время, передали мне его инструменты и запасные части. Люди по старой памяти, иногда приносили будильники, ходики и патефоны. Эти нехитрые механизмы мне были уже под силу. У патефонов чаще всего лопались пружины, которые я научился паять серебром.

Часовой инструмент взял с собой в Енисейск. Часы отца, которые разбирал самостоятельно, мать обменяла на продукты в Енисейске, куда мы были сосланы в 1942 году. Инструмент вместе с запасными частями часового мастера украли, когда в 1946 году я переезжал из Енисейска в Красноярск на учёбу.

Колхоз. Лампочка Ильича. Волховстрой продолжал строиться (ныне 5-я ГРЭС Ленэнерго в Уткиной Заводе). Мы внимательно наблюдали за этим событием и всё ждали, когда же загорится “Лампочка Ильича?”. Но этого мы до войны так и не дождались. Это был очень интересный период времени, энергии не хватало для промышленности и транспорта. На берегах Невы были поставлены опоры для линий электропередач. Но для подачи электричества в Новосаратовку не хватало проводов и трансформатора. Кроме того в нашем человеческом обществе происходили разные

катаклизмы. Борьба с врагами народа, войны на границах и за их пределами. Мы уже мечтали об электроплугах, электромельнице и т.п. завлекательных машинах.

В этих мечтах о чудесах развалилась и утонула наша коммуна. Общее ведение хозяйства развалилось на второй год. Не было общего скотного и машинного двора. Первого председателя сослали в Сибирь на Енисей.

Каждый год привозили нового председателя. Был Голубев (?) 1932 г., был Скворцов 1933 г., ещё какая-то птичья фамилия. И все эти председатели только разоряли наше хозяйство, которое имело общинный и хорошо налаженный способ ведения хозяйства. В колхозах не знали, как оплачивать труд колхозников - придумали трудодни. В конце - концов, нам прислали председателя по имени Баранов. Он был хорошим организатором, он был земляк С.М. Кирова (уроженцы Вятской губернии - вятичи). Баранов организовал актив, ему дали хорошего агронома, ветеринара. В новый скотный двор, который очень быстро построили, завели живность. Каждый колхозник выделил в общее стадо часть своей скотины.

Организовали три бригады - животноводческая, полеводческая и садовая. Каждая бригада получила грамотного бригадира. Люди начали работать с удовольствием - дела начали поправляться. Но бывшие председатели колхоза запахали осушительные каналы и поля начали переувлажняться. Была проделана работа по восстановлению канав.

Пришёл неурожайный 1933 год. Он очень больно отразился на нашей семье. Мы голодали, и очень чувствительно. Как сейчас помню – в колхозе была организована столовая. И на обед колхозникам давали по три картошки, маленький кусочек хлеба и соль на столе.

Я это хорошо помню, потому, что в школе нас тоже кормили. Съедал я одну школьную картофелину и бежал

домой. Там удавалось ещё чем-то подпитаться.

У Зиновьевского леса был организован совхоз для производства более качественных продуктов для снабжения властных структур. Большая часть новосаратовцев работала в этом совхозе. Когда запустили Волховстрой и подали электроэнергию в ЛЭП, произошёл такой случай.

По Покровской дороге, которая вела во Всеволожск, во время дождя ехала повозка с сеном. В стог были воткнуты вилы, и древко задело высоковольтные провода. В результате разряда убило лошадь. Нашлись злопыхатели, обвинившие в гибели лошади электрификацию. Но дефект низкого провисания быстро устранили и подобных казусов больше не происходило. Но территорию под линией ЛЭП начали охранять. Дело в том, что там росла прекрасная трава и люди пытались пасти там скот. Но высокое напряжение там чувствовалось - волосы поднимались дыбом.

Манёвры. Мы с большим интересом ходили в кино. Фильмы крутили только советские. Сюжеты их были патриотические и всегда побеждали наши. В каждом фильме проигрывали белые, капиталисты, шпионы, изменники родины. Особенно нам нравился фильм “Если завтра война”. Мы впервые увидели и почувствовали, как сильна наша доблестная Красная армия, и какие у нас самолеты и танки.

Самолёты бомбили высокие плотины ГЭС в США, уничтожали военные объекты, а наши десантники освобождали угнетённый народ капиталистических стран. Пока добирались до дома, шло бурное обсуждение фильма, и настрой у всех был боевой.

Возбужденно перекликались: “ Вот бы дали мы этим угнетателям! Поплясали бы они у нас! На следующий

день нас разбудил невообразимый шум необычного передвижения войск и боевой техники.

Начались большие маневры войск Ленинградского военного округа. Село Новосаратовка, близлежащие поля, леса попали в полосу противостояния “синих” и “красных”. Село переходило из рук в руки, ловили “диверсантов и шпионов”. На второй день объявили воздушную тревогу. Пролетающие самолеты сбрасывали болванки на леса и поля. В село прибыли войска химической защиты в противогасах, спецкостюмах и т.д.

На душе стало тревожно, когда на мотоцикле разбились два солдата, врезавшись в мост. Когда маневры закончились у нас впечатлений об увлекательной войне, похожей на настоящую, осталось хоть отбавляй.

Мы начали вооружаться, делиться на группы “белых” и “красных”. И никакая сила не могла отвлечь нас от затеи начать игру в войну. Мы жили ею. Кругом у нас были враги. Мы создали два отряда враждующих сторон. Выбрали командиров. От нашей “красной” бригады стал мой брат Адам, у противников его друг Пеца Финк. Назначили день “манёвров”. Вооружались спешно всем тем, что сделали сами. Поделили обязанности в группе и определили тип вооружения. Санитарами завербовали девчат, которые охотно согласились “служить” в нашем отряде. Лазутчики донесли, что противник строит танк из фанеры, с большой рогаткой вместо пушки для стрельбы картечью. И ещё они готовят себе пики с металлическими наконечниками. Эти наконечники они наломали из могильных оград на кладбище. Для нашего устрашения они достали из склепа череп человека и готовят из него пугало. И надо же, жили как нормальные дети и вдруг просыпаемся, а у нас появился враг – ненадёжный элемент и мы готовим контрмеры для его уничтожения. На совете решили: “Танк противника

уничтожить, сделать самопалы, наганы с резинками для стрельбы мелкими камнями, а неприятельского командира “казнить” заочно, так как он разорил могилу.

Трудно вспоминать и рассказывать, как происходило растление наших детских, легкоранимых душ.

Но об этом можно говорить только сейчас. Мне поручили смастерить пушку для уничтожения танка и два самопала на ложе от винтовки. Пушку я сделал из колесной буксы - это чугунная труба примерно 300 мм длиной и 40 мм диаметром. С одной стороны залили свинец и сделали прорезь для запала.

Испытания провели с зарядом из пяти спичечных коробков – головок спичек и горсти камней.

При испытании попрыгались кто куда, подальше от пушки. Выстрел поднял на ноги всех, кто находился поблизости. Все прошло как нельзя лучше. А родители всё допытывались: “Что же это был за выстрел?” Неужели опять маневры? Почему не видно курсантов? Наша война готовилась под большим секретом.

Никто из нас не проболтался. А вот с самопалами получился конфуз, потому как мы их не опробовали, а зря. Подвели они нас. Подошёл день игрищ, и отряды выдвинулись на исходные позиции.

Место боя – кладбище. На нём росло много деревьев и кустарников. Время вечернее, на кладбище нет людей. Наш план простой: поймать Федьку – командира, разгромить танк и пленить всех членов вражеского отряда. Мне с Сергеем поручили ликвидировать танк. Шурке с помощником – поймать и судить главного с подчиненными. В разведку отправили девчат. И они, надо сказать, справились с этой задачей отлично. Доложили, где находятся вражеский штаб и танк.

До начала игры отряд противника держал совет, мы с Сергеем подкрались к танку, который стоял без охраны,

установили свою пушку на расстоянии четырех метров. Удвоили заряд до 10 коробков спичек и картечи из отборных камушков. Выстрел получился отменный. Танк и пушка разлетелись в разные стороны.

Грохот спугнул противника, чем оказал нам немалую услугу. Поодиночке они стали выбегать на боевые позиции, Федька подбежал к танку, вернее, к тому, что от него осталось и начал метаться, качая головой с выпученными глазами. Мы, не дав им окончательно опомниться, переловили всех поодиночке.

Но было еще два выстрела из самопалов. Один был удачный, он попал в пугало с черепом, при другом выстреле самопал разорвался, поранив руку Кольке и опалив лицо. Синие пороховые пятна на его лице оставили боевую метку от наших игр. В эти дни был ещё один выстрел – смертельный. Вчера бегали вместе, играли, готовились к играм, но злой рок сделал своё дело. На следующий день после игр мы узнали, что нашего друга одноклассника Шурку Чекина в упор, из охотничьего ружья, застрелил его младший брат, которому было лет 6–7. Потом выяснилось, что отец одного из игроков забыл, после охоты разрядить ружьё, а младший, наслушавшись и насмотревшись на маневры, решил попугать брата. Разборку наших военных операций проводили уже взрослые. Они решили наказать директора школы за плохую воспитательную работу, а чтобы не проливалась кровь в, пока ещё мирное время, игры проводить под контролем учителей, организаций ГТО, ОСОВИАХИМ и БГТО. А в это время уже гремела настоящая война на дальнем востоке СССР, в Испании, и вот - вот должна была начаться война с финнами.

А там недалеко и до Великой Отечественной.

Но это были войны не похожие на те, которые нам показывали в кино. Малую “войну” мы прекратили, но

игры на кладбище продолжили. Когда-то наше кладбище считалось одним из самых ухоженных.

Там были захоронены многие видные люди Петербурга и односельчане лютеранского вероисповедания. Богатые надгробия, склепы и фарфоровые венки в застеклённых коробках радовали взгляд всех, кто приходил почтить память усопших. Дорожки были устланы плитами из ракушечника или посыпаны чистым, белым, речным песком. Беда в том, что все школьники вооружались рогатками и начали с неистовой силой уничтожать в первую очередь богатые надгробия.

Школа находилась в 50-ти метрах от кладбища. Посещать кладбище не запрещалось, а лишить школьников рогаток не удавалось. У нас такого добра навалом. Если спросишь: “А что же родители?

Куда они смотрели?” Отвечу – коммунистическая пропаганда убила у них дух, высокое достоинство, без которого нет человека. То, что творилось в наших детских душах, похоже, было целью наших идеологов – ломать, крушить, уничтожать, ненавидеть и предавать друг друга.

В такой среде мы росли и песни пели в том же духе.

1-е Мая. Купание. Каждое первое Мая мы к концу дня собирались в “Уткиной заводи” (середина Уткиной заводи примерно там, где находится дом по адресу Октябрьская наб., 29). Течение здесь имеет обратный ток. Скорость небольшая и вода прогревается. Самые смелые начинали купаться. Это был наш ритуал - искупаться первого мая. Собиралась наша компания: Шурка Паль, Городыцкий Саша, Адам Шмидт – ходил не всегда – трусил, Пецца, Финк и другие ребята. Не все заходили в воду смело – сначала по щиколотку, но потом мы их затаскивали на глубину. Было весело.

Кто со страхом вспоминал 1-е мая, кто с восторгом.
Я купался всегда с удовольствием.

Первомайская демонстрация.

Это было что-то необычное. 1933 год, поссовет, комсомольцы и актив засуетились - решили провести первомайскую демонстрацию. Маршрут проложили от поссовета до пожарки. Там была площадка для сушки шлангов, обслуживанию насосов и т.д.

Вот на этой площадке, после демонстрации, и должен был состояться митинг. К этому празднику готовились основательно - отремонтировали булыжную дорогу от первого дома до пожарки, почистили канавы и т.д. Командовал этими работами Саша Грауле. Он был у нас и дорожник и озеленитель. У него было два сына - мои ровесники. После уборки дорог, наши родители прогнали нас в парикмахерскую. В школе пионерам раздали красные галстуки. Наш оркестр готовил праздничную программу. Тщательно готовился наш тракторист - дядя Андрей, мой родственник. Трактор должен был ехать во главе демонстрации. К нему прицепили две телеги.

В них сделали скамеечки и посадили нас - пионеров. После нас шли духовой и струнный оркестры, затем демонстранты, которых было немного. Это были молодёжь, комсомольцы и небольшая группа колхозников. На каждом доме обязали вывесить красный флаг. У нас этим занялся я. Выбил одну доску под коньком крыши и вывесил флаг. Так эта дырка и осталась на доме навсегда. И так демонстрация двинулась в путь. Но вышел конфуз – за трактором оставался след из вывороченных из мостовой булыжников. Выскочил Грауле - блюститель за порядком на дороге. Замахал руками, закричал, остановил трактор. Началась перебранка. Трактор отцепили, отогнали на обочину.

А что делать с пионерами? Ведь их символическое движение в коммунизм остановилось. Но колхозники засуетились, запрягли лошадей, и нас пионеров повезли в будущее на лошадях. Настроение у демонстрантов ухудшилось. Но в сопровождении оркестра мы дошли до пожарной площади за 20 минут. Всё закончилось бы и не так уж плохо, если бы не последствия для организаторов. Прошло время и в газетах начали появляться статьи о врагах народа, вредителях т.д. Пострадали тракторист дядя Андрей и Саша Грауле. Тракториста обвинили в том, что он вспахал себе приусадебный участок. Исключили его из партии. Нашли ещё одну причину - у него был первый детекторный радиоприемник, и односельчане собирались у него послушать радио. Андрея обвинили в создании какой-то ячейки и арестовали. Грауле обвинили в том, что он нарушил организацию демонстрации.

Дом № 2. В этом доме жила семья Фишер. Метрах в 50-ти от дома находились пруды, оставшиеся после выемки глины для кирпичного завода. Здесь стояли тоннельные печи для обжига кирпича. В Уткину заводь приходили баржи с дровами для кирпичного завода. Рядом находились ямы для отжига известняка на известь. В прудах водилась раба и всякая водная мелочь. Мы ловили там пиявок для сдачи в аптеку. Мелочь тратили на кино, струны и на карманные расходы.

Семья Фишер увлекалась врачеванием. В ямах они разводили лечебные грязи. Имели 10 – 15 ульев и использовали пчёл для лечения больных. Детей у Фишер было семеро, и у них часто собиралась новосаратовская молодёжь. Фёдор Фишер был обвинён в занятии нетрадиционной медициной и сослан в Киргизию в п. Майлисай. Первое поколение новосаратовских домов постепенно выгорело.

Новые дома строились уже более благоустроенные и красивые. Берег Невы имел лесоукрепительную зону шириной около 100 метров.

За берегом присматривали, укрепляли канавы булыжником, занимались лесопосадками. Всё это кончилось когда арестовали Сашу Грауле - ответственного за эту работу. Его обвинили в том, что он, якобы, создавал какие-то общины. На самом деле, всех провинившихся в общине, направляли к нему на общественные работы. И он, с помощью этой рабочей силы, организовывал работы по укреплению невского берега.

Школа. Я, в 1931 году пошёл школу. Вернее меня послали в школу. Что-то маму хвалили, ей 40 лет исполнилось и, по-моему, она была в положении. Мне сказали: – Будешь плохо учиться - мы тебя отправим в колхоз, и будешь говно возить.
– Какое говно?
– Да с города.
– А почему с города?
– Так они ж какают в специальные бочки, а отходы возятся на наши поля, теперь колхозные, что бы хорошую картошку вырастить. После таких слов, я поклялся себе учиться хорошо. Девочки, в то время, учились отдельно. Наш класс принял учитель Теодор Теодорович Вернер. И вдруг школа получила распоряжение - объединить мальчиков и девочек, сделать общие классы.

Получилось три группы первоклашек. Но среди равных получились более равные. Тех, кто побогаче и поспокойнее направили в один класс, кто пошумнее, погрязнее и победнее в другой. Вот в класс для шумных я и попал. Вернер пощупал нас, перебрал, покрутил, как сейчас помню, своими большими руками.

И каждому дал напутствие.

Мне он сказал

– Из тебя я сделаю артиста!

Почему артиста, что это такое, я понятия не имел?

Ну а другому: “Ты у меня будешь смиренньким, а не хулиганистым”. Это оказался Федька Абрагам, который действительно был невероятный непоседа.

И его учитель назначил старостой класса, а меня его помощником. Однажды мы с ним, правда, подрались.

Он воткнул мне ручку с пером в переносицу. Получилась маленькая ранка, которая осталась маленьким пятнышком навсегда. В старосты перевели меня, но этому предшествовал случай. В рамках обещания сделать из нас артистов, Вернер учил нас петь. Для того чтобы мы поняли о чём идёт речь он выступил перед нами с песней. У него был замечательный голос, это даже мы дети поняли. Оказывается, его отец был священником, и голос по наследству передался Теодор Теодоровичу. И спел он нам интернационал на немецком языке. Но из попытки научить нас петь интернационал нечего не получилось. Текст песни нам был совершенно, не понятен. Тем не менее, к третьему классу и с помощью других песен, Вернер научил неплохо петь. На маленькой сценке мы пели песни перед родителями, играли небольшие пьески. Однажды учитель пригласил в наш класс своего товарища Сашу Рей, и предложил организовать ему струнный оркестр.
– Ну почему бы и нет? Надо только инструмент приобрести. Сначала мы брали инструменты у старших. Затем кое-что купили родители. Нас, играющих слушателей 6 – 7 человек, начали приглашать на танцы, праздники, свадьбы. Мы любили играть в Зиновьевском парке (Невский лесопарк). Вернер наставлял нас вести дневники и заносить туда свои впечатления о

посещаемых концертах, музеях и т.д. Каждый квартал мы ходили в Ленинградские музеи. Особенно нам нравился

Военно-морской музей. Мы заметили, что Вернера не приняли в комсомол, хотя остальной состав молодых педагогов были комсомольцы. Хотя мы не делали разницы. Он настолько душевно и интересно занимался с нами, что другого учителя нам было и не нужно.

Но в нашу душу все-таки запали слова из разрушительного интернационала. Метрах в ста от нашей школы находилось кладбище. Оно было прекрасно ухожено. Дорожки были до того вычищены и прибраны, что в доме не у каждого был такой порядок.

И мы начали постепенно разрушать этот порядок. Начали с гнёзд ворон, которые облюбовали кладбищенские деревья в огромном количестве. После обстрела из рогаток, поднимался невероятный гвалт. Занятия в школе приходилось прерывать. Разозлённая стая начинала нападать на всё, что ходит на двух ногах.

А мы подгадывали воронью атаку к тому моменту, когда Вернеру надо было перейти из одного здания школы в другое. А мы наблюдали за вороньими атаками на любимого учителя. Он спокойно заходил в класс, снимал загаженную одежду и говорил: “Ну я вам тоже покажу, вы будете у меня артистами”. Он находил нам много мелких наказаний, и пришлось прекратить воронью забаву. Был повод и для другой детской шутки. В классе у окна висел ртутный термометр.

И при температуре ниже +14 заниматься было нельзя. Мы бегали с градусником на улицу сбивали показания до 12 – 13 градусов перед самым началом урока (*У меня есть термометр тех времён, ртути в нём не меньше 1-го см³ – Составитель*). Увидев “заниженную” температуру Вернер вместо положенного урока вёл нас в спортзал.

Потом, изрядно погоняв, направлял в класс на продолжение урока. Но однажды мы уронили термометр и по полу покатались ртутные капли. Мы собрали капельки на бумажку, сколько смогли, но скрыть от учителя разбитый термометр не смогли.

Он когда узнал, что градусник разбит, сначала ужаснулся, а потом помог собрать остатки ртути. И начался допрос - Кто это сделал? Пытал он нас пол урока. А мне так надоела эта пытка, что я встал и сказал – Я. Учитель направил меня в угол. Ну, в угол так в угол. Но стоять в углу скучно и я начал строить рожицы классу. Ребята начали хихикать. Учителю это тоже надоело. Он подозвал меня и спросил: “Скажи, кто это сделал”? А я ему в ухо говорю – Не я.

– Ну ладно, сейчас будем голосовать.

– Как голосовать, За что?

А учитель: “Кто за то, что сделать Сашку старостой класса, поднять руку!”

– Как Сашку, за что, почему?

– А он никого не предал. И помощником Сашке будет Федя Абрагам.

Свадьба Вернера. Когда мы узнали о свадьбе Вернера, решили его поздравить. Перед уроком немецкого языка написали на школьной доске, на немецком: “Поздравляем тебя с женитьбой, счастливых тебе ночей” и т.п. Он пришёл на урок, прочитал, но был очень усталый после свадьбы, рассердился и ушёл с урока.

На следующий урок пришёл директор школы, спрашивает: “Что вы такого сделали с Вернером?” Мы говорим: “Да ничего, Вот только написали поздравление”. Директор посмотрел на доску, улыбнулся и ушёл. На следующий день встречаемся с Вернером, а он говорит - Спасибо Саша. Вы мне организовали день

отдыха, я благодаря вам, выпался после свадьбы.

Несколько слов Вернер сказал нам, когда мы садились в вагон для эвакуации - Я буду скучать по вас, вы преподали мне урок работы с молодёжью. И то, что я хотел сделать из вас артистов, это вроде получилось. Из нас получился не только ансамбль, но и театральная труппа. Довольно часто мы ставили пьесу по сказке Вильгельма Гауфа “Маленький Мук”.

Директор школы. Теодор Теодорович Вецель женился на одной из выпускниц школы Соне Рейх. Он был прекрасно развит физически и на турнике показывал вещи, которые, я думал, можно только в цирке увидеть. Вецель оказался в Трудармии, затем работал в Канске на угольном карьере. Затем, до 80-ти лет, преподавал математику в школе - интернате. Дожил Вецель до 96 лет.

Паровая машина. Расскажу ещё об одном событии с нашим учителем. Так как мы были старостами, в нашу обязанность входило принести плакаты и различные предметы для наглядного изучения. Темой урока было изучение давления водяного пара. Узнать о работе пара мы могли ещё по работе пожарных насосов в Новосаратовке. Сам насос доставлялся к месту пожара с помощью пары лошадей. Мы знали ещё об одном моменте - что бы запустить паровой насос пожарник должен был стронуть с мёртвой точки маховик. Вот действующий макет паровой машины мы и принесли в класс. Нагрели спиртовкой котёл, вода закипела, а машина не крутится. Учитель ходит, волнуется. А мы хохочем. И вдруг бабах, колба разлетелась. Мы хохочем – пар, учителя не видно. Но никого не поранило.

Я говорю: “Дайте сделаю”.

– А как ты сделаешь?

Принёс я новую колбу, поставили, закипела вода. Я открыл клапан, крутанул маховик и машина заработала. Весь класс вместе с учителем были в полном восторге. Действующая модель паровой машины была передана школе заводом «Электросила». Для запуска модели нужно было её реставрировать. Директор школы Вецель обратился к инвалиду (без рук, без ног), бывшему слесарю-железнодорожнику. Но ему нужен был помощник. Мне, Феде и Саше поручили помогать дяде Васе. Отремонтировать надо было и другие учебные предметы для уроков физики и химии. В ходе работы я много раз запускал паровую машину. На урок её принесли дежурные, и учитель Вернер решил запустить её сам. Что из этого получилось я, уже рассказывал.

К нашему слесарю, мы обращались по имени Вас, вроде как намёк на его укороченное тело, ну а по-немецки это звучало как *vas* - что. Он обучил нас основам слесарного дела. Работа над школьной паровой машиной, надоумила меня попытаться сделать ещё одну. Вас сказал – А что? Найди в металлоломе такие и такие детали. Отпилили, подогнали, уплотнили - машина заработала. В школу приезжала комиссия из города. Показали им, какими экспонатами мы пользуемся. В том числе и мою машину. Они выпросили самоделку на выставку в Дом пионеров. Меня призывали подпиской журнала “Техника молодёжи” за 1937 год. Потом она находилась у меня дома до самой высылки-эвакуации в марте 1942 года. Я её хотел взять с собой, но прикинул – вещей много, а нести не кому. После уроков у Васи, у меня страсть ко всякой механике. Всё что двигалось – от часов до швейной машинки, привлекало меня и, в случае необходимости, я брался за ремонт.

Второй учитель, был по столярному делу – бывший царский офицер, очень хороший специалист по фамилии Керн. В его семье случилась неприятность. У него было два сына. Керн был только что выпущен из мест заключения. Его жена Эрна Константиновна, работала учительницей, а сыновья поступили в ВУЗы. И вдруг, началось следствие на отца. Его сыновья хотели вступить в комсомол, но для этого им пришлось отречься от отца.

Рыбацкая школа. Мне было четырнадцать и родители уже не решали за нас кто кем хочет стать.

Была небольшая проблема - где взять денег на учёбу в старшие классы. За 9 – 10-й класс надо было платить 150 рублей. Спросил у отца, он сказал - Если не хочешь быть колхозником иди учиться, а деньги на учёбу заработаешь в каникулы в колхозе (*ПАРАДОКС – Составитель*).

Встретился с одноклассниками, которые решили продолжить учёбу в школе, сдали документы. Мы сделали более дальновидный шаг, чем другие. Вместе со мной из нашего класса в Рыбацкой школе начали учиться Саша Столбов, Адька Райх, Ольга Штейнмиллер, Эрна Абрагам, Ольга Попова. Все мы попали в один класс. С Сашкой Столбовым мы сидели за одной партой с первого по девятый класс. Мы довольно быстро свыклись в новом коллективе. Через полгода к нам добавили ещё трёх ребят, с которыми никак не могли справиться в другом классе. Состоялись выборы старосты. Не знаю почему, но выбрали меня.

На наше счастье, двое из новеньких - Саша Бухарин и Борис Рыков тоже были музыкантами. Спустя некоторое время мы организовали струнный оркестр, в котором участвовали: Я, Столбов, Рейх, Бухарин, Рыков и др. На наши школьные вечера с удовольствием приходили старшеклассники. Наш класс начал отличаться от других

своей дружбой турпоходах, лыжных соревнованиях, военных играх и участием в кружках Ленинградского дома пионеров. Наши походы по окрестностям удивляли взрослых. Особо запомнился наш лыжный поход в честь XVII партийного съезда. Собрались мы, группой лыжников Ленинградского дома пионеров, в Парголовском доме юных туристов. Группа состояла из разных школ города. Получили маршрутные карты и стартовали. До финской границы было 28 км. по прямой. Нашу группу вёл, уже опытный турист, девятиклассник Борис Большаков. Время встречи на горе Парнас было строго оговорено. Мы вышли к горе ждём остальных, никого нет. Время прошло, никого нет, надо возвращаться, но решили подождать ещё полчаса. Очень нам понравилась гора и трамплин. Впервые рискнул прыгнуть с настоящего трамплина, благо было достаточно темно и не понятно, что меня ждет впереди. Летел я как ангел - приземлился как лягушка. Но что важно - преодолел страх. Зрителям мой полёт понравился, но на второй прыжок я не пошёл. Рядом был трамплин поменьше и на нём я сделал несколько удачных спусков. Последователей на прыжки не было. Вернувшись на базу, мы ни одной группы не застали. Часть групп заблудилась. Одна вышла в погранзону. Их привели пограничники. Этот поход без предварительной подготовки многому научил нас.

Поняли, что такое взаимовыручка, второе дыхание, подготовка обуви и лыж. Мы получили призовое место за этот поход. В школе появился учитель физкультуры. Начали работать на снарядах, тренироваться на лыжах, изучать военное дело.

Этим мы занимались с большѐй охотой.

Городские соревнования на лыжах. Нам объявили, что в воскресенье состоятся лыжные соревнования учащихся Ленинградских школ. На тренировки оставалось два дня и ни у каждого были свои лыжи.

О смазках лыж мы вообще не имели представления. Тем более о креплении. Но команду выставить школа была обязана. Кроме всего, до Павловска мы добирались 8 км. своим ходом на лыжах. Дистанцию в 10 км. никто из нас не ходил. Выстроились в одну линию человек двести и начались гонки. Я в этом рывке не очень напрягался, просто пошёл размеренным шагом.

Слышу, кто-то из судейской команды говорит: " Вот этот придёт одним из первых". Для меня эта гонка была большим испытанием. На втором круге я начал обгонять впереди идущих, на третьем мне кричали, что я иду пятым. Но случилось, то должно было случиться – я натёр себе пятки обеих ног. По неопытности закрепил резиновое крепление не за каблуки, а за пятки.

На последнем круге обогнал ещё двоих, но от боли уже не было сил стоять на лыжах. Я остановился и снял лыжи в 50-и метрах от финиша. Мне кричат – Беги пешком! Пешком добежал третьим. С дистанции сошло около половины стартовавших. Третий результат по городу для школы был нашей гордостью, так как командное место тоже было третье.

Стёртые пятки долго заживали и научили меня на всю жизнь бережно относиться к своим ногам.

БГТО – Будь готов к труду и обороне. В этот комплекс входило плавание, лыжи, стрельба, химзащита т.д. В определённые дни по городу объявлялась учебная воздушная тревога. Учащиеся, сдавшие нормы БГТО и получившие значки и удостоверения, руководили отрядами по инструкции. Пожарники лезли на крышу,

готовились тушить зажигательные бомбы, санитары перевязывали пострадавших. Химзащита, в костюмах и противогазах, ловили “пострадавших” и выполняли свою работу. Воспользовавшись моментом, мы в первую очередь ловили учителей, которые нас досаждали сильнее всего. В этих играх мы действовали только по уставу и никакие просьбы и уговоры не помогали.

Брали “раненых” на руки, относили в безопасное место, делали перевязки и очень довольные, любовались своей работой и безнаказанной мстостью. В этих учениях оценка шла за скорость, качество и количество.

Прошёл всего один год, и нам пришлось всем этим заниматься не в играх, а в настоящей войне, уже без смеха и со страхом. Наш физрук за очень короткий срок сделал для нас, будущих солдат, очень много. Жаль, что он занимался с нами меньше года, я даже не запомнил его имя. Был канун войны и его постоянно вызывали в Райвоенкомат. В такие дни по нашему классу урок физподготовки, уже по военной программе, он поручал мне, как самому физически подготовленному и как старосте класса. Девятый класс мы окончили ещё в мирное время, а через месяц началась война.

В Рыбацкой школе поместили госпиталь. Строилась школа на народные деньги, полученные за откуп государством земли под железную дорогу. *(Школа снесена в 2011 – 12 годах под строительство жилого комплекса - составитель).*

Мы и Сталин. Оценка важности событий, прокатившихся через души нашего поколения, изменялась в зависимости от кумира и работы средств массовой агитации и пропаганды. Это среда, в которой наше поколение получило закваску.

В 1927 – 31годах я был октябрёнком с цепкой детской

памятью. В результате коллективизации начался голод. Весной в ход пошла лебеда и молодая крапива. В городе, в Пассаже и антикварных лавках торговали конфискованным имуществом выселенных, недобитых и раскулаченных. Поиск припрятанных драгоценностей продолжался до самой войны. За 2 – 3 месяца в нашей семье не осталось ни одной серебряной ложки и других ценностей. Всё отнесли в “Торгсин” (торговля с иностранцами), где давали купоны, на которые можно было купить любые продукты. По доносам арестовали многих родственников. В газетах печатались материалы о судах над работниками Наркомзема и другими наркоманами СССР. Именем Сталина не только правили и разрушали, но и строили. Его именем называли стройки, лесопосадки, улицы, совхозы и города. Появились брошюры “Биография И.С. Сталина” и “Базис и надстройка”, статьи о строительстве социализма в одной, отдельно взятой, стране и “Краткий курс ВКП (б).

Все эти публикации мы изучали и сдавали экзамены в 8 – 9 классах школы. Этот же материал изучали на занятиях в кружках юных коммунистов. Без Сталина на устах ни дня, ни часа. Ленина любили больше. Он был молодым, курчавым. Катался на коньках, любил учиться, и биография его была интересная. Песни звали нас в бой с врагами. Ждали, когда нас в бой пошлёт товарищ Сталин – “И первый маршал в бой нас поведёт”. А пока не хватало парашютов и парашютного шёлка. Раздаётся Сталинский призыв – насадить шелкопрядильные фабрики и Средней Азии, построить шелкопрядильные фабрики и подготовить парашютистов. С помощью воздушного десанта вся Европа будет освобождена от мирового капитализма. А пока шёлка не хватало, воевали с внутренними врагами. В 1932 году коммуна была ликвидирована и преобразована в колхоз. Председатель

коммуны был сослан в Сибирь. Мои родители ходили на собрания бедняков и солдат с фронта, на которых проклинали кулаков и мироедов.

Раздавались лозунги “Ленин завещал, он обещал по программе Коминтерна коллективную собственность на средства производства, уничтожение разницы между умственным и физическим трудом, “Труд – потребность жизни”, и “От всех по возможности каждому по потребности”, “Как так у него есть, а у меня нет”, “Долой кулачество, организуем свою коммуну”.

Лозунги у нас есть – постановили: Раскулачить, конфисковать, выселить!!! Агитаторы пения интернационала комсомольцы КИМа (коммунистический интернационал молодёжи), несколько коммунистов с передовыми глотками организовали сходы бедняцкой части крестьян колонии. Говорильня начиналась после пения интернационала. Мы всегда с большим любопытством пробирались на эти сборища, где шумно спорили, ругались и много голосовали за то, что даже и не слышали. Мы тоже поднимали руки, не зная, что это за физические упражнения. В умах взрослых и детей был полный беспорядок. Теперь можно сказать, что горлохваты и демагоги взяли верх над теми хозяевами, которых обозвали кулаками, обездолили и выслали за умение вести хозяйство. Началось коммунистическое детское движение юных пионеров. Этим начала заниматься новая немецкая школа, молодые учителя – комсомольцы. Задача была выработать у октябрят и пионеров коллективные навыки, сплочённость, дисциплину, классовую спайку.

Торжественным обещанием юных пионеров было: – “К борьбе за рабочее дело будь готов! Всегда готов “. Вожатыми нас октябрят были пионеры. Мы гордились значком кудрявого Ленина – октябрёнка. Пионеры

гордились красным галстуком и приветствовали друг друга взмахом руки. Нам прививали дух ненависти к классовому врагу. Очень хотелось увидеть этого классового врага. Мои ровесники были все беззаботными одинаковыми детьми октябрятами. Нам нравились собрания, под конец которых мы пели интернационал и устраивали концерты художественной самодеятельности. Мы пели “Мы кузнецы”, Смело, товарищи, в ногу” и немецкие народные песни. Духовой и струнный оркестры объединили в большой коллектив молодёжи. Началась атеистическая кампания под лозунгом “Долой церковный дурман”. В 1931 году я пришел из 1-го класса школы домой. Отец встретил меня на крыльце словами: “У тебя теперь будет ещё один братик Кузя”. Я возмутился: “Не хочу брата Кузя!! Не надо мне такого братика”. “А кого ты хочешь?” – Спросил отец. “Володю” – как Володю Ленина – ответил я. Это был первый результат воспитания детского садика. Брата назвали Володя. Компания обучения юных октябрят и пионеров продолжалась на новом культе походами в музеи, театр юного зрителя, кинотеатры, спортивными соревнованиями, и самодеятельностью.

Загружены были до предела. Кончилась коммуна, когда многодетные бедняки проели все запасы. Потребность была высокая, а работать на дармоедов никто не хотел. Начали искать виноватого. Как всегда это были кулаки и враги народа, извратившие учение Ленина.

Председателя коммуны Грауле, которого выбрали коммунары, проголосовали и выслали в Хибиногорск. Население Новосаратовки пополнилось на 50% за счёт рабочих, приехавших в Ленинград на стройки первой пятилетки. Не было почти ни одного дома, в который не подселили бы жильцов. Среди немцев выискивали контрреволюционеров, врагов народа, вредителей. .

Невинных людей судили, высылали, расстреливали В каждой семье находили врага народа. Чистка партии на общих собраниях, на которые мы пробирались всякими невообразимыми способами, удивляла нас, как такие люди попадали в партию. Мы знали только одну правду.

Эта правда, о которой читали в газетах – Комсомольская, Пионерская, Ленинградская и прочих правдах, издававшихся ЦК ВКП (б) во главе со Сталиным. Все средства массовой информации славили Сталина единым хором. Призывали выполнить пятилетку в 4 года и разоблачить побольше врагов народа.

Всех, кто был ленинцем, прибрали вместе с Коминтерном. Не было дня без восхваления Сталина и партии. Нас убеждали, что враг есть, будьте на страже, и что врага внутреннего и внешнего мы победим. Библиотека безбожников была организована на втором этаже дома ремесленника по фамилии Лада (Ладе), носивших кличку “Слидерс” – то есть Певцы. В 1930 году там была лавка – магазин НЭПмана. Хозяев выслали в Сибирь, дом заселили учителями немецкой школы. Часть дома занималась избой читальней.

Мы, несмышлёныши, ходили в избу – читальню полистать “Забавную Библию” и другие книжки с картинками. Взрослые активисты – безбожники спорили о вреде и пользе религии. Из этих споров запоминали то, что было нам любопытно и интересно. Мы поняли, что скоро не будет попов. Из церквей сделают клубы, где будут читать лекции о международном положении, борьбе пролетариата с капитализмом, крутить кино. Молодые будут выступать в самодеятельности. Спилят крест на нашей церкви и уберут колокола. Эти разговоры будоражили наши души. Скорей хотелось увидеть, как это будет происходить. В газете “Правда” писали, как научились взрывать церкви, не нанося вреда ближайшим

зданиям. Таким методом будет взорван Покровский собор в селе Рыбацкое на противоположном берегу Невы. Видеть этот процесс мы хотели как можно скорее.

Вот только ждали, пока разберут все ценности и убранство собора. Всё это можно было видеть из окна нашего дома. Из кирпича от разрушенной церкви собирались построить школу – десятилетку в селе Мурзинка. Это мероприятие горячо обсуждали в избе читальне в 1932–33 годах ячейка читателей, в основном молодёжь, начала обсуждать вопрос о закрытии кирхи и переделки её в дом культуры колхоза “Красный пахарь”. Шёл разговор, что из церкви крадут всё, что имело хоть малейшую ценность. Возможность пожить в привлекла массу людей. Работу по взрыву храма ускорили, но зрелища для нас не получилось.

Ночью слышали глухой взрыв. Утром встали – собора нет. Но, ни один кирпич на строительство школы извлечь не удалось. Кладка делалась хорошими мастерами на выдержанном, известковом растворе. В рыбацкой церкви я был один – единственный раз. Сестра Эля, в 1932 году училась в 7-ми летней школе села Рыбацкое, и я упрямил её взять с собой. Церковь располагалась рядом со школой. Братъ меня и ещё идти в церковь она боялась. Пионерам, членам Союза Юных Воинствующих Безбожников запрещалось посещать церковь. Но мы все равно, сходили. Попали в час, когда пел церковный хор, и была последняя служба.

В газетах всех “Правд” писали, что под неусыпным оком партии и её вождя Сталина, идёт борьба за социализм, и армия безбожников не допустит, чтобы церковный дурман помешал этому. Прекратился церковный звон и в кирхе. Мы носили значок Союза воинствующих безбожников – С.В.Б. Участвовали в борьбе за социализм, за сплошное село безбожников.

Разрушали и громили всё, что служило культу Бога. Началась чистка рядов партии, активистов – безбожников за то что, церковная утварь не конфисковалась в фонд государства, а уничтожалась. Нам, пионерам – безбожникам предлагалась роль Павлика Морозова – выявлять недобитых шпионов, диверсантов, вредителей, саботажников. Начался голод.

Аресты и выселение врагов народа продолжалось долго. Принудительные работы, штраф или исправительный лагерь грозили за прогул или опоздание на работу. За мелкие кражи и распространение слухов грозило суровое наказание. Стукачей было предостаточно. Их поощряли разными методами, а часто наказывали так же, как и всех. Судебные процессы в верховном суде над государственными “преступниками” освещались в “Правдах”. Рядовых наказывали по одному без суда и следствия – ссылка, расстрел. В Сибири наш новый знакомый Алексей Нигода освобожден из лагеря и направлен на спецпоселение на 5 лет. Он выполнял работы по строительству укрытия для сталинской избушки в Курейке – деревня в Туруханском крае, где отбывали ссылку большевики, в том числе И.В. Сталин. Алексей Нигода за сборку и чеканку памятника вождю получил вольное поселение после 5-ти лет в г. Ачинске. Мы работали с ним в артели “Металлпром”.

Я формовщиком, а он вагранщиком. Изготавливали отливки колёс для тачек на стройки коммунизма.

Часть молодёжи из Новосаратовки продолжала учёбу в школе села Рыбацкое и других учебных заведений города. На праздник первой борозды, который проходил в Новосаратовке, приезжали гости из Рыбацкого. Колонисты специализировались в основном на производстве сельскохозяйственной продукции. Жители Рыбацкого круглогодично ловили рыбу (корюшку,

щуку, плотву и др.). Между сёлами существовала взаимовыгодная торговля. В праздничные дни колокольни церковью перезванивались.

В летнее время в Новосаратовку приезжало большое количество жителей из Ленинграда. Дачники – охотники нанимали новосаратовцев для организации охоты в районе Уткиной заводи и озёрах Невского лесопарка. Приезд дачников прекратился в 1932 г. после начала всеобщей коллективизации. Все дома перешли в собственность сельсовета и на свободные площади поселили рабочих для выполнения пятилетних планов.

Все немцы, занимающиеся предпринимательством во время НЭПа, были репрессированы и сосланы в Хибиногорск и на север Енисея. Освободившиеся дома были заняты под детские сады, конторы и хозяйственные помещения.

Разорванная книга. ...Наступало 1 Мая. Никто из класса не хотел писать транспаранты с лозунгами. А их писали очень много. Таких “художников” решили отмечать грамотами, подарками в виде книг с благодарственными надписями. И вот мне досталось писание лозунгов и плакатов, а это очень нудная и не интересная работа. Часто она заканчивалась ошибками и опечатками. То букву пропустишь, то слово переиначишь. Например вместо “страну” напишешь “срану” - “т” куда то делось. Ну и другие ошибки. Я решил, что меня накажут. Но обошлось - наказание миновало меня. Прошли праздники, мы снимаем плакаты и выявляем ошибки. И мы поняли, что лозунги эти мало кто читал.

(Это особенность человеческого зрения. Лозунги, плакаты, рекламные щиты и т. д. и т. п. мало кто читает, а тем более запоминает. Здесь срабатывает

эффект знамени - цветовым пятном определяется место и направление, а что на нём написано человеческому глазу не имеет значения и даже вредно для восприятия. Об этом, почему то не хотят думать современные рекламные компании - главное деньги получить с рекламодателя. Именно поэтому флаг СССР один из самых лучших государственных флагов. Всего два небольших графических знака на алом поле - серп с молотом и звезда. Эффектность, лаконичность и простота восприятия. – Составитель).

Но, тем не менее, за эту работу, это было в 1936 - 37 году, меня наградили книгой. Только что вышел из печати “Овод”.

(“Овод” (англ. The Gadfly) (дословно - летающий гад, как символично! - составитель) — революционно-романтический роман, наиболее известный русскоязычному читателю труд английской, позднее американской писательницы Этель Лилиан Войнич. Впервые вышел в 1897 в США.

В романе отображена деятельность участников подпольной революционной организации «Молодая Италия» в первой половине XIX века; резко критикуется христианство. Роман был популярен в Англии (до 1920 г. – 18 изданий), дореволюционной России и США, впоследствии в СССР и других социалистических странах. Год первой публикации романа в России — 1898-й — был годом I съезда Российской социал-демократической рабочей партии. Перевод романа “Овод” впервые появился в виде приложения к журналу “Мир Божий” за 1898 год. В 1900 году “Овод” вышел отдельным изданием. Его распространяли Г. М. Кржижановский, Г. Петровский, И.В. Бабушкин, Я.М. Свердлов, А.М. Горький. Книгу эту любил П.А. Заломов, послуживший М. Горькому прототипом

героя романа «Мать». Увлекались «Оводом» Калинин, З. Космодемьянская.

Польские исследователи литературы категорически утверждали, что реальными прообразами “Овода” были деятели польской социально-революционной партии «Пролетариат», русские же читатели сразу после выхода в России “Овода” узнали в нём знакомые черты русских революционеров. Некоторые исследователи считают, что в образе “Овода” легко обнаружить черты Мадзини и Гарибальди. wikipedia.org).

Первые, прочитанные страницы вызвали интерес к книге. Я быстро прочитал страниц 40 – 50 и стал рассказывать Артуру о герое романа.

А он спрашивает: - За что тебе эту книгу подарили?

– За то, что я лозунги писал.

– Как? Тебе за лозунги? А я художник.

И мне ничего не дали!

– Ну и что. Ты ж ничего не делал.

– Но, я же художник!

– Ты эгоист, а не художник!

– Ага! Ну ладно.

Я прихожу на следующий день домой, смотрю – на столе лежит половина книжки. А где вторая половина?

Оказывается мой друг, лучший друг, взял да разорвал книжку. Почти пополам – до закладки. Я рассердился.

Это никто другой не мог сделать, как наш эгоист.

Мы так его и называли – Эгоист. Он очень сердился: – Я не хочу быть Эгоистом!

– А кем ты хочешь быть то? Ты ж ничего не делаешь, никому не помогаешь. Мы всё делим пополам, а ты только хапаешь, нашу работу присваиваешь.

– Ну и что? Вы ж не умеете рисовать.

– Ну а ты разорвал книжку зачем?

– Как зачем!? Половина моя работа – половина ваша.

Вы же не умеете рисовать. А эту часть вы уже прочитали. Ну, мы так и решили – будем всей компанией.

Нас было человек пять – шесть. Читали эту книгу несколько раз, до самой эвакуации. Оказалось, что нашему другу эта книга то же понравилась, и он взял себе имя героя этого романа «Артура». И когда знакомился с ребятами или девушками, представлялся Артуром или Артурчиком.

И вот про этого Артурчика я хочу сказать несколько слов. Мы с ним рядом жили в разное время и в разных обстоятельствах довольно долго. О главной причине нашего антагонизма я уже рассказал. Он был эгоистом и никак не мог поделить труд, не присвоив себе часть не заработанного. Мы разделились компаниями. У меня музыка, поделки, физкультура и т. д. Артурчик сам по себе. Как то приходим мы домой, на столе лежит толстый том «Капитала» Карла Маркса.

– Это что за книга?

– А вот посмотрите.

Поднял её, а она такая большая, толстая.

– Вот смотрите «КАПИТАЛ»!

– А что за капитал?

– Маркса!

– Почему она тебя заинтересовала?

– А как же! Вы читаете свои маленькие брошюрки, фантастики разные. А я сразу «Капитал» причитаю.

Но прочитать этот «талмуд» никому не под силу, а Артурчику тем более.

– Ну и что ты будешь с этой книгой делать?

– Ну, как? – посмотри.

Начали мы листать эту книгу – ни одной картинки!?

Нахрена нам такая книга?

– Сдай ты её!

– Нет, я всё же прочитаю!

Читал – читал.

– Ну, расскажи, про что там?

Ничего он нам рассказать не смог.

– Ну и ладно, сдам её. У вас то, такой книги нет – вы не записаны. В библиотеку начал поступать печатный материал Ленина, Маркса, Энгельса. Но в соседнем доме, у дяди Карла была большая подборка технической и научно-познавательной литературы. Я часто заходил к нему и брал то, что Карл мне советовал читать. И вот я добрался до большой кучи брошюр, а там Жюль Верн, фантастика, приключения. Расхождения с Артурчиком распространялись даже на форму одежды. Я носил ермолку – он кепку, только кепку, как Артур. А я берет. А он берет раз и в костёр.

Ну а я его кепку взял и натянул ему на нос. Этого он стерпеть не мог. И как то незаметно от нашей компании, фантазёров и любителей музыки, отошёл. Отошёл к своей будущей специальности, требующей уединённости – живописи и рисованию. Если кто лучше него рисовал – он этого терпеть не мог. Если ему плохо позировали – он лез в морду кулаком и наказывал. Мы возмущались – зачем тебе это!?

– А вот я должен нарисовать лучше чем, другие в Художественной школе.

– Ну и рисуй. А зачем драться то?

– А он не может стоять! Крутится – вертится! И это меня нервирует, у меня карандаш не держится!

– Ну, ты дай рукам отдохнуть, и модель отдохнёт.

– Пусть сидит!

Ну, мы этому Рудьке принесли кусочек хлеба с маслом.

– А мне!?

– А ты ж не работал, да ещё Рудьку обижаешь.

А он хватя, и кусок хлеба в рот тянет. Мы отобрали у него – отдали Рудьке. И всё, позировать ему уже из ребят

никто не стал. Ему соглашались позировать девчонки.

Не только ради рисунков, но из-за нового романтического имени – Артурчик. Но это был другой круг интересов – стихов и романтических книжек.

А мы хорошо плавали, бегали, ходили в походы, в лес по грибы. Мы всегда предупреждали родителей – куда мы идём, а наш Артурчик мог уйти на сутки – двое не сказав не только родителям, но даже и нам. Он уже зарабатывал рисованием. Заработал он 25 рублей.

Артурчик иногда рассказывал о делах в Художественной школе. Мы поняли, что не все учащиеся достигают там больших успехов. Некоторым разрешали только грунтовать холст. Некоторым доверяли рисовать не главных наших руководителей, а только второстепенных. Потом эти второстепенные, вроде Бухарина, Рыкова, Троцкого и т. п., оказывались врагами народа. И вот однажды наш Артурчик пришёл унылый.

– А что?

– Да что-что?!

Только на третий или четвёртый день он сказал:

– Что-то меня ребята ненавидят.

– А почему?

– Да мы обсуждали хорошо или плохо Сталин нарисован?

А я сказал: “Усы вон не правильно нарисованы! Вон смотрите – один длиннее, другой короче”.

Мне сказали: “Ну, ты напиши, что видишь”.

Он написал, подписался, и этого художника арестовали. Так Артурчик обзавёлся врагами и решил уйти из дома.

– А вы что? В лес ходите. Вот я пойду далеко!

– А куда ты поёдешь?

– В Новгород.

– А зачем в Новгород? *(Конечно, имеется ввиду Великий Новгород - Составитель).*

– Ну и иди. А что ты будешь делать?

– Буду рисовать по дороге.

Ушёл и исчез на две недели. Первую ночь ночевал в какой-то избушке. Его забрали в милицию. Появился он через две недели, а мы все спали на сеновале. Это было самое лучшее время, когда мы могли спать вне дома, болтать почти до утра. Пора на работу, а мы только час поспали. В поле тоже удавалось поспать, спрятавшись от бригадира или десятника. И вот пришёл Адамчик, почему то рано утром.

– Ты где был?

– Да не хочу я говорить. Дайте мне, я кушать хочу.

– А у тебя, что ничего нету, вон какой полный рюкзак?

– Нет ничего. Рюкзак мне только сегодня утром отдали.

– Ну, давай посмотрим.

Открыли мы рюкзак. Там у него хлеб был, ещё какие-то продукты. Хлеб весь в плесени, мясное тоже пропало.

Вонища шла с рюкзака! Аж страшно!

– А у тебя, что денег не было?

– Да было 25 рублей. Я вот это купил.

– А остальные?

– Да отобрали.

– А ты где был?

– Да, на Литейном 4.

– Почему? Как ты попал туда?

Он рассказал нам, как его подобрали.

А неделей раньше компанию из трёх ребят, пьяных, подобрали недалеко от с. Рыбацкого. Их наказали месяцем общественных работ. Артурчик остался в своём образе, добавив к прообразу свои промашки и изрядную долю эгоизма. Корни его эгоизма лежат в раннем детстве. Когда он родился, мать сказала: “Что - то ты нехорошо выглядишь. Позову я Инго”.

Это был врач. Он послушал, то да сё. Мать рассчиталась

за визит маслицем сливочным, ещё какими - то подарками. Инго посоветовал внимательно следить за сыном. У него ненормальное сердцебиение – сердечная недостаточность. Его надо хорошо кормить.

Эти слова вдолбились матери в голову так основательно, что она не только передала их всем окружающим, но и донесла до Артурчика, когда он подросток. И он взял это на вооружение – он слабенький, за ним надо ухаживать, ему должны все уступать. Уже во время войны Артурчик познакомился с девушкой. Фамилии своей он не сказал - представился только как Артурчик. Девушка забеременела. После войны объявили амнистию пленным румынам. Она была из Румынии и поехала на родину к своей бабушке. И он рванул: - Там хорошая жизнь, я хочу туда. Артурчик поменял фамилию (на русскую) и через два года уехал в Молдавию. Работал там какое-то время, но там его нашли и отправили на 20 лет в Воркуту. В Молдавии у него остался ребёнок.

Тараканы-живописцы. Маленький рассказ о том, как Артурчик столкнулся впервые с рисованием акварельными красками. Он от газеты “Ноес лебен” или “Роте фане” получил подарок - акварельные краски. Но как рисовать акварельными красками он не знал и не видел. Я не знаю и удивляюсь, почему так получилось! Но первые пробы он начал делать с большим размахом. Он нашёл репродукцию картины В.Г. Перова “Охотники на привале” и решил сделать копию большего формата. Смотрю - он налил стакан воды, развёл акварельные краски с большой густотой без предварительной грунтовки начал перерисовывать картинку. Но краски были до того густы, что кисточка даже начала оставлять волоски на бумаге, от чрезмерного давления. Но в итоге получилось неплохо. Два дня это всё сохло.

У меня спросили: “Артурчик вроде хорошо рисует, покажи пожалуйста”.

– Ну, вроде ничего. Пойдёмте, посмотрим.

Это был заведующий нового клуба при кирхе.

Звали его Саша (фамилию забыл), жену его звали Устина, она стала библиотекарем. А Саша ещё и рисовал различные плакаты для оформления клуба.

Мы пошли, позвали Адама, он завёл нас в гостиную комнату, где стояло пять кроватей, и между ними оставался маленький проход. Показывает нам картину.

– Ох ты! А что с ней случилось?

Мы догадались – он рисовал акварельными красками на меду, и пока эта краска высохла, тараканы съели почти всю картину. Больше он рисовать акварельными красками не хотел. Потом ему подсказали использовать масляные краски.

Художники на трубе. Я очень любил высоту.

С удовольствием лазил на крышу нашего дома. Печная труба была четырёхходовая. Сверху прекрасно было видно пожарку, линию ЛЭП на Волховстрой, Неву, Рыбацкое и даже железную дорогу за Рыбацким. И я решил попробовать себя в рисовании. Нанёс на бумагу панораму Новосаратовки и Рыбацкого.

Показал Артурчику:

– Ха, ха! Я ещё лучше сделаю.

– Ну, сделай лучше.

Но рисовать с трубы можно было, только когда печи не топят. Я успел сделать рисунок в это перерыв. Взял Артурчик тетрадь для рисования и пошёл. Но высоты он боялся. Лестница высокая, тетрадь мешается, карандаш упал. И всё равно он залез на крышу и далее на трубу. А в доме в это время готовили обед, и вкусные запахи сильно начали мешать творить. Покрутился Артурчик,

занервничал - высота, неудобно, да и страшно. Ну а мы снизу смотрим. Как он будет там рисовать? Потом мы отвернулись, и Артурчик тайком слез и проскользнул на кухню. А в доме дымыща стоит, в чём дело, почему печь тягу потеряла!? А он, оказывается, оставил тетрадку на трубе. Отец поднял шум:

– В чём дело? Почему печь не топится?

Адамчик догадался, что это он нечаянно закрыл дымоход. Быстро слазил на крышу, снял закопчённую тетрадку. А отец заметил эти верхолазания: “А эти вы закрыли трубу! Ну, поймаю сейчас, подвешу на костыле” (длинный кованый гвоздь для сборки баржи). И он, шутя, кинулся за нами. Но никого он не подвесил, только расхохотался.

Новая фамилия. Артурчик состоялся - у него будет семья, но он писал мне, что не знает даже фамилии своей гражданской жены. Она не знает, что Артурчик это псевдоним, так как он прочно держался за образ литературного героя. Дошло до того, что вроде создаётся семья, но оба плохо знали своей подлинной истории. Когда он приехал ко мне в Красноярск то сказал: “Вот теперь у меня будет новая фамилия - Кузнецов”. Тёща написала, что у них уже созрели черешни. Теперь я буду красивым не только внешне, но и фамилия у меня красивая.

(В дальнейшем чехарда с подделкой паспорта и сменой имени и фамилии вызвала немалые трудности при оформлении пенсии. В этом деле запутались не только компетентные органы, но родственники Артурчика. Описывать дальнейшую жизнь Артурчика в этой книге считаю не целесообразным – Составитель).

Опыт первый учитель. Незабываемые дни моего детства связаны с колхозным жеребцом по кличке “Чалый”. Самый первый случай запомнился мне на всю жизнь. Отец, проснувшись, зовет меня: – Сашка иди на конюшню, попроси дядю Мартына запрячь Чалого в водовозку. Привезёшь воды нам и в конюшню пару бочек – Я уже ухожу, а он мне в след – Не забудь взнуздать жеребца – то. Что я и сделал – забыл взнуздать. Опыта работы и общения с лошадьми у меня, тринадцатилетнего пацана, ещё не было, он пришёл он несколько позже. Еду потихоньку, подгонять коня совершенно бесполезно. Встанет как вкопанный, и никакая сила его потом с места не сдвинет. Про его капризность я уже знал, да и видел несколько раз, что он вытворяет. Из-за его плохого характера мало кто запрягал его. Но отец и Чалый нашли общий язык. Их взаимное уважение и принцип “спеши не спеши” приводил к вполне сносным результатам. Поведение Чалого было непредсказуемо и при определённых обстоятельствах резко менялось. Заехал я в Неву, так чтобы половина колёс скрылась под водой, начал черпаком наполнять бочку. Сам поглядываю на лениво приближающийся пароходик “Пионер”, как он устало тянет паром с повозками на борту. Бегущий (вернее ползущий) по воде “Пионер” был в 30-е годы конфискован у общины новосаратовских крестьян и продолжал выполнять свою работу – перевозить с берега на берег пассажиров по 20 – 25 человек за ходку. А на длинном тросе буксир тянул деревянную платформу, на которой перевозились конные подводы и негабаритные грузы. То, что расскажу Вам сейчас, похоже на цирковой номер. Но все это, правда, так и было. Вот-вот причалит “Пионер”, съедут, не спеша подводы. К тому времени успею начерпать воды и поеду вслед за ними. Паром причалил, все задвигались,

закопошились. Уже последние подводы начали съезжать. Тем временем мы с Чалым набрали воду и тоже тронулись на взвоз. С места Чалый тронулся как-то не так как всегда, а нервно, рывком. Я чуть не слетел в воду. Много народу сошло в тот день с “Пионера” и среди них почти все знакомые. Вдруг Чалый заржал, рванул и пошёл галопом. Я не поверил своим глазам и не сразу понял причину такой резвости моего коня.

От неожиданно большой скорости я растерялся, натянул вожжи. Но бесполезно – Чалый не взнуздан. Телега с бочкой не была приспособлена под езду галопом. Я соскочил, за мной слетела бочка и со страшным грохотом, выливая воду, покатила на меня. Чалый, освободившись от груза и вожжей, с ещё большей резвостью и радостным ржанием помчался за едущей впереди повозкой, где он узнал знакомую кобылу. Я был в каком-то непонятном, стрессовом состоянии. Крутился на месте, сначала побежал почему-то за пустой бочкой, затем за Чалым, что-то кричал, возможно, даже бранился. Потом обратил внимание на хохотавшую, как в цирке, толпу. Да, этот цирк был бесплатным.

В тот момент меня надо было окатить холодной водой, для того чтобы я быстрее стал соображать. Толпа не расходилась, наблюдала. А мне хотелось провалиться сквозь землю. Некоторые из толпы подбадривают, а другие кричат: “Смотри парень, твой жеребец кобылу не догнал и от ярости забор куда-то поволок”. Смех смехом, а дело делом. Поостыл я немного, подхожу к Чалому.

И, о ужас! Как я его бедного вызволю? Вожжи намотались на колесо, голова затянута чуть ли не под самый круп, задние ноги перекинуты через оглобли. Сбруя сползла и неимоверным образом задрала бедному коню хвост так, что смотреть было срам. Спасибо всем кто в тот критический момент помог мне вызволить

моего, уже успокоившегося друга, и привести повозку с бочкой в приличный вид. Всё бы ничего, но пока мне подсобляли, столько разных подробностей, эпитетов и предположений я услышал на тему – что было бы, если бы ... типа:

– Как бы ты, крёстный отец, назвал наследника?

– Ну, как водовоз, воду довез?

– Животы берегите, а то лопнут от смеха – защищал меня отец. И ещё всякую чушь слышали мои уши. Даже сейчас меня бросает в краску.

Я тогда был очень стеснительным пареньком, краснел до пят при упоминании этого случая и не знал, куда девать свои глаза. Уточнять не буду, и вот почему.

Чалый, кроме всевозможных работ, играл роль подставного жеребца. Он был уже в годах, но очень резвый, говорливый и крикливый. При воспроизводстве конного поголовья два конюха выводили Чалого и крепко привязывали к телеге, потом выводили кобылу и привязывали напротив. От ржания Чалого возбуждались и начинали бить копытами все лошади в конюшне и все любопытные, независимо от возраста, выходили, и украдкой наблюдали за происходившим. Через определённое время, изрядно измотавшегося Чалого уводили, а взамен приводили племенного жеребца.

Так, мой будущий герой, помогал колхозу увеличивать поголовье конного стада. Я, Шурка, брат Абрам, Рудька, Колька и Сергей с явным нетерпением ждали воскресенья. В эти дни лошади не работали и нам разрешали водить их купаться в уже прогретой воде Невы. У каждого из нас был свой любимый конь. Мне почему-то всегда доставался Чалый – самый непредсказуемый в своих выходках. По секрету отец Тоди рассказал, как с ним обращаться и что нужно делать, когда он начнёт выкрутасничать. Лучше не было похвал, когда я слышал

от отца и родных: “Смотрите, какой у меня молодец, кавалерист, самого сильного жеребца оседлал”.

Я все больше и больше гордился и делал все, чтобы мой конь, после купания, чистки щеткой и скребком, был лучше, красивее всех. Сначала мы все верхом на своих питомцах проезжали с километр против течения Невы. Затем заходили в воду и плыли по течению до места купания. Чалый очень любил купаться.

За короткое время я успел почистить коня, вывел на просушку, а сам пошел помогать брату Абраму, чистить его коня. Я не очень обращал внимание на то, что мне говорили ребята: “Смотри, Чалый землю роет... Сашка сжался, успокой коня, а то ревнует ведь”. Я делал вид, что ничего не слышу, ничего не вижу. Думал: “Вот я, какой шустрый, второго жеребца обслуживаю”.

С мойкой и чисткой покончено и мы, как по команде, подсаживая друг друга на коней, помчались. “Ура!” - кричу, опережая всех пацанов. Скачу, мечтаю, что случись война, пойду в кавалерию, а моим бесстрашным конём, конечно, будет Чалый. Но при обгоне брата мой четвероногий друг вздыбился, высоко подбросил задние ноги и через свою голову скинул меня на всём скаку. Мне не было больно. От обиды я, не стесняясь, заплакал, и мои горькие слёзы стекали в мягкую траву. Чалый стоял надо мной и своими мягкими губами нежно подталкивал меня, вроде нашептывал: “Давай, вставай. Ну же – садись”. Я его не сразу понял, а он тем временем опустился на передние ноги. Мальчишки мне подсказывают: “Садись, он просит”. Я взобрался на него. Мы всей компанией благополучно, но почему-то молча, не как всегда, доехали до конюшен. Я всё рассказал отцу и за обиду, нанесённую мне Чалым, сказал, что больше на нём кататься не буду. Отец, как мог, успокоил меня и объяснил: ” Чалый поступил с тобой так потому, что ты

на его глазах пошёл мыть и гладить другого коня. Это ты Сашёк, должен попросить прощения у Чалого”. Я все понял и простил Чалого, а он простил меня, сына человеческого, уже давно, там – когда я плакал в траве.

Чалый. Вы ещё не знаете, откуда в колхозном конном стаде появился жеребец по кличке Чалый?

С облегчением на душе я открою эту тайну. Это было в тридцатых годах, когда по всему Союзу проходила коммунизация, коллективизация единоличных крестьян. Эта кампания проходила очень трудно и при сильном давлении со стороны членов партии. Мой отец начал служить в армии в 1904 году, а закончил в 1922 году. Семьи всех солдат страшно бедствовали, но дети рождались после каждого отпуска солдат. (Многие крестьяне обогащались, они не несли службу по разным причинам или льготам). Отец был младшим сыном в своей семье, ему выпала доля служить в армии. Таких бедолаг в Новосаратовке было немало. И вот они решили объединиться. Во главе новоиспечённой организации встали коммунисты, в том числе и мой дядька Андрей.

В дальнейшем он стал первым трактористом села. Человек образованный, хороший механик. Собирались у него дома все обиженные и обделённые.

В один из таких дней, когда отец возвращался домой, на него напали, проломили голову бутылкой. Окровавленного его принесли домой. После этого случая зашумели односельчане: “Под суд всех мироедов и кулаков, разбогатевших, пока мы воевали, защищали Родину!” Помню, виновником оказался крестьянин по прозвищу Чурила (был какой - то артист с такой фамилией). Зашёл он как-то к нам на огонёк, просить извинения у отца. За изрядной выпивкой отец простил его, они поцеловались, да и разошлись.

Но маховик запущен. Чурила по пьянке рассказал, кто его натравил на это тёмное дело. Органы без труда нашли зачинщиков и подвергли всех раскулачиванию. В первую очередь попал Чурила, хозяин Чалого.

Много народу было обеспокоено неожиданными результатами раскулачивания. Где-то в большой тайне готовились списки. Люди лишились сна и ждали мучительной неизвестности. Всего-то богатства у Чурилы - куча ребятишек да конь Чалый. На сельской сходке, под давлением прежнего председателя и органов власти, было постановлено (вчитывайтесь внимательно): “За эксплуатацию бедняцкой прослойки крестьян, при помощи жеребца... крестьянина Чурилу выселить, а жеребца конфисковать”. Вот такое обвинение было предъявлено незадачливому мужику. Так как отец простил его за нанесенную травму, вроде бы по пьянке, по настоянию отца обвинение о саботаже и бандитской выходке из приговора было вычеркнуто.

Иначе это грозило - бы Чуриле большим сроком заключения. Наверное, в последний раз, перед ссылкой, он пришел к нам, долго о чем-то говорил с отцом, а затем сказал: “ Возьми Чалого под свою опеку и запомни все секреты ухода за ним. Я вырастил его с жеребёнка!” Обнялись, распрощались. И Чалый остался без своего старого друга. Чурилу увезли, как кулака, в Хибиногорск (Кольский полуостров). А его конь стал первым тягловым животным в коммуне, потом в колхозе. С тех пор наша дружба стала крепче. Мы как бы прониклись еще большим уважением друг к другу. Прошло столько лет, а я с большой грустью вспоминаю всё то, что когда-то связывало меня с моим другом Чалым.

Измерить - бы Чалого силами трактора. Чалого я помню лет с восьми. Это было в период организации первой коммуны в нашем селе – 1930 год. Коммунарам выделили трактор “Фордзон”. Первым трактористом был мой дядя Андрей. С его дочерью мы учились в первом классе. Вся коммуна готовилась к выезду на весеннюю пахоту. Из района была получена команда: “К 1-му Мая организовать праздник Первой борозды”. “Тоди” так мы звали своего отца: “Что такое первая борозда? И почему обязательно к 1-му Мая?” Дело в том, что уже несколько дней стояла сырая, промозглая погода. И нам не очень хотелось в дождь идти на этот праздник. Для нас слово “Праздник” что-то светлое, радостное. А тут всё серо, холодно. Учительница строго предупредила: “Вы тоже пойдете в колонне.

Не забудьте одеться получше, и прикрепите с левой стороны значки октябрят”. Противный дождь закончился. На первое мая немного подсохло. Колонна немногочисленных коммунаров двинулась в сторону поля. Организаторы праздника расставили всех по порядку, во главе процессии трактор с красным флагом, далее жеребец Чалый, запряжённый в телегу, на которой лежал двухлемешный плуг, затем пионеры, октябрята, взрослые, далее повозка с запряжённой кобылой, а на повозке все то, что необходимо для чествования 1-го Мая и первой борозды. Для взрослых выпивка, закуска, а для нас сладости. Прицепили к трактору плуг.

Под звуки духового оркестра и пение Интернационала всех участников торжества, трактор выехал на свою первую борозду. Но на втором заходе застрял. Земля была еще очень сырая. До выхода на вспашку долго спорили: пора пахать или еще рано, готова земля или нет, пройдет ли трактор с шипами или нет? При этом все с умным выражением на лицах ощупывали шипы на

колёсах. Решили – отменять праздник нельзя, районное начальство дало указ. Все мы с тревогой ждали, как же пройдет трактор 2-ю борозду. На середине поля трактор с плугом начал конвульсивно дергаться, копошиться как жук в навозной куче. Колёса выбрасывали комья земли, и все глубже зарывались в землю. Кто-то крикнул: “Стой, а то ты сквозь землю провалишься, да к Фордзону в Америку прокопаешься. Ишь, чёрт стальной, на родину потянуло”! Пошло перешептывание: “Что - же делать? Задание не выполнили” Мужской голос выкрикнул: “Надо вытащить трактор, во что бы то ни стало”. Но чем и как? Решили быстро, запрячь Чалого в трактор и попробовать вытащить общими усилиями. Запрягли, конь встал на дыбы, но не смог тронуться с места. Замер как вкопанный.

Из толпы кричат советчики: “Выведи кобылу вперед, тогда Чалый не только трактор вытянет, но и все поле вспашет”. Женщины зашумели: “ Вы хоть октябрят отведите, чтобы не видели”. Решили баб не слушать. Чалый дернулся, да так, что разорвал хомут, освободился от упряжки и, что есть мочи, погнался за кобылой. За ним бросились все мужики, чтобы удержать его от незапланированного действия. Он брыкался, сопротивлялся, как мог, и послушался только отца, который спокойно подошел и пошептал, наверное, волшебные слова. На удивление всей толпы отвел его, и запряг в телегу. Папа знал секрет.

Трактор вытащили только через неделю, когда основательно подсохло. Праздник, тем не менее, удался. Коронный номер Чалого понравился всем, кроме самого виновника. Разложили на молодой травке чистые скатерти, на них закуску, горячительные напитки. Взрослые выпили, запели. Мы тем временем с учительницей пошли изучать природу родного края.

Пахло землёй, ветерок щекотал нам носы, пели птички, всякие жучки выползали на поверхность. И только перед закатом солнца вернулись домой.

Вторая семилетка жизни. Мечта стать конструктором, как дядя Эрнест – отец Саши Паля, стала моей жизненной мечтой. Как только увидел его за чертёжной доской и всё – мечта! Отец выписал нам с братом журналы «Наука и жизнь» и «Техника молодёжи». После чтения журналов, на возникшие вопросы, с удовольствием отвечал дядя Эрнест. Дядя хвалил меня за усердие при чтении книг, и ругал своего сына Сашку за лень и безделье. В 1937 году его отца арестовали и выслали на 101-й км. Впрочем, нас, юных патриотов, это не очень удивило, время было такое. Саша пожил у нас немного, да и уехал к дяде, в Хибиногорск, а его сестра быстро вышла замуж и осталась жить в квартире родителей. Дядя его был раскулачен и выслан туда в 1938 году. Затем Саша вернулся и поступил на работу пекарем. По селу прокатилась волна арестов и увольнений за прогулы и малейшее опоздание. Учёба в старших классах и учебных заведениях стала платной. Передо мной встал выбор – школа или работа на заводе. Мне 14 лет, и в этом возрасте принимали на работу учеником. Я занимался фотографией, и многие мои знакомые приходили с просьбой сделать фото на документы. Они же и сагитировали меня поступить учеником токаря на завод им. Ленина. На этом заводе работали отец и брат моей одноклассницы Ольги Штеймиллер, и ещё отец Саши Городыско. Сказано – сделано. Надо было помогать родным, зарабатывать на жизнь. А учиться можно и в вечерней школе. Отец возражать не стал. Сказал только: “Может, вы и не станете говновозами в колхозе”.

Что было сущей правдой. Всю зиму бригада

колхозников вывозила из городских туалетов фекалии на поля колхоза, для удобрения земли. Работа эта проводилась исключительно в ночное время суток. Оформление моих документов прошло быстро и без медицинского осмотра. Определили учеником в цех нормализованных деталей. Цех был расположен на территории около набережной реки Невы, через дорогу от заводоуправления. Табельщица выдала мне табельный номер, оформила пропуск, подвела к моему рабочему месту и наставнику. Этот день трудно забыть! Завод подавил меня своей мощью. Я зачарованно любовался трансмиссией приводов к старым станкам, новыми универсальными станками, вьющейся стружкой из-под резца, ощущал запах металла, который вьелся в память на всю жизнь. Мой наставник Дима первую неделю не очень загружал меня работой. Всё больше знакомились, узнавали друг друга. Говорили о музыке. Он играл на трубе в духовом оркестре, а я рассказал о своём струнном, где играл на мандолине в клубе на танцах. Староста нашего оркестра, мой однокашник Сашка Город и я бегали во время обеденного перерыва на территорию основного завода в столовую и кушали с такими же учениками, как и мы. Они устраивали ознакомительные экскурсии по цехам, где мы ещё не были.

Например, станочный цех с гигантскими строгальными, фрезерными и токарными станками. На многих из этих станков работали наши новосаратовские немцы. В литейном цеху мы долго любовались плавкой и разливкой искрящегося металла по формам.

От неимоверной жары пересыхало во рту. Воздух был пропитан мелкой чёрной пылью. Дима постепенно начал приучать меня к станку, который имел патрон в 2,5 метра, тумбу с резцедержателем, в мой рост, и очень капризным устройством регулировки.

Дима, как волшебник, но с матом, устранял дребезжание резца, и умудрялся выполнять задание по обработке 200 кг. фланцев, без особых придиорок ОТК. Научил он меня многому довольно быстро. Труднее всего мне давались центровка и крепление детали на 4-х кулачковом патроне. Очень мучила трансмиссия привода станка. Ремни то слетали, то рвались или перебрасывались сами на другую скорость. Дима часто пил и, после глубокого похмелья, совершенно не был способен к работе. В такие, тяжёлые для него, дни он обращался ко мне: “Сань, выручай!” Я только и ждал этого момента. И таких моментов было предостаточно, 2 – 3 дня в неделю! Прошёл первый месяц моего ученичества. Саша Городыски и я пошли в цех, где на большом строгальном станке работал дядя Федя, отец нашей одноклассницы Ольги. На салазки станка была установлена многометровая деталь паровой турбины, которая медленно передвигалась под резец, дядя Федя катался вместе с деталью и следил за работой резца. Завидев нас, позвал и спросил: “Сколько вы уже учитесь”? Мы с гордостью ответили: “Месяц”. “Скорей вставайте рядом со мной!” - воскликнул он. Мы с классным мастером своего дела с удовольствием катались, на единственном своего рода станке. “Слезайте”! Он пожал, по очереди, нам руки и сказал: – Это катание считайте своим первым посвящением в рабочий класс! Не забудьте пригласить на обмывку первой полочки! Мы ещё долго обдумывали этот ритуал, и искали смысл, в сказанном старшим специалистом. Но вскоре случилось страшное, для меня, во всяком случае. Накануне, я со струнным оркестром до двух часов ночи проиграл на танцах. Поздно пришёл домой и проспал утром. На работу добрался с опозданием на два часа. По указу того времени за опоздание на работу

без уважительных причин увольняли с работы. А за укрывательство нарушителей трудовой дисциплины руководство наказывалось по закону. Через 4 часа я был уволен с первой зарплатой ученика токаря в кармане. Это событие я записал в дневник и пошёл делиться своим горем с друзьями. По дороге встретил Ольгу – одноклассницу. Мы переговорили о продолжении учёбы в 8 – 9 классах, продолжили поиски однолеток, которые тоже стояли на распутье. Вместе со мной нас набралось 5 человек, тех, кто решил учиться дальше в школе. Это Ольга Штейнмиллер, Александр Столбов, Абрагам Эрн, Адам Рейх, все мои друзья. Вместе мы закончили 9 класс в школе с. Рыбацкое и осенью 1941 года, во время войны, начали учиться в 10-м классе школы №344 (*у моста им. Володарского*).

Кладбище при кирхе. В моих воспоминаниях нет вымышленных фактов, всё было и происходило на моих глазах и при моём участии. Не забыл страшные истории про кладбищенские чудеса, которыми пугали мои сёстры своих подруг, а так же рассказы родителей о том, что души мертвецов ещё долго бродят по кладбищу, а иногда приходят к тебе в дом. Я долго не осмеливался посетить это таинственное место. Был какой-то родительский день, и меня взяли с собой. Естественно, мои глаза искали бродячие души или ещё какие-нибудь страсти, но ничего я не увидел. Нас встретил лес и декоративные кустарники, дорожки, посыпанные чистым речным песком, и ухоженные могильные плиты или гранитные полированные кресты на пьедесталах. И ещё, недалеко от входа стояли четыре склепа, огороженные красивыми оградами с могильными крестами, завершённые литыми ангелами или распятием Христа. К этим крестам я прилип и все ждал, когда они полетят или зашевелиятся.

Меня уговорили, сказав: “Они не живые, чугунные”. Это меня немного огорчило, но я послушался, чтобы пройти дальше к нашему родовому участку захоронений.

Участок был озеленён кустарником, среди которого лежали надмогильные плиты и гранитные кресты. Здесь росли три расположенных близко друг к другу дуба, между ними были захоронения моих дедов и прадедов. В родительский день на кладбище ходили как в парк. Гуляли по дорожкам, разговаривая шёпотом.

Вспоминали свою родню и того или другого односельчанина. Родословную и биографию усопшего можно было узнать и уточнить только на кладбище, где всех знали, и это передавалось из уст в уста.

Жаль, что я был ещё очень мал и не знал, что судьбы людей это история твоих предков, в какой-то мере повторяющаяся в самом тебе. На могилах прибиралась молодёжь, помогавшая старшим. За общим порядком следил староста кладбища. В 1930 году я пошел в школу, но изучение таинств кладбища меня влекло больше, чем задания на дом. Богатые венки, сделанные из фарфора и упакованные в оцинкованную овальную коробку, всегда манили нас потрогать их или получить всё это в собственность, но они были запакованы под стекло. Разрушение кладбища началось сразу после закрытия кирхи и начала антирелигиозной кампании.

Наступил голод 1933 – 1934 года. Колхозный скот кормить нечем. Получили приказ руководства: “Заготовить берёзовые веники на корм скота”. Берёзы, пострадавшие на кладбище, дворах и лесах, засохли. Веники сгнили, так и не успев стать кормом. Поредели надгробные кресты. Береговая лесополоса начала быстро обрушаться, вместе с дорогой и близлежащими домами. Кладбище без кирхи и хозяина на селе стало быстро терять свою былую красоту и к

началу 41-го года имело, весьма печальный вид.

Надо признаться, что к этому разорению приложили руки и мы. Из кованых оградок выламывали себе пруттики, чтобы играть в войну с пикой в руках, лазили в склепы, где стояли цинковые гробы. Одним словом, пакостили назло религиозным суевериям, делали так, как нас уже успели научить пионерия и советские агитаторы. Взрослые редко делали нам замечания, будучи напуганные репрессиями и доносами.

Стать контриком никто не хотел. Мальчишки, почти все были вооружены рогатками, из которых стреляли по надоевшим воронам. Лучшего полигона, чем кладбище, где можно было развернуть настоящие военные игрища, не найти. Под обстрел из рогаток попадало всё, особенно венки в стеклянной оправе. Эти игры достигли апогея весной, когда сидеть за партой в хороший солнечный день было труднее, чем гонять ворон по кладбищу. Взрослые односельчане не пресекали наши безобразия, а только роптали: – Что делается в мире? Это к добру не приведёт. Это случилось в блокадном марте 1942 года. Всех немцев и финнов выселили в Сибирь.

Как нам потом объяснили, навечно. Обрато в Новосаратовку мало кто вернулся. Я с женой посетил на кладбище в 1956 году, когда ещё были в сохранности родовые надгробия. Но в 1965 году от бывшего кладбища колонистов почти ничего не осталось. Нам говорили, что нашелся деляга, который на надгробных камнях срубал старые надписи, набивал новые по заказам и продавал их. Эти надгробия узнавали родственники колонисты, их можно было отличить по некачественной работе лицевой части пьедестала. Всё, что не пошло на продажу, стащили в одну кучу на те места, где раньше находились склепы, или сбросили под ноги.

“Дом” людей, почивших здесь осквернили, превратили

в мусорную свалку, и только дубы остались на память о предках.

(От составителя: - Октябрь 2006 года. Автобусная остановка в Новосаратовке в сторону Уткиной Заводы. Разговор с пожилой женщиной (в руках у неё садовый инвентарь):

– Приезжали на садовый участок?

– Нет, с кладбища. Прибирала могилки.

– Ваши предки здесь давно?

– Нет. Мы приехали сюда из Горького в 1947 году.

Мне был 10 лет. Здесь до войны жили какие-то немцы.

Потом они куда-то уехали).

Песни и реальность. Моё поколение двадцатых годов было воспитано боевыми песнями, кинофильмами и “Пионерской правдой”. Первую неделю после начала войны ждали призыва, как в песне пелось: “Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин и первый Маршал (Ворошилов) в бой нас поведёт”. Первая неделя войны вселила сомнения и разочарование. Нас окружало большое враньё. Выступление Молотова (министра иностранных дел) заставило задуматься и усомниться, нет ли здесь предательства и сговора с Германией. Где Сталин, Ворошилов?

Населения было изморожено указаниями: за опоздание на работу на 22 минуты – штраф 25% от зарплаты на шесть месяцев, за второе опоздание или прогул – полгода или год трудовых работ в лагерях. За мелкие кражи наказывали от года и более, в зависимости от веса или штучности краденного. Не было семьи, в которой кто - то не был бы репрессирован или наказан за прогул, опоздание на работу. Листовки с убедительным враньём сбрасывались с немецких разведывательных самолетов “Рама” в большом количестве.

В них агитировали, кого надо убить, кого арестовать. Сбрасывали пропуска для перехода через линию фронта. Этого добра было полно.

Читали сначала открыто, но после первого выступления Сталина начали таиться. За каждую листовку, подобранную и не уничтоженную, полагалась кара по законам военного времени. Видимо, многие были сагитированы убедительной ложью, похожей на правду. Некоторые поддались гитлеровской пропаганде. Шаг, который нельзя было делать.

Большинство из тех, кто поверили и рискнули, были наказаны в тот же миг, или спустя некоторое время. Мы видели, как безнаказанно бороздят небо Ленинграда самолёты со свастикой и ждали, что вот-вот встретят их наши ястребы, и собьют наглецов. Но этого не случилось. Всего два раза наблюдали воздушный бой, и оба раза сбивали наши самолёты. Как больно было видеть поражение нашей армии. Многие мечтали стать лётчиками, закаляли себя, прыгали с парашютных вышек, становились членами ДОСААФ и занимались в подготовительных кружках этой организации. После того как посмотрели кино “Если завтра война”, нам внушили уверенность в то, что никакой враг не страшен нам, и наша авиация в первый час войны разгромит любого врага. Нас, молодежь Новосаратовки, считали отрядом ополчения. По новому распоряжению, отряд был направлен на строительство аэродрома и точек ПВО. Меня в то время считали положительным молодым человеком, единственным комсомольцем, спортсменом и исполнительным парнем. Еще в 5-м классе, учитель Вернер решил влюбить нас в боевые песни. Первой песней был марш лётчиков “Все выше”, стихи Германа, музыка Ханта. Там есть такие слова:

Бросая ввысь свой аппарат послушный,
Или творя невиданный полёт,
Мы создаём, как крепнет флот воздушный,
Наш первый в мире, пролетарский флот!
Наш острый взгляд пронзает каждый атом,
Наш каждый нерв решимостью одет,
И верьте нам, на всякий ультиматум
Воздушный флот сумеет дать ответ!

Как больно было видеть поражение нашей слепой веры в хорошие песни. Война пока шла на дальних подступах. А пока наши военные строители считали, что противник глупее, строили ложные аэродромы, ложные точки ПВО и другие муляжи. ТЭЦ-5 затаили муляжной сеткой. Зажигались отвлекающие огни и многое другое. Так вот, наше отделение направилось пешком на строительство ложного аэродрома. Это примерно в 3-х километрах по Покровской дороге, около церковного (Покровского) участка леса. Немцы быстро раскусили, что мы там строим, засекли наши бутафорские площадки, и через несколько дней, сбросили нам сюрприз. Но до этого до нас доходили вести, что ночью, то в Зиновьевский лес, то на поля нашего колхоза с самолетов сбрасывали диверсионные группы. Направляясь на работу к месту “строительства” мы обнаружили белое пятно на зелёном поле уже скошенного клевера. Слово “любопытство” не совсем подходит к тому моменту, когда мы увидели и поняли, что это парашют. У каждого из нас были свои мысли: а вдруг ждут и подсматривают, не подойдет ли сам диверсант? Может быть это советский летчик? Забрать парашют, значит стать мародёром.

Я сказал своей группе: “Не надо подходить”, и мы не подошли. То, что наши работы рассчитаны на дурака, подтвердилось через неделю. Всё это время мы на

аэродроме таскали макеты самолётов, ставили новые “зенитные” установки. И в один прекрасный солнечный день зазвучала сирена - воздушная тревога.

Все кинулись в укрытие. Прыти нашей по этому сигналу позавидовал бы любой наш учитель физкультуры. Сидим, слушаем. В надежде найти убежище получше ребята суетились в неглубоких окопах. Шум самолёта быстро усиливался, и вот он летит у нас над головой. Что-то, выброшенное из самолета “Юнкерс-88”, падает на наше поле. В воздухе слышен страшный свист и шум, давящий на наши барабанные перепонки. Грохот падения чего-то на землю, и – полная тишина. Вжавшись в землю, все ждём своей гибели. Первым поднялся командир, посмотрел в бинокль и промолвил: “Бомба замедленного действия”.

Немного погодя, он рассмотрел надпись на бочке и сказал: “Это, наверное, немецкие коммунисты сделали бомбу, чтобы помочь нам”. Мы все потихоньку высунули наши головы из траншеи, наблюдая за солдатом. Слышим, кричит: “Она деревянная! На ней написано: “По аэродрому и бомба”. Все выскочили из своих убежищ и воочию убедились, что бомба деревянная, а шум делала дырявая бочка, сброшенная с самолета. Командир вдруг “озверел”, крикнул: “Все в траншеи”, а сам пошёл звонить командованию. Вернулся серьезный: “Больше на работы, на этот объект, не приходите! Финский фронт стабилизирован, а немцы на подходе к Гатчине! Идите домой”. Уже под вечер он собрал нас, ополченцев, предупредил о неразглашении случившегося. Первый раз с начала войны мы сняли нервную напряженность, смеялись до упада, вспоминали, кто как прятался в траншеях. В тот день я предложил сходить к брошенному в поле парашюту. Никто не стал возражать. Все трогали части парашютной оснастки и

прикидывали, что может пригодиться в хозяйстве. Я вытащил перочинный ножичек, и смело начал кромсать стропы и шёлк на части. Разделили всем по куску. Мне ещё достался отличный рюкзак из непромокаемого брезента. В нём я и унёс свой трофей. Шёлк попрятали у себя под одежду, стропами обмотались по поясу.

За содеянное мысленно каждый сам себе выбирал приговор: расстрел, тюрьма или еще что-либо. Все эти события, но с более подробными деталями, со смехом напомнила двоюродная сестра Леля из Якутска. Шёлк парашюта, стропы и рюкзак имели свою историю, но уже не в окруженном блокадном Ленинграде, а в далеком Красноярском крае в 1947 году.

Воспоминания о начале войны и блокаде

Чалый на оборонных работах. К чему мы готовились, начиная с детского возраста, того и дождались – ВОЙНА! Мы смотрели фильмы про войну, пели воинственные песни. Наши детские игры, а также физическая подготовка ГТО и “Красный крест” были связаны с войной. Абсолютно всё подготавливало нас к войне победной, последней войне против заклятого врага – капитализма. Только умный Чалый об этом не знал – газет не читал, радио не слушал, кинофильмов не смотрел. Но, спустя некоторое время, он активно включился в непривычную для него работу.

Стояла хорошая погода. Хотелось заниматься всем тем, о чём мечталось в зимнее время. Купаться, загорать и просто бегать в лес и по полям.

Сами понимаете – каникулы. Мне 18 лет, полон сил и энергии. Добровольцем не взяли – учись. Учись и овладевай знаниями. “Есть учись”! – ответил я. Воздушные тревоги, движение военной техники по дорогам и светомаскировка говорило о том, что фронт

приближается к Ленинграду. Только сводки скромно умалчивали об этом. Пробил час, когда судьба нас снова свела с Чалым. Колхозу была дана разнарядка - организовать конный обоз для оборонных работ.

В этот обоз был зачислен и я. До окончания школьных каникул оставалось ещё два месяца. В моё распоряжение дали, кого бы вы думали? Ну, конечно же, Чалого. Так как с ним никто больше работать не хотел. А я был даже рад – опять с Чалым! Отец произнёс: “Ну, вот сын, теперь ты с конём едешь на настоящую войну”. Я, молча кивнул, но внутреннее беспокойство подсказывало мне, что слово “настоящая” было связано с какой-то тревогой. Уж кто-кто, а Тоди видел, прочувствовал настоящую, разрушительную, смертоносную силу войны. Там не только кричат “Шапками закидаем” но и оттуда присылают похоронки. Дали нам сопровождающего – дядю Федю, он же наш завхоз (продукты, фураж – всё было колхозное).

В обозе в основном колхозная молодёжь. Выехали рано утром, на зорьке. На небе полная луна, пахнет разнотравьем и свежим морским ветром. Связали подводы друг к другу, для того чтобы не растянуть обоз и дать возможность доспать тем, кто не выспался. Нам не сказали, что будем делать. Знали только одно, то, что ехать надо до станции Рахья, это километров 70 от Новосаратовки. Через день прибыли на место. Нас собрали и объяснили, чем придётся заниматься. Дали расписку о неразглашении военной тайны.

Кара за разглашение – по законам военного времени. И ещё спросили: “Комсомольцы есть?” Я с гордостью ответил: “Так точно, есть”! “Хорошо, будешь бригадиром. Помни, что работать будете на комсомольско-молодёжной стройке”. Приехав на место предполагаемой работы, это 7– 8 километров от

станции, мы разбили себе три палатки и обустроили свой быт в прекрасном, сильно пахнушем сосновом бору. Назначили дежурных конюхов, поваров, а заодно расписали обязанности оставшимся – все, стало быть, при деле. Вести с фронта получали однотонные, скупые, что немало всех тревожило. Но после подписки о неразглашении военной тайны много не поговоришь, не попоёшь, а, в общем – то и не хотелось. Только на следующий день мы узнали, что строим, а главное с кем. Первый рейс нашей бригады был в карьер, где из глубокой ямы мы вывозили гравийный песок. Мне на рукав привязали ленту и объяснили подробно, что я должен делать проезжая по участкам и через охрану. Каждый возчик грузил свою подводу, затем отъезжал в сторону и дожидался всю бригаду. Потом организованно двигались на стройплощадку. Я с Чалым первый. Таких бригад возчиков было очень много, у нас не было отличительных, особых знаков или номеров – а может, и были, да только мы не ведали о них. Меня всё интересовало, где работают комсомольцы и молодёжь? То, что происходило, было впервые в моей жизни.

Так это зона стройплощадки? Отгороженная колючей проволокой, по углам стоят вышки и охрана с собаками.

Подписка? Теперь я догадался, что именно мы не должны разглашать на воле. Лагерь заключенных, работа под неусыпной охраной лишила меня совсем сна и покоя. Но, что ещё страшнее, вселили в меня страх. Впервые в жизни мною было испытано это чувство, которое оставило рубец на всю оставшуюся жизнь.

Что греха таить, струсил я тогда здорово.

Кто же были эти заключённые, в чём они провинились? Большинство молодых людей “сидели” за прогулы на работе, мелкие кражи личного и государственного имущества, опоздания на работу

более 2-х раз и т. д. Законы были суровые, а суды работали быстро, и исполнение приговора приводилось немедленно. Особенно много было молодых ребят и девушек. Работало их там несколько тысяч.

Они вручную ровняли площадку будущего аэродрома, трамбовали, укладывали бетон и разгружали привезённый нами стройматериал. Если мою подводу разгребали девчата, то всегда просили: “Привези нам с воли цветочков полевых”. Я и сам цветы любил и с большой охотой выполнял просьбу девушек. Иногда успевали перемолвиться ничего не значащими словами. Но и тогда строгие надзиратели кричали: “Прекратить разговорчики – номер такой - то”. Все заключенные были одеты в полосатую одежду с номерами на спине.

Большинство проклинали усача Сталина, и его прихлебателей, сначала Ежова потом Берия. Но многие от страха вообще молчали и только покачивали головой при редком разговоре с нами. Моего Чалого все хвалили. Он был стального, необычного с рыжиной перелива, с белой гривой и такого – же цвета хвостом. Хорошо ухоженный, с начищенными до блеска бронзовыми бляшками на уздечке и сбруе (это все еще от старого хозяина). Не знаю почему, но разгружать Чалого всегда спешили девчата. Кто их больше привлекал – я или Чалый – до сих пор не пойму. Работы на стройке шли спокойно, без спешки. Настроение у всех было подавленное. Некоторые заключённые говорили: “Скорее бы немцы пришли и освободили нас”. Надзиратели при выезде из зоны пытались узнать, о чём говорили, что спрашивали? Я всегда отнекивался и показывал на жеребца: “О нём, о красоте, о чём мол ещё?” Прошло несколько дней, и пронёсся слух, что финны прекратили наступление и остановились на старых границах.

Работы на стройке пошли с небывалым размахом.

Объявили соцсоревнование среди гражданских лиц. А заключённым за перевыполнение норм выдавался дополнительный паёк, и один день работ зачитывался за пять дней отбывания наказания.

Темпы строительных работ ускорились. У нас, возчиков, началось соперничество за места.

Вывесили “красную” и “чёрную” доски, на которых отмечали количество возок и занимаемое место.

Страшная весть. Тёплый воскресный день. Я со своим соседом и другом разучивали на струнных инструментах новую танцевальную мелодию - готовились играть её на танцах в клубе (кирхе). Брат Адам уехал на лодке с девушками на речку Славянка, где собирались провести воскресенье на лоне природы. Букет полевых цветов принесён в дом, предвещая праздник. Щебечут ласточки, чирикают воробьи и, среди этого шума, слышны нарастающие голоса людей, кто-то из соседей выбежал на улицу и не своим голосом, с всхлипом, крикнул: “ВОЙНА!”

Насколько это страшно мы поняли не сразу – ведь мы не знали что такое война, даже романтизировали её в своих игрушечных боях красных с синими (белыми никто не соглашался играть). “Война”, – уже шепотом повторила мать. Она-то знала, что это такое.

С 1904 по 1921 года ожидала отца в отпуск или похоронку на него. Отец был призван в Японскую 1904 – 05 г, в 1-ю мировую 1913 – 18 годах, перешедшую в гражданскую войну. Она одна управляла хозяйством и растила четверых детей.

Так закончилась одна жизнь и началась другая. В нашей памяти, правда, ещё сохранились события Финской войны, но она была скоротечной и нам преподнесена в таком виде, и жертв было так “немного”. Мы называли

её по газетному “конфликт”. О Германии мы были наслышаны, и объявила она войну тогда, когда под ее пятой был весь промышленный комплекс Европы. Война не оставила равнодушных, в один день все подросли и возмужали. В одну неделю каждый перестроился на военный лад. Все мы тешились надеждой, что войне скоро конец. Месяц – два, и все будем по домам. Родина нас не забудет. Объявили всеобщую мобилизацию. Брат Адам, его друг Пецафинк и другие ребята призывного возраста простояли длинную очередь во Всеволожском РВК. Им сказали: “Необученные – ждите, а пока проходите подготовку в отрядах дружин ополчения”.

А фронт всё ближе подходил к Ленинграду. Начали появляться герои нашего времени.

Две трубы. Жизненный опыт, меня и моих друзей, был ещё невелик, представления и убеждения хрупки и легко попадались на крючок, как информации, так и дезинформации. Наши сердца были распахнуты для новых впечатлений, глаза вглядывались в окружавшие нас события с нетерпеливой жадностью и обострённым вниманием. В детстве всё записывается на всю жизнь в нашей памяти. Пришла как-то мать с дойки коров и громко говорит: “Снова заработал кирпичный завод”. Услышав такое, мы тут – же решили проверить. Пошли смотреть на трубу и на необыкновенный дым, похожий на крутящихся голубей. Ветер утром всегда тянет прохладу с Ладоги, и “голуби” летят на город.

Наше любопытство было чрезмерно. Хотелось подойти как можно ближе и разобраться, что за чудо творится в этой трубе. Ещё до начала войны, эти две трубы готовили к разрушению. Кирпичный завод с печами периодической работы были неэкономичны. В конце Новосаратовки, это между колонией и Зиновьевским (Невским) лесопарком был пущен завод с гофмановскими

печами непрерывного действия. (В 1942 году завод вновь заработал, но уже как крематорий). Процесс разрушения труб нас очень увлекал. Мы наблюдали за ходом работ по разборке половины трубы в нижней ее части, и закладки клетью из брёвен с их расклинкой. К трубе нас не подпустили, но около неё и клетки копошились военные.

Это были солдаты противовоздушной обороны. Они старались вытащить пачки прокламаций из клетки, но, похоже, что чем больше они старались, тем больше их вылетало из трубы. Тяга в трубе была очень сильная. Об этом я хорошо знаю. В эти трубы мы лазили - испытывали себя на высотобоязнь. Внутри были заделаны скобы, по которым можно было залезть до самой горловины – это более 50-ти метров. Для этого мы выбирали теплый день, снимали шапки и рубашки. Шапка, брошенная вверх, через несколько секунд, вылетала из трубы, а рубаху снимали, чтобы она не замоталась на голову. Достигавших вершины трубы были единицы. После нашего верхолазания, мы уже без страха

Кто-то из командиров догадался и дал команду прыгали с парашютной вышки в саду “Спартак”. поджигать. Нас всех разогнали, поставили ограждение с красными флажками и подожгли сруб, поддерживавший устойчивость трубы. Через некоторое время, которое тянулось бесконечно долго, мы увидели то, что так долго хотели увидеть - труба начала разламываться на несколько частей и накренилась, падая в нашу сторону. Кто-то побежал первый, за ним все, кто спокойно стоял и наблюдал что будет? Кинулись врассыпную, не увидев, как куски трубы рушатся на землю. Как упала первая труба, я не увидел, а за второй я наблюдал от начала до конца. Зрелище такое, что я до сих пор помню его.

Кто же был этот злоумышленник, устроивший агитдиверсию? Не далеко от бывшего кирпичного

завода стоял 2-х этажный дом, в котором жили сезонные рабочие Уткинского завода. Взрослых мужиков забрали в армию, жёны работали где-то на оборонных работах, дети голодные, они там всегда такие были, оставались дома одни. По рассказам ребят этого дома, к ним пришёл какой-то дядя в военной форме и попросил отнести пачку бумаг для поджога клетки, чтобы ее свалить. Подсказал, что для этого надо ее подсунуть между полениц и пачку разорвать. Сказал, что сделать это надо рано утром.

За работу он тут же рассчитался шоколадом. Этого военного больше не видели. Ребята сделали свою работу, но на следующий день разыскали этих ребят и куда-то увезли. В эти дни мы узнали, кто такие диверсанты.

Каждый из нас начал присматриваться к незнакомым лицам, пытаюсь узнать, диверсант он или нет.

Привыкание к страху. 1941 год, учебные воздушные, химические тревоги закончились. Пришла настоящая война! Настоящие воздушные тревоги, и вообще всё настоящее. Изменился размеренный ритм жизни.

События надвигались в таком сумасшедшем темпе, что память, записала только маленькие фрагменты, из которых, собираюсь составить что - то целое. Началась ломка сложившихся годами отношений, жизненный уклад, а главное характеры людей, менялись с быстротой пролетевшей кометы. В стороне от этой огромной беды отстояться или отсидеться никому не удалось.

Уклонистов прибирали к рукам спецорганы.

Мы менялись, как хамелеоны, в зависимости от происходящих событий и места нашего нахождения. Никто уже никому не доверял. Страх распускал свои длинные щупальца по телу, сознанию, по каждой клеточке наших незрелых молодых душ.

Мы начали бояться всего: быть убитым при

артобстреле, бомбежке, погибнуть от холода, пожара, быть арестованным по доносу. Но самым страшным врагом был голод. Постоянно преследовало желание достать что-нибудь, чтоб успокоить свою ненасытную утробу и не умереть с голоду. Постепенно, мы начали привыкать, к военному ритму блокадного Ленинграда. Человек быстро адаптируется. О некоторых эпизодах начала войны, заставшей меня, 18-летнего юношу, попытаюсь рассказать. Это был июль – август 1941 года. Дан наказ эвакуировать скот, лошадей, технику из Всеволожского р-на. Дело непривычное.

Растерянность и неразбериха присутствовали как среди населения, так и в высшем руководстве. Распоряжения противоречили одно другому. Мы тогда не знали, что Ленинград, готовился к сдаче. Но взрослый люд по видам распоряжений догадывался о правде.

Суэта, мародёрство, слухи, распространяемые злорадствующими, обиженными и униженными, грозные указы способствовали врагу. Эвакуация скота началась через Неву по мосту в п. Отрадное и на станцию Мга. Переправа представляла собой ужасающее зрелище.

Не успели ещё полностью перегнать скотину и технику, как нам навстречу со станции Мга хлынул поток беженцев и отступающие отряды красноармейцев. Повсюду слышны крики: “Куда гоните? Там уже немцы!” Страх предстоящего плена, мы в замешательстве. Обрато мы уже пробирались через заградительные отряды войск. Шум, мычание, гвалт – сушая неразбериха! Пропускали только гражданских лиц, военных, смешавшихся с нами и скотиной, останавливали предупредительными и залпами на поражение. Над нами кружили самолёты, бомбили и стреляли в общую массу, смешанную, измученную. Обезумели все, и люди, и скотина. Поток людей был

остановлен и направлен в обратную сторону – домой! Скот, техника, часть лошадей остались немцам.

В селе Островки мы немного стали приходить в себя и осознавать весь пережитый нами ужас. Через день к нам присоединились наши новосаратовские ребята – колхозники, работавшие в селах Пески и Дубровка. Их тоже бомбили, но обошлось без жертв. Скот, техника, большая часть фуража и семенные фонды тоже были захвачены врагом. Это ли не головотяпство наших руководителей? Была надежда, что маршал Ворошилов, не оставит в беде Ленинград, но не оправдалась.

Кое-какие действия для защиты города начали приниматься чуть позже. В Неву были введены военные корабли с крупнокалиберными орудиями, прошёл слух, что приехал маршал Жуков. И это мы сразу прочувствовали. Началось разминирование мостов и др. объектов. Прекратились бесполезные тренировки дружинников на многокилометровые дистанции, с деревянными винтовками и истёртыми до крови ногами. Кончились вольные разговоры о том, что город сдадут.

Болтунов вылавливали и строго наказывали. Конфисковали все радиоприёмники. Стало понятно: не болтай, не говори, что видел. Всё стало секретным.

Страх зажал нам рты крепче любого замка. Колхоз остался без скота, лошадей, поля до конца неубраны. С каждым днём съестных запасов оставалось все меньше. Из магазинов мгновенно исчезло всё, что можно было бы употребить в пищу. Надвигалась осень, а там и зима. Как жить дальше? Во время бомбёжек мы с юношеским интересом наблюдали, как рвутся снаряды прямо в воздухе, и как вокруг взрыва образуются кольцевые волны, как пляшет поверхность реки от раскалённого металла. Моё любование этими зрелищами закончилось тогда, когда у меня перед носом со свистом

упал осколок. Я встал, онемевший, бледный, насмерть перепуганный. Осколок был ещё горячий. Я его потрогал, подождал, пока остынет, подобрал и понёс показать отцу. Пока я шёл, меня трясло. Я был на волосок от смерти. Разные мысли одолевали меня. Отец, молча долго крутил и разглядывал осколок: “ Да, сынок, это твоя судьба. Оставь его на память”. Я понял, бояться не надо, а вот беречься – обязательно! В этот же день от осколка снаряда погибла уборщица нашей школы. Некоторые события в последующие дни войны уже не вызывали такого стрессового состояния. Время готовило нас к более страшным событиям, которые до сих пор появляются во снах.

Мельница. Новосаратовская колония имела две ветряные мельницы. После организации коммуны мельницы были переделаны на тракторный привод. Колхозники и крестьяне - единоличники мололи зерно на личные нужды и на корм скоту.

Мельницами пользовались и жители близлежащих сёл. Они работали до июня 1941г. В летние каникулы школьники - дети колхозников отрабатывали обязательные трудодни в колхозе.

Меня определили в помощники тракториста и мельника. Нам предстояло смолотить зерно, которое получили на трудодни колхозники. Справиться с работой вовремя мы не успели потому, что город готовили к сдаче. Всю технику, колхозный скот и продовольствие начали вывозить из колонии.

Люди в экстремальных условиях. Когда немец начал сжимать кольцо блокады, мирное население вместе с войсками из пригородов хлынуло в город. Немцы вели массовую обработку населения листовками, агитаторами

и по радио. Трудно судить, как повёл бы себя народ в окружённом городе, если бы не грозные указы военного времени. Среди тех, кого я знал, все читали и имели на руках агитационные листовки “Переходите фронтную линию” и пропуск. За попытку перехода из знакомых был расстрелян К. Фёдоров по прозвищу “Цибуля”. Он был трус, но осмелился сделать такой шаг. Расстрелы за переход фронта были массовыми, особенно в октябре месяце. Об этом вещало радио, и писали газеты.

Вышел указ: “За переход дороги во время движения войсковых соединений ближе, чем за 50 метров – расстрел на месте преступления”. Один из случаев выполнения этого указа я видел. После этого я за 200 метров столбенел, но дорогу, переддвигающимися войсками, не переходил. Комендантский час заставлял нас держаться на привязи к дому. Охотников отличиться за ловлю нарушителей комендантского часа, лазутчиков и др. преступников было предостаточно. Сильно страдала в это время ремесленная молодёжь. Эти училища были организованы в 1937 году. Они находились на полном государственном обеспечении. Ученики ходили в чёрной форме, опоясанные ремнём с медной пряжкой. На этих ребят 12 – 15 лет пали все тяготы начала голода.

Их скудный паёк первым начал убывать. Поэтому они стояли в длинных очередях за единственным свободно продававшимся сладким продуктом – лимонадом. Когда я шёл отовариваться хлебом по карточкам, в конце длинной очереди за лимонадом, в толпу людей упал снаряд. Несколько человек было разорваны на клочья.

Останки людей висели на деревьях и валялись вокруг воронки. Оставшаяся толпа не побежала спасать раненых, а бросилась к опрокинувшемуся ларьку. Они хватали уцелевшие бутылки и разбегались подальше от места происшествия.

Мало кто опомнился и начал оказывать помощь раненым. К счастью, ремесленников из младших групп успели эвакуировать из города в сибирские города ещё до начала войны. За свою жизнь они боролись, как умели. Я не видел, но рассказывали, что было несколько случаев, когда озверевшая очередь бросалась на голодного воришку, и били его ногами, пока он не переставал шевелиться.

Ходить за хлебом можно было только группой – легче отбиваться. Как-то раз я пошел один и был окружён голодными ребятами. Меня спасли быстрые ноги. Бежал я от Обуховского магазина до сада “Спартак” (около 500 метров), где встретил попутчиков, и до дома добирался уже не один.

Учёба кончилась. В декабре 1941 года в школе № 344 закончились занятия. В общей сложности мы проучились три месяца, потом было собрание оставшихся учеников и учителей. Из нашего класса (сорока пяти человек) осталось 10, а учителей в школе почти не осталось. Война в ту пору гремела и дымилась рядом с нашей школой, всего в 3 – 4 километрах. С крыши, на которой мы дежурили во время бомбежек, было видно, как рвутся снаряды, и где проходит линия фронта. Директор сказал короткую речь: “Девяти и десятиклассники мобилизуются в спецотряды. Будете работать под руководством полевых командиров”.

Но сначала он поговорил с нами – старшеклассниками. Глянул своими провалившимися глазами и сказал: “Мне придётся просить вас, вот о чём: кто ещё имеет силы и не брезгует, пройдите по квартирам своих учителей. Живых – ободрите, мёртвых попытайтесь вывезти на погост”.

Это был период, когда мертвецов в гробах уже не вывозили, а заворачивали в простыни или во что

придётся. На это тяжёлое мероприятие нам давалось два дня. В большинстве из 16 пройденных адресов, в открытых квартирах, в живых никого не застали. Стояли крепкие морозы, до 30 градусов. При отсутствии нормального питания и тепла выжить было трудно. Постоянные воздушные тревоги, доходившие до 12 раз в день, артобстрелы, голод довели ослабленных, потерявших веру людей до полного безразличия к борьбе за жизнь. Зашли мы на квартиру любимого учителя физики – Николая Петровича.

Лежит записка: “Нахожусь в бомбоубежище”. Двери не закрыты на замок, посреди комнаты стоит буржуйка. Все деревянные и бумажные вещи сожжены в ней уже давно. Помню, была у него целая стенка с полками, наполненными интереснейшими книгами. На кровати лежит его жена – мертвая! Что делать?

Спустились мы в бомбоубежище, а там сплошной госпиталь дистрофиков со всего дома. Кое-кто еще шевелится, собирается с ведрами и санками за водой на Неву. Ходили за ней группами, чтобы помочь друг другу. Расстояние, по тем меркам, немалое - один километр. Спрашиваем: “Есть ли здесь Николай Петрович?”

Слышим отклик слабый, но радостный: “ Я здесь! Тут я!” Смотрим на него, а узнать не можем. Перед нами стоит человек с опухшим лицом, раздутыми руками и еле шевелится. Он подумал, что с фронта пришёл его сын и принёс ему что-нибудь съедобное.

Так было – фронтовиков Ленинградского внутреннего фронта часто отпускали на день – два, чтобы повидаться со своими родными. Солдаты собирали из своего скудного пайка “подарочки” для родных. Вот Николай Петрович и ошибся.

Сразу спросил: “ А поесть у тебя что-нибудь будет?”. В бомбоубежище было темно, одна лампочка – летучая

мышь освещала измождённых людей.

Я оторопел, но полез в карман, где у меня было несколько горстей овса, достал одну полную.

Отдал. Он, пожевав немного, разглядел меня и ахнул: “Саша, это ты?” Николай Петрович хорошо знал меня, я учился с его дочерью Лидой. Костя, его сын, учился годом раньше меня. Мы с ним были лучшими спортсменами в школе. К сожалению, при всём сострадании, я не мог больше ничем ему помочь Николаю Петровичу, но обещал выполнить его просьбу - отвезти тело его жены на кладбище. Я выгреб из кармана остатки овса, при этом думая: “Как я проживу до завтра?” Обошли еще несколько квартир, но об этом расскажу позже. Вернулись мы в школу и доложили директору, что сделали, что видели. Отвернулся он, проглотил слезу и говорит: “Там вас ожидает новый начальник, идите”. Новый начальник. Мы сразу поняли, что это серьёзный работник. Подтянутый, с военной выправкой и на удивление очень упитанный – не то, что мы – недокормыши. Он, молча, вытащил какие-то бумаги, сунул нам. Из них – три листа анкета. Приказным тоном сказал: “Заполняйте”. Просмотрел наши труды, которые мы написали дрожащими руками, сложил в папку.

Сунул нам еще по одному листу, сопровождая наставлениями: “Помните, по закону военного времени наказание следует без суда”. Расскажу, что же там было написано:

“Я, такой-то, ... даю расписку в том, что ни под какими пытками и ухищрениями врагов народа, иностранных агентов и т.д. не разболтаю секрета о виденном и слышанном на оборонных работах в городе Ленинграде”. И ещё о чём-то, чем это разглашение карается.

Ко мне он обратился позже, при этом осмотрев с ног до головы.

– Живешь в Новосаратовке?

– Да.

– Ведёшь личный дневник?

– Да.

– Занимаешься фотографией? Ходил в Ленинградский дом пионеров? ...

И ещё целый ряд вопросов, на которые мог ответить только: “Да”. Я понял, что обо мне уже всё известно – кто-то доносил. После всех вопросов он сказал: “Вот тебе распоряжение, зайдешь к председателю колхоза “Красный Пахарь”, отдашь бумагу и приедешь сюда, к школе, на лошади, запряжённой в сани. И ещё привезёшь свои дневники и фотоаппарат”. Так я и сделал. Дневники, полетели в печку – буржуйку, которая стояла в кабинете директора, а фотоаппарат “Любитель” он сунул себе в сумку, сказав: “После войны заберёшь”.

Но я отдал ему только один фотоаппарат. Подарочный “Фотокор” я зажил и очень переживал, что меня разоблачат и накажут. Мы вместе с Чалым получили в колхозной кладовой спецпайк на два дня (около одного килограмма муки мне, а на Чалого овса и сена). Чалый получил больше меня. Дома запасы подходили к концу и я, из своего и Чалого пайков, отделил половину.

Как-нибудь, перебьёмся! Работали мы по темноте – секретная работа. Снабдили нас фосфоресцентной бляшкой, паролем и пропуском. Что такое фосфоресцентная бляшка? Так это очень простая без хитростей штучка. Сейчас такие “штучки” приделывают к велосипедам, на дорожные знаки, а тогда это была новинка, особенно нужная при светомаскировке.

Это была круглая металлическая брошь, примерно 80 – 100 мм в диаметре, покрытая краской. В полной темноте или при подсветке фонариком она довольно ярко светилась. Чалому тоже прицепили бляшку, но большую

в виде буквы “Т”. В штабе спецработ получили задание - вывезти трупы из домов учителей. Не без участия директора школы мы получили это задание. Подвод было у нас немного, всего четыре. На других подводах извозчиками были трое молодых, постарше меня, ребят из добровольческой Ленинградской дружины.

Грузчиками были мои одноклассники.

С таким видом работ и таким грузом никто из нас никогда дело не имел. Я с малого детства очень сильно боялся покойников. А теперь мне приходилось их видеть, не только в гробу лежащими, но и в самых невероятных позах и видах. Сидящие, полулежащие, с вытянутыми руками, широко открытыми ртами - зрелище ужасное. До начала работ (погрузки) нас встретил комендант дома и пригласил к себе: “Труд вам предстоит ответственный, тяжелый. На каждые сани грузите по 8 трупов и везите на искровское кладбище, которое находится около Веселого посёлка”.

Перед дорогой нам было положено по 100 грамм водки, норма хлеба и чай с сахаром. Вместо водки попросил 300 грамм хлеба и получил разрешения сходить в убежище.

Ещё раз хотел увидеть любимого учителя. Меня встретили с десяток голодных, выпученных глаз. На мой вопрос; “Где Николай Петрович?” - услышал еле слышный ответ: “Он получил бумагу, ушёл и больше не вернулся “. Я разделил 300 грамм хлеба, сунув каждому открытому рту щепотку, и поспешил на выход.

По пути на квартиру к учителю, я ввёл в курс дела своих одноклассников. Это был третий этаж пятиэтажного дома. Уже стемнело. Электрических фонариков не было, зажгли факел коптилки. Подъём был трудным. Лестничные площадки и сама лестница были сплошной свалкой с замёрзшими нечистотами и скользкими, как при гололедице, ступеньками.

Таковыми были все подъезды. Всё это предстояло очистить до наступления оттепели. Но в первую очередь надо убрать трупы или всё, что от них осталось.

Открыли мы дверь и ... - о ужас! Посреди комнаты, под люстрой, висит наш учитель.

Я качнулся – чуть не упал в обморок. Ребята были более крепкими после выпитой чарки, сняли его с петли и под светом коптилки вынесли учителя и его жену на сани, запряжённые Чалым. На столе мы нашли похоронку от сына и предсмертную записку: “Так дальше жить нельзя”. Видимо, с похоронкой на сына Костю Николай Петрович потерял всякую надежду на помощь. Не знаю, как его дочь. Она еще в октябре ушла санитаркой на фронт. Я со скромными вещами проводил её до медучилища, которое находилось на улице Маяковского. О дальнейшей её судьбе мне ничего не известно. Как Чалый вёл себя при первой погрузке мёртвых? Об этом стоит написать несколько строк. Конь, учуяв дух умерших, беспокойно забил копытами, забрасывая задние ноги через оглобли.

Он всеми силами пытался освободиться от саней. Пришлось его успокаивать. Вспомнил, что отец подходил, гладил холку, брал за ухо и что-то нашёптывал. Подвесил ему торбу с овсом - не стал есть.

Потом погладил его, пошептал на ухо. Стал мой любимец успокаиваться. А мои грузчики, тем временем, погрузили 8 трупов. Работа эта была не простой. Все были очень тяжёлыми и замерзшими в разных неопишуемых позах. Такой груз только ночью и возить. Как доехали - вспомнить жутко! Дороги до кладбища около двух километров, это примерно один час по темноте, с проверками пропусков и паролей. Я задумался над фразой, брошенной комендантом: “Надо же, ведь по всем квартирам прошла спецгруппа по ликвидации

и сбору документов. А вы мне принесли записку пострадавшего и похоронку”. Только по дороге на кладбище я догадался, что до нас проходил еще кто-то. Всё, что имело какую-то ценность, забиралось этим отрядом, как нам говорили, в фонд защиты Родины!

Но тут же подумал: “А кто их мог проверить и сколько прилипало к их нечистым рукам?”

Для первого спецотряда мы были просто “мусорщиками”. Вернее, нас надо считать вторым спецотрядом. Мой первый рейс, надо полагать, стал рейсом испытания на прочность. То, что я вам сейчас поведаю, никогда, никому не рассказывал. Днём на большой высоте пролетел самолёт - разведчик, так называемый “Рама”. Комендант предупредил, что возможно, опять будут бомбить район у Володарского моста. И вот, как только мы выехали на середину моста, завывла сирена воздушной тревоги. Не прошло и несколько минут, как услышали гул бомбардировщиков “Юнкерс - 88” и где-то рядом – истребитель “Мессершмит”, их постоянное сопровождение.

Мы уже давно, по звуку, научились определять, какой тип самолёта летит над нами и какой калибр орудий обстреливает город. По сигналу воздушной тревоге мы, по уставу ПВО, должны уйти в укрытие.

Но мы на мосту, и единственное укрытие для нас – уйти под лёд Невы. Стоим и с затаённым дыханием ждём, что же будет дальше? Пролетел истребитель, сбросил на парашюте осветительную ракету. Раскрылся парашют, загорелась ракета, и мы на мосту высветились лучше, чем в дневное время. Небо перечертили прожектора ПВО – ловят по звуку самолёты. Вот попался один, взяли его под перекрестные лучи. Зенитные орудия стремятся сбить осветительную ракету, медленно спускающуюся на наши головы. Мы стали прекрасной,

легкодоступной мишенью. Осколки рвущихся зенитных снарядов со свистом падают на мост. Один попал в мою повозку и впился в мертвое тело. Я, струхнув, прижался к саням. Хотел спрятаться среди покойников. Над нами пролетел бомбардировщик, сбросил на парашюте какую-то большую и, по всей видимости, тяжёлую “штуку”. Неужели бомба? Мы в шоке следим за её полетом и ждём своей гибели. Осветительная ракета потухла.

Стало темно. Буквально через несколько минут всё кругом стихло. Вдруг слышим рядом с мостом что-то, с грохотом пробив лёд, всплеснуло. Ждём взрыва, но он не последовал. Кто-то прокричал: “Скорее убирайтесь с моста”. Что мы и поторопились сделать.

Даже Чалый сам прибавил ходу. Эту бомбу обезвредили спустя 50 лет, когда начали строить новый Володарский мост. Стыдно вспомнить, но от страха мои штаны стали мокрыми, а на улице мороз под 30. К счастью всё обошлось. Пожертвовал шапкой, а голову шарфом обмотал. Все же лучше, чем с голой головой. Чалый, в это время, вёл себя как герой, видимо переживал за меня. За мостом свернули налево, где нам сказали: “Сейчас вас встретят и покажут, куда следовать дальше”.

Мы уже примерно догадались, в каком направлении будет лежать наша дорога. Это было место, где по проекту благоустройства города до войны строили два дома, в которые предполагалось вселить до 10 000 человек. Целый район! Успели построить только один, а под второй вырыли фундамент с учетом бомбоубежищ и других подземных коммуникаций. Не знаю насколько это точно, но говорили, что глубина котлована больше 10 метров, длина около 200. Судя по первому, уже построенному дому, так оно и было. Катим на санях, ждём минуты приближения места разгрузки и волнуемся. Вдруг Чалый сбавил ход, повёл головой, наострил уши

и остановился.

В чём дело? Я после всего увиденного уже пришёл в себя, и мой нос учуял запах жареного мяса и ещё какой-то неживой, царящий в воздухе, человеческий дух.

Возчик сзади крикнул:

– Чего встал, приехали, аль нет?

– Нет. Конь не хочет идти дальше,

С трудом уговорил Чалого. Подъехали к каким-то штабелям, в темноте сразу не разберешь. Вокруг котлована были сложены рядами трупы. Наши сани начали разгружать, спросив при этом:

– Свеженькие?

– А кто их знает?

– Гм, ну да ладно, разберёмся.

Стариков складывали в одну кучу, детей и молодых в другие. Таких молодых было очень мало, и в большей части они были обезображены – у них были вырезаны мягкие части тела. Эта сортировка меня обескуражила. Я испугался, как бы ни отложили в маленькую кучу Николая Петровича. Обошлось. Его бросили к старикам. Закончив работу, грузчики пригласили нас ... на шашлык!? Не так далеко от нас горели маленькие костры, около них ютились живые люди. Я сказал, что они нарушают светомаскировку.

– Ну и что? – вот только сейчас был налет.

Мы попрятались, а по кучам, сколько хочешь стреляй.

Второй раз не убьёшь. Подошли мы к одному из костров, а там охрана на вертелах что-то жарит.

– Кониная? – спрашиваю.

– Если отдашь своего жеребца, то будет и конина, а пока – вон с тех малых куч. Меня начало тошнить, стало дурно, да и забеспокоился я за своего Чалого и постарался скорее уехать из этого ада.

Хорошо, что обоз сопровождал вооруженный

красноармеец. Сдали мы своих лошадей под охрану около комендатуры, а сами разошлись на ночлег. Красноармеец, тоже из спецотряда, рассказал, что в это время уложили еще пять рядов, и пришёл приказ больше туда не хоронить. Ночевал я у своей тётки по матери.

Тётя Лиза сразу заметила, что со мной творится что-то неладное, сильно пахнет мочой. Принесла мне нижнее бельё своего мужа, (он служил в Трудармии) и велела переодеться. Она долго пыталась меня: “Что же это произошло, Саша, что с тобой приключилось?”.

Я упорно и долго не отвечал, но потом рассказал про случай на мосту, а о том, что в карьере ни-ни – секрет.

Она меня утешала, как могла, сказав при этом: “Ну что ж, с кем не бывает?” После первой ночной работы мне стало немного легче. Мы адаптировались к обстановке и выполняли рейсы с меньшими эмоциональными всплесками, да и работёнки добавлялось с каждым днём все больше и больше. Теперь трупы уже не выносили, а выбрасывали прямо из окон, как мусор. Многих приходилось откалывать от пола, выкапывать из мостовых, очень много было так называемых “подснежников” – закопанных в сугробы. Работа эта была невероятно тяжёлая, без спецпитания практически не выполнимая для оставшихся голодных людей. Раньше я думал, что эти работы выполняли солдаты спецотрядов, пристроенные к высшему эшелону, как более безопасное место службы. На передовой, где стреляли и убивали в упор, было страшней. Обо всём этом говорил их холёный вид, упитанность и брезгливое отношение к нам. Вывезти такую массу трупов до наступления оттепели, по подсчетам руководства, было невозможно.

Подключили нам в помощь фронтные машины. А мы с Чалым начали работать как тягловая сила, запряжённая в трамвайную платформу. Две лошади тянули

загружённую трупами платформу. С десяток человек по бокам помогали тронуться с места и разогнать ее. Нас уже не пугали как раньше, ни бомбежки, ни артобстрелы. Всё это стало обыденным. А свою ответственную, очень важную работу мы выполняли на совесть. Знали – если очистим город, избежим эпидемии, а иначе все погибнут. Удивительно, но кроме дистрофии, никто ничем не болел. Правда, вши нас ели хуже клопов. Они даже на мертвецах, учуяв тепло, оживали. Работы по захоронению в котловане закончились.

Последние два метра должны были засыпать землей. Но трупы лежали ещё по краям ямы. Вот с этих штабелей мы с Чалым возили трупы на захоронение в противотанковые рвы в Уткину заводь. Может эти люди, чьи трупы мы вывозили, тогда, в 1941 году, и рыли эти самые рвы, которые сейчас стали их последним пристанищем. У нас, возчиков, без чьих-либо подсказок, было принято - разгрузим свою “поклажу”, снимем шапку, постоим минутку молча. Противотанковые рвы были вырыты для обороны Ленинграда от финнов. Начинались они от новосаратовской кирхи, шли через поля Веселого поселка до трамвайного пути из Ленинграда. Начало войны изобиловало мощной агитационной компанией со стороны финнов – фашистов. Сбрасывали листовки, в которых призывали к выступлениям против советской власти. Почему-то запомнились пропуска для перехода линии фронта вот такого содержания:

**Ленинградские дамочки – копайте ямочки,
Через ваши ямочки перейдут наши тапочки!
Бей жида – комдива – переходи к нам пить пиво!**

И ещё много разного “фольклора” сыпалось с неба

на наши головы. У меня была целая коллекция таких бумажек, но всё это пришлось уничтожить, сами понимаете почему.

Но была еще одна листовка, которая оказалась вещей:

Ленинградские дамочки не копайте себе ямочки.

И вот мы с Чалым везём этих “дамочек” в эти “ямочки”, глубиной и шириной по 6 м. и общей длиной 15 километров. В конечном итоге рвы были заполнены, как говорится, доверху. Место перевозки нам изменили. С кладбища посёлка Веселое, где еще оставались трупы людей, да и с других кладбищ трупы начали возить на всех видах транспорта через Неву и нашу Новосаратовку к печам кирпичного завода. Такие дальние, изматывающие рейсы, примерно 7 километров, Чалому были уже не под силу (мы же делились своими пайками), и его, как дистрофика, поставили на прикол. Трупы уже больше не хоронили в братских могилах, а сжигали в печах завода.

Блокадный город. Пишу об этом, после того как получил памятную медаль “В честь 60-летия полного освобождения Ленинграда от фашистской блокады” и после постепенного исчезновения страха, что можешь быть наказан за правду, о которой советский человек не должен распространяться. Наказание не заставляло себя долго ждать, оно могло прийти не только от блюстителей закона, но и от окружающих тебя товарищей – “патриотов”. Это был мрачный отрезок времени в нашей истории. Война лишила нас последней свободы – это думать и слышать что-либо правдивое и смотреть с сочувствием на человеческие страдания. Подсознательно нам хотелось знать, почему так получилось после

того, как были уничтожены все враги народа, кулаки, вредители и т.д. Но законы военного времени были очень суровыми для нас, простых смертных.

Подумаешь вслух – ты шпион, болтун, враг народа – наказание расстрел без суда и следствия. Несмотря на строжайший режим запрета, память до сих пор оставила картинки тех дней недостойного человеческого поведения. На это мы смотрим теперь раскованно, без страха, обдумывая содеянное нами в то нелёгкое время.

С наступлением холодов всё быстрее иссякали запасы продуктов. Исчезла былая надежда на скорый перелом в войне. В октябре вокруг города полыхали горящие деревни, ночь непрерывно освещалась ракетами и артиллерийскими залпами.

Всё чаще в перестрелку вступала корабли, которые стояли на Неве, один из них недалеко от нашего дома.

К этому мы быстро привыкли и уже не обращали внимания на ночные канонады и спали как при обычном уличном шуме. Однажды мы проснулись от холода. Спали все в одной комнате на полу, берегли топливо.

Когда встали, то увидели, что осколок разорвавшегося снаряда разбил окно, влетел в комнату, пробил шкаф из красного дерева и разодрал перину, которой мы накрывались. От легкого сквозняка в воздухе витали перья. Заделав вернее заткнув, окно, как ничего не бывало, мы легли спать. Только утром разобрались, что произошло не самое худшее – все живы и здоровы.

Буквально за 3 – 4 месяца, стали совсем другими. Мы попали в такую обстановку, которая оставила от нас только внешнюю, похудевшую форму. Люди перестали видеть то, мимо чего раньше не прошли бы, перестали слышать чужую беду. Исчезло сострадание к ближнему. Голод делал свою страшную, разрушительную работу в наших душах. Сейчас, когда об этом пишу, удивляюсь,

задаю себе вопрос: ” Неужели это был я”. О многом, даже сейчас, стыдно писать, но это был я, в то время, в тех условиях. При откровенных разговорах с другими людьми, которые испытали голод, я понял, что в тех условиях они ощущали такие же отступления от обычных человеческих норм. Попытаюсь это описать на основе виденного и пережитого. Первое время, на хлебозовки случались набеги. В один миг опустошались фургоны. Позднее хлеб стали развозить с вооружённой охраной. После нескольких расстрелов, нападения сократились. Когда съели лошадей, хлеб стали развозить сами люди, впрягаясь в повозки. В ожидании 125 грамм хлеба, состоявшего из разных полусъедобных продуктов, многие, не дождавшись, замерзали в очередях. Тогда, во время дежурства, убирали окоченевших около магазинов. Не было случаев, чтобы у мертвеца находили продуктовые карточки. Дело в том, что мы тоже были бы рады найти такую драгоценность у усопшего.

Документы мы находили у каждого. Большинство выжило за счёт усопших сограждан, родных и неродных. Если у кого украли карточки, то считай, что ты уже покойник. Карманников и воров развелось больше чем в мирное время. Их не останавливало жестокое наказание или самосуд толпы. Из наших друзей детства за воровство были расстреляны двое: наш сосед по дому Колька Пышный и Адька, по прозвищу Шалапин. Этих двоих знал близко. О том, что они были нечистыми на руку, мы только догадывались. Началась война, вся нечисть обнаглела, вылезла на поверхность и начала борьбу за жизнь своими методами.

Они умело приспособивались, обходили все строгости военного времени. Воровали всё и конечно, в основном, брали то, что можно было потреблять в пищу. Это были: кожа, шкуры, клей столярный, клей казеиновый, горчица,

макуха (отходы при производстве растительного масла), патока формовочная и многое другое, что я не пробовал. Мастальги с бойни были самым ценным продуктом – их варили до бесконечности.

В городе до войны, было очень много голубей и воробьёв, особенно около мелькомбината. Не знаю, за какой срок (месяц – полтора), но к 1942 году, ни голубей, ни воробьёв, ни собак и кошек уже не встречал.

Их ловили в петли, сетями и другими средствами. Кто умел это делать получил шанс отодвинуть голодную смерть. Эти люди активно приспособлялись и хватались за малейший шанс добыть им материал для желудка. Самые счастливые минуты в нашем существовании был приём пищи. Это были моменты, когда мозг работал в полной гармонии с пищеварительным трактом.

Какой бы отвратительной не была пища, вроде горчичных блинов, клеевого холодца, жмыха заваренного и т.п., все принималось желудком без отвращения. Удивительное состояние человека при голоде – всегда хочется есть, и никак не можешь накушаться. Говорят о патриотическом подвиге блокадников Ленинграда, отстоявших город. На себе такого подвига не чувствовал. Всю блокадную зиму 1941 – 1942 года мы героически боролись за выживание. Кто и как боролся – это уже другой вопрос. Информация мозгами принималась только та, которая могла бы дать облегчение потребностям желудка, остальная отступала на второй план и поэтому плохо запоминалась. Я даже не могу вспомнить, как вели себя мои сёстры, братья и родители. Если что и вспоминается, то с большим трудом.

Каждый из нас был поглощён своими проблемами и замкнут сам на себе и немножко на семейной ячейке, которая обеспечивала добычу к столу. И ещё, нас

заставлял думать о семейном очаге холод, только вместе можно было согреться, добыть топливо.

Какими мы были? Помню, голоса у всех утихшие, лица бледные с мутными равнодушными глазами. Равнодушные ко всему происходившему на свете, реагируя без эмоций. Наши чувства отключились. Оживляли только случайные добрые вести – это о том, что через Ладогу начали завозить продукты, вывозить первые эшелоны с Ленинградскими детьми на большую землю. Появились надежды и для нас. И новости о наступлении Красной армии под Москвой.

Вся информация содержалась в листках Информбюро. Ни газет, ни радио не существовало. Почтовой связи практически не было. Писать о событиях уже минувших – значит понимать их совсем не так как прежде, т.е. когда они совершались. События, предшествовавшие полной блокаде, на примере нашей Новосаратовки, развивались примерно так. Вывозилось из Ленинграда всё, что может при захвате города, кормить и снабжать вражескую армию. Как мы теперь уже знаем, был план сдачи города. Но события развивались так быстро, что вся эта медленно передвигающаяся масса скота и техники была перехвачена на ближних подступах к городу. Сопровождающие бежали из-под самого носа немцев, бросив всё что, имел колхоз. Осталось лишь несколько лошадей. Оставшиеся в колхозе продукты были переданы в распоряжение спецорганизаций.

В результате запасы сельхозпродуктов были вывезены из области. Громадная армия беженцев и Красная армия быстро доедали остатки. Первыми пострадали сельчане – колхозники. На трудодни ничего натуроплатой не получили. Потом они сдали из приусадебного хозяйства картошку в фонд фронта. Позднее сдали всю живность. Оставили по одному килограмму картошки на человека.

Всё это съели за один – полтора месяца.

Мы начали заниматься поиском пищевых продуктов и способов борьбы за свою жизнь. Надо отдать должное отцу, испытавшему на своей шкуре, не одну голодовку.

Он имел жизненный опыт выживания в экстремальных условиях. У нас квартировали солдаты, которые иногда давали нам, опухшим от голода, сухарик или еще что-либо съедобное. Им приходилось тоже нелегко – паёк их был более чем скудный. Борьба за выживание заставляла нас вести внутреннюю борьбу с неуверенностью и беспомощностью. Отец, работавший конюхом, расхрабрился и начал обделять лошадей.

Он стал приносить домой овёс, из которого пекли лепёшки. Не ободранный овёс замачивали, пропускали через мясорубку и пекли вместе с шелухой. От таких лепёшек повреждался кишечник. В туалет ходили с кровью. Но овсяная благодать быстро кончилась.

Я начал ходить на старые соломенные скирды и, разрывая их, искал мышинные гнезда с запасами.

Но они были крохотными. Больше везло при поиске капустных кочерыжек. Они шли в супы и другие кухонные хитрости.

(1992 г. Весна, поля только оттаяли. Вся моя семья собирает прошлогоднюю капусту на полях у п. Пери. Это в Ленобласти. После очистки от созревших листьев остаётся крохотный кочешок, хоть в салат, хоть в щи. Он очень вкусный.

В это время случайно видел разгрузку огромного осетра в столовую Смольного. Экскурсовод что-то рассказывает об истории Октябрьской революции, а я никак не могу отвести глаза от такой большой и вкусной еды.

Спасибо партии родной за воспоминания об этих голодных временах – Составитель).

Собаку и кошку успели съесть сами. Наступили

январские морозы, и добыть что-либо стало намного трудней. Некоторые сельчане с малым числом едоков готовились к наступающему голоду заблаговременно. Они, несмотря на жёсткий контроль, припрятали продукты и не голодали до самой эвакуации.

Как везде во время беды люди начали хватать, растаскивать все, что плохо лежит. Это мог делать не каждый. Не каждому было что прятать, не у каждого был свой огород. Запасы делали и городские жители.

Рядовые были быстро разоблачены как вредители. Таким образом, быстро выделялись делеги и чиновники, умудрявшиеся хранить наворованное в госзакромах. Последние делали свой бизнес на голодающих и умирающих. На базаре можно было что угодно обменять на съедобные продукты. Меняли продукты на книги, золото, антиквариат, драгоценности.

Рынок в Щемиловке. В десятом классе (осень 1941 года) нас заставили сдать, тех, кто пишет, дневники и фотоаппараты. Обстановка была нервная.

Я с другом был дружинником, и нам приходилось выполнять работу по оцеплению стихийного рынка в районе Щемиловки, возле Фарфоровского кладбища. Там образовался стихийный рынок. Люди несли из дома ценные вещи для обмена на продукты. Деньги были не входу т.к. ходили слухи о сдаче города, да и не платили уже зарплату на заводах деньгами. Милиция проводила облаву и конфисковывала все ценности в фонд обороны.

Уже проходили бомбежки, и процветало мародёрство на разрушенных домах. Пострадали Бадаевские склады, но урон от бомбёжки был сравнительно не большой. Дальше действовали мародёры, в условиях паники и беспорядка, растащившие запасы. И я ходил туда в попытке найти что-нибудь съедобного.

(Даже неверно будет называть жителей Ленинграда мародёрами в условиях начавшейся блокады, дезорганизации управления и остановившейся поставки продовольствия – Составитель).

На те 125 – 250 грамм блокадного хлеба выжить было не возможно. Люди на таком пайке замерзали, не достоявшись в очереди. Выживали те, кто работал и питался на заводах и у кого солдат был на Ленинградском фронте. Фронтвики делились солдатским пайком с родными. Легенда о блокадных 125 граммах это упрощённый вариант событий для пропаганды.

На Фарфоровское кладбище свозили умерших с ближайших кварталов. Речи о захоронении быть не могло – уже настала зима и земля промёрзла.

Гробы просто оставляли. Были растащены на топливо все деревянные кресты. Затем в ход пошли гробы. Мы ставили гроб вертикально и вытряхивали покойника. Образовалась большая “толпа”, прислонённая сначала к надгробию, а затем уже и друг к другу.

(Конечно, весной 1942 года погибших захоронили, но скорее всего на правом берегу Невы, на нынешнем мемориальном кладбище на Дальневосточном проспекте. Копать могилу для массового захоронения было проблематично, а там использовалась яма, вырытая под фундамент здания ещё до войны. Использовался и противотанковый ров, огибающий город от Новосаратовки с севера - Составитель).

Блокадная вода. Зимой 1941 – 42 года блокадники из района Щемиловка и Куракина дача ходили за водой на пруд в парк «Куракина дача». *(Этот небольшой пруд сохранился и является остатком древней речки, некогда впадавшей в Неву в этом месте – Составитель).*

С крутого берега на Неву в этом месте спуститься было

трудно. Глинистая почва и высокий склон делали забор воды невозможным. И воду не набирали – это было неудобно, расплескаешь воду пока донесёшь.

Старались добывать лёд – его и несли домой в любой подходящей таре.

В память о новосаратовцах. Наступила зима.

В Новосаратовке умерших не возили на кладбище – места не было, да и не выкопаешь могилу в мерзлоте и на голодный желудок. Трупы на саночках свозили на скотный двор в надежде заняться похоронами весной.

Когда поступил приказ об эвакуации, люди стали возмущаться: “Мы не поедем пока не захороним родных!” За два дня до отъезда, мы свезли всех умерших и умирающих в этот скотный двор. И подожгли! Всё! Похороны на этом закончились.

(Экстремальная, быстро меняющаяся обстановка, холод и голод заставляют принимать быстрое и единственно верное решение, направленное на одну цель – выжить. Ошибся - ты и твои близкие покойники.

Это может быть жестокое решение в жёстких условиях. Это хорошо видно сибирякам на примере приехавших в гости москвичей. Сибирские мужики привыкли - думай и делай быстро, иначе замёрзнешь.

А “москали слегка тормозят” и часто принимают неверное решение – Составитель).

Торф и ров. С началом зимы, примерно с полмесяца ходили на станцию Нева и набирали брикетированного торфа для печки. Никто нас не ограничивал. Торф был предназначен для 5-ой ГЭС. У новосаратовцев были свои участки для заготовки, вместо дров, торфа. На зиму заготавливали по несколько возов на хозяйство.

Это было удобно – печь, загруженная торфом,

грела всю ночь. Но осенью 1941 года был прорыт противотанковый ров от Новосаратовки на северо-запад вокруг Ленинграда.

(*Этот ров можно проследить и в настоящее время на космических снимках – Составитель*). Из-за рва новосаратовцы не смогли добираться до торфяных залежей, и посёлок остался без топлива. Нам помогали поставленные на постой солдаты, их было человек 20. Спали на полу, застеленном соломой, вместе с нами – по очереди. Солдаты приходили с передовой на отдых.

Дядя Коля. Наши родные и близкие горожане начали все чаще приезжать к нам. Скучный паёк, выдаваемый по карточкам, в ноябре – декабре стал иссякать. Всё чаще возникали перебои с отовариванием карточек. Общее истощение и холод заставляли ноги искать всё, что можно для брюха. Вся живность домашнего хозяйства, включая собак и кошек, новосаратовцами была уже съедена.

С родными стали делиться тем, что не успели съесть коровы и птица, а это жмых, турнепс, капустные кочерыжки, остатки картофеля на полях. Пришло время охоты на голубей и ворон. Силки делали из лошадиных хвостов и грив. Приманку для ловушек находили в бывших городских свалках или на остатках сгоревших Бадаевских складов. Наши лошади, в том числе и мой Чалый, были острижены. Голубей ловили в основном на элеваторе, где они привыкли кормиться. Охота велась так активно, что их первыми вывели из числа животных Ленинграда. Остались лишь мелкая птица и крысы. На переработку из не съедобного в съедобное пошло всё возможное. Клей столярный, олифа, патока формовочная, декстрин, кожа разных выделок, кости и костная мука из мыловаренного завода и ещё многое другое, вплоть до мха из невских болот, почек и коры деревьев. Солдаты

Ленинградского фронта делились со своими родными скудными солдатскими пайками. Рабочие на заводах жили на казарменном положении и получали дополнительный поёк. К нам пришёл наш родственник – дядя Коля. Он был лучший ловец голубей, а так же самым информированным среди нас, так как работал гравёром – корректором в газете «Ленинградская правда».

Его рассказы, об ошибках при наборе текста, были очень интересны, и мы их слушали всей семьей. В этот день мы ему помочь уже ничем не могли. Последние запасы были уже на пределе. «И на том спасибо» – сказал он и ушёл домой. Последний рассказ о ещё живом Чалом.

Очень мне хотелось сохранить его, спрятать в землю и засыпать песком, как коней с Аничкова моста, или других коней - памятников. Было мало надежды на то, что его не заберут на корм солдатам фронтовые снабженцы.

Не хотелось мне ещё раз увидеть, как безжалостно люди разделяют ещё животрепещущую тушу. Как сейчас вижу эту жуткую картину. Хочешь спросить: “ Это про Чалого”? Нет не про него. Про другого коня, которого тоже любили и у которого, был хозяин.

15 октября 1941 года (мне было 18 лет) начались учебные занятия в школе №344, куда нас перевели из школы с. Рыбацкое. До неё мы добирались пешком километров 7 от Новосаратовки по Володарскому мосту и до Шемиловки. На Неве в это время стояли боевые корабли, которые вели огонь по вражеским позициям из крупнокалиберных корабельных орудий.

Шли вчетвером. Я, Адик, Ольга и Эрн. Неожиданно мы услышали свист и разрывы снарядов. Успели укрыться в кювете рядом с дорогой. У нас трясутся руки и ноги. Взрыв! Комки земли и еще что-то теплое присыпало нас, лежим, боясь шевельнуться. Ждём окончания обстрела. Знаем, как правило, начала перестрелки – это три

пристрелочных снаряда, а затем начинается артобстрел. Немцы целились в корабли на Неве, но после ответного огня из корабельных орудий прекратили стрельбу. Случилось так, что немецкий снаряд попал в повозку, минуту назад проехавшую мимо нас. Когда мы подняли головы, отряхнулись от снега и еще какой-то грязи, увидели – лежит солдат, убитый осколком снаряда. На него, обгаренного кровью, никто внимания не обращал. Позже его подобрала санитары пропускного пункта. А ещё живого коня разделяют люди, невесть откуда слетевшиеся как саранча. Тащили вместе со шкурой ещё кровоточащие куски мяса с дергающимися мышцами.

Последним достался окровавленный снег и случайные обрубки. Всё это произошло за считанные минуты. Такую бойню я увидел впервые. Инстинкт самосохранения был сильнее, чем товарищество и взаимовыручка, чему нас постоянно учили. Всю оставшуюся дорогу мы шли молча, без обмена впечатлениями о случившемся. Лежать под обстрелом, увидеть и прочувствовать страх, смерть и борьбу за выживание, было для нас слишком большой психологической нагрузкой. Так вот, видеть еще раз, как будут разделять живую лошадь, только на этот раз моего Чалого, мне не хотелось – и, слава богу, не пришлось. Прошло более 40 лет. Я ушёл на пенсию, переселился на Украину, в село Балки Запорожской области. От брата из Ярославля получил адрес троюродного брата Адольфа, с которым провёл всё детство, да и учились в одном классе. Решил к нему съездить (он проживал рядом, в городе Орджоникидзе Днепропетровской области).

Встреча была незабываемой! Повспоминали мы обо всём, даже о том, о чём казалось, и помнить невозможно, вспомнили и Чалого. И тут – вот неожиданность!

На Чалом Адольф 18 марта 1942 года перевозил свои вещи из Новосаратовки на ж/д станцию “Нева”, где мы грузились в вагоны.

– А как потом Чалый? – Спрашиваю я.

– За мной всю дорогу шли, чтобы после разгрузки забрать лошадь. А что делать? Не эти знакомые, так другие приберут его на мясо. Брату Адаму я написал свою просьбу: “ На Новый 1997 год вспомни о жеребце, выпейте за его былые подвиги и самопожертвование на благо выживания Ленинградцев - блокадников”
Получил письмо:

“После разгрузки Чалого, отпустили домой без сопровождения. Наверняка его по дороге в Новосаратовку подбирали и использовали как продукт для выживания жителей Ленинграда”.

Сестра Тереза 1914 года рождения.

Она у нас старшая в семье и ей больше всех досталось, пока мы все подрастали. Даже школу ей не дали закончить. Проучилась только 4 года в церковно-приходской школе. Замуж она вышла позже всех сестёр. Муж её Егор Роо в начале ВОВ был мобилизован в Трудармию. Тереза работала на заводе “Большевик”, и у них успело народиться двое детей - Маня и Адик. Жили они в Новосаратовке через 4 дома от нас. Помню, что мать страшно не хотела что бы Тереза вышла замуж за Егора. Даже на свадьбу, которую организовала молодёжь, она не пошла. Эвакуировались мы все в один день.

Сестра Эля 1917 года рождения.

Эля в нашей семье была самой эрудированной из сестёр. Она, своим целеустремлённым характером сумела закончить обязательную в то время 9 летку.

Училась она в русской школе. Немецкой школы тогда не было. Она стала для меня примером для подражания. После окончания школы она, с подружкой Ирмой Ладе, пошла работать на 5-ю ГЭС. Работала крановщицей по подъёму вагонов на загрузку в топки. Домой они ходили пешком, но это при сменной работе ночью было не всегда безопасно. Я ходил их встречать и вроде как охранял от хулиганов. Девушкам было ещё лет 17 – 18.

Спустя два или три года Ирма поступила учиться в техникум Нефтехимии в Ленинграде. В 1936 – 37 году Эля вышла замуж за младшего лейтенанта Горячева Михаила и, спустя какое-то время, уехала с мужем на Кавказ. В начале войны я писал ей в патриотическом стиле, дальнейшие письма были уже менее патриотические, а последние заставляли плакать жён офицеров и сострадать нам, пока мы не эвакуировались. Помню, что писал письма в теплушке и отсылал их со станций, на которых останавливались на кормёжку и санобработку. Горячев Михаил в это время стоял в Иране с гаубичным полком.

Брат Володя 1931 года рождения.

Нянчиться с Володей приходилось в основном мне. Он был малоподвижным и вечно в слезах малышом. Волосы были светло-русые, ноги колесом. Брат Абрам, при любом удобном случае – если меня не было рядом, пинал и гонял его от себя. Володе было интересно наблюдать, или трогать вещи Абрама разложенные для рисования. Он всю жизнь помнил, кто был его нянькой и защитником. Володя учился в шестом классе, когда началась война. Странно, но я очень плохо помню семейные отношения в период блокады. Полная апатия обессиленных людей не оставила отпечатка в памяти. В семье замечалась повышенная нервозность,

сменяющаяся полным равнодушием. Каждый из нас уходил полностью в себя. Мы только внешне держались спокойно, чувствуя свою безысходность.

Каждый внутренне боролся за своё выживание. Помню, что Володя всю дорогу из дома до Ладожского озера держался рядом со мной, боялся потерять меня из виду. Эта привязанность сохранилась между нами навсегда.

Дорога в эвакуацию и годы в Сибири.

Объявили, что 18 марта нас эвакуируют. Мы заготавливали дрова в Невском лесопарке для крематория в верхней колонии Новосаратовки.

С ленинградского фронта срочно отзывали немцев – колонистов. Также поступили с немцами, работавшими на заводах Ленинграда. На ладожской переправе работали и новосаратовцы. Родственники, которые пришли к ним на свидание, не застали их на месте. Когда они вернулись домой, то узнали, что трудармейцев направили в Кобону. А конный обоз из п. Ваганово вернулся в Новосаратовку для эвакуации колонистов. Нам объявили: – На сборы 24 часа, багаж – 50 кг. на человека. Подписали мешки с вещами, одели всё тёплое, что нашлось, ждём подводы. Были проблемы с не захороненными телами, которые временно хранились на скотном дворе и на территории кладбища. Все тела внесли в скотный двор и сожгли вместе с постройками. Дома и оставшееся имущество передавалось жителям, которые не являлись немцами и не подлежали эвакуации. Больным обещали медицинскую помощь в Ваганово и Кобона. Поступила команда на эвакуацию.

(Считаю необходимым поместить в книгу и второй вариант этого фрагмента с новыми деталями – Составитель)

Эвакуация за 24 часа. Эту весть нам принёс лесничий, когда мы пришли утром, на участок лесоповала и заготовки метровых швырковых (от слова швырять) дров. Наша бригада молодых ребят и девчат, вот уже неделю заготавливала дрова для кирпичного завода «Красная заря». Там на полном ходу работал крематорий, в Гофмановских (для обжига кирпичей) печах. Нам выдали талоны на хлеб и еще дополнительные талоны, тоже на хлеб. Лесничий, тоже был немцем, из Овчинской колонии. Подозвав меня, предупредил: “Только ты знаешь, какие мы обжигаем “кирпичи”. За разглашение секретных сведений, сам знаешь, что бывает?! Помни всегда про подписку о неразглашении”. Я помнил! На сборы дали 24 часа.

На одного человека, разрешали брать не более 50 кг. вещей. До станции “Нева” (Веселый поселок), нас должны везти на оставшихся санных подводах. Мне предстояло сделать пробежку в город, к сестре с племянником. Пока посещал школу №344, к сестре забегал часто. Приносил им часть своих продуктов – овес, жмых, отсев, т.е. то, что было заготовлено в колхозе для скота, и что выдавалось голодающим колхозникам. Мои приходы очень радовали их. В такие дни, я с кладбища, привозил им дровишек, предварительно вытряхнув содержимое из гроба.

Трупы навалом вывозились на захоронение, в отведенные для этого места, или на кирпичный завод. Гробов было столько, что ни одно кладбище не могло выдержать этого нашествия. Эта работа, выполнялась, по распоряжению вышестоящих органов.

Ради дров и тепла, в доме, люди, без особого принуждения выполняли её. Дрова рубили и заносили в избу – в деревянный, многоквартирный барак. Мужчины, непризывного возраста, к этому времени

(декабрь – январь) все вымерли. Женщины и дети, не успевшие эвакуироваться, оставались доживать в городе. Работая в лесу, я заготавливал, для нашей семьи, по наставлению отца, заболонь коры сосны, почки еловых шишек. С этими дарами леса, свекровь сестры Эльзы, умела готовить отвар. Сестра Эрна работала тогда на заводе им. Ленина. Мой последний приезд, с пустыми санками, не обрадовал их. Что случилось? – Спросили они. Я коротко объяснил. Эрна, в этот день как раз была освобождена. Лёня, сын Эрны, 3-х лет от роду, умел говорить только одно слово: “Есть!” Сестре хватило одного часа для сбора. Я с удивлением рассматривал комнату без обоев. Они пропустили их через мясорубку и съели! Да в пропорциях кулинарии, мы в полной мере познали толк! Привязали Лёню к санкам, и двинулись в путь, в Новосаратовку. Племянник, съездившись от холода, лежал почти без движения. Эрна накрыла его, чем нашла, часто наклонялась к нему – растирала щёчки и грела ручки.

Нас ждали с нетерпением. Надо было упаковаться старшей сестре. У неё были Маня 5-ти лет и грудной Адик. Все мужчины – в Трудармии с самого начала войны. Мы с Абрамом, 4 женщины с детьми – всего нас набралось 10 родственников. Мы за всех в ответе и 500 кг. тюков легли на наши плечи. Истощены, но не сдаёмся! День эвакуации пришёлся на 18 марта 1942 года.

Силы непонятно откуда взялись, вдохновение от радости, что уезжаем на большую землю! За день, и в день эвакуации мы “похоронили” – отвезли на скотный двор колхоза сестру отца, свекровь старшей сестры.

Там, все привезённые трупы складывали, а затем сжигали, после нашего отъезда. Трупов там было несколько сот. При посадке в вагоны, сестра Тереза замешкалась, решила ещё раз посмотреть на своего

сына – пощупала, потрясла, но тщетно – жизни в его маленьком истощённом тельце уже не было.

Что делать? К составу подгонялся паровоз. Быстро выкопали в сугробе ямку, положили безжизненное тельце, засыпали снегом. Рядом такие же, чуть больше холмики – это похоронили ещё двух стариков. Набились мы, по 50 человек, в теплушки без печек, и через несколько минут отправились к Ладожскому озеру.

Прощай на долгие годы, а может и навсегда, наша маленькая Родина! – Нева, Новосаратовка, кирха, школа, наше детство. Мы в пути. Почти экстремальные условия, но это ничего – мы привыкнем.

Лишь бы подальше от бомбёжек, голода, смерти. Впервые, за долгие, мучительно холодные зимние месяцы, нас накормили горячей едой. Уже и не припомню, что именно мы ели, но был настоящий хлеб и каша – это запомнил. Дистрофиков пришлось отправить в госпиталь, который был организован в п. Ваганово.

К сожалению, такая резкая перемена, в приёме “обильной” пищи стали причиной нестерпимой боли в желудке у многих эвакуированных. Мы с Абрамом разгрузили багаж и, согрвшись, ждали новую команду. Через некоторое время погрузились в машины, и поехали через Ладогу. Машины, с той стороны пришли с грузом. Их быстро разгрузили, и сразу началась посадка.

Отца с матерью и сестёр с детишками накрыли одеялами с головой, да и сами накрылись, ветер холодный, колючий. Изредка по дороге выглядывали, чтобы посмотреть, по какой едем дороге. Под колёсами шипела весенняя вода, и нам чудилось, что мы едем на лодке. Отдельные посты, зенитные установки, мелькавшие перед глазами, успокаивали нашу тревогу. Промёрзли, как говорится, до костей. Нас согревала теплившаяся надежда – накормят нас в п. Кобона,

или придётся только мечтать? Случилось то, чего мы никак не ожидали. Нас встретили с сочувствием жители посёлка, помогли разгрузиться, отвели в тёплые помещения и начали кормить. Горячие щи с мясом, хлеб, чай! Мы согрелись от тепла и еды.

Понемногу стали приходиться в себя. Люди заговорили. Казалось, что мы перебрались в другой мир, начали проявлять заботу друг о друге. Нам выдали по буханке хлеба. Это было лучшим знаком внимания, к людям с того берега. На переправе нас не бомбили и не обстреливали, машины не проваливались с пассажирами под лёд – в этом нам повезло?! Сытный ужин для некоторых стал последним. Люди, истощённые и изголодавшиеся, покидали сей мир – но наевшись!

Все, выданные нам булки, отец прибрал в мешок. На станции, где производилась посадка в теплушки, мы купили корзину клюквы. Отец предупредил, что отныне, в пути, пищу будем принимать только по его указу, по малым порциям. В вагон, нам поставили печурку, на которой поджаривали маленькие кусочки хлеба, и горсть клюквы. Около месяца нашим домом стали теплушки на колёсах. Спали сидя по очереди, прижавшись к своим мешкам с вещами. Привилегия была только у детей и стариков – тёплые места были наверху, под крышей вагона, там они и спали. А набито нас в вагоны было как в час пик в полном трамвае. Состав шёл в основном в ночное время. Днём загоняли в тупик, где производился опрос: ” Больные есть? Трупы?” И дальше всё делалось, как положено. Больных в лазарет, трупы в последний вагон, до места, где можно будет сделать захоронение. Наши составы, из-за перегрузок дороги останавливались вдалеке от станций. О гигиене нам приходилось только мечтать. Мы на колёсах. Нет ни мыла, ни условий для стирки. Вши стали нашими главными врагами.

Самой большой радостью в пути, для нас всех, были дни санобработки и бани. Этот день состав стоял, а мы чистые, обработанные от вшей, гуляли по местности, в которой находились в данный момент.

Иногда нас кормили в вокзальных ресторанах ж/д станций – галушками, щами, и т.п. Дорожные заботы, по выживанию семьи, не оставляли время для скуки. Мы распределяли обязанности – кому готовить, кому уголь воровать с составов с углём, кому доставать кипятки, кому идти на базар, около станции, кому что продать или обменять, на что-либо съедобное. Жители сибирских городов, к нам, эвакуированным из Ленинграда, относились доброжелательно и сочувственно. Обмены и покупки проходили без обмана, ради наживы и с довесками сверх оговорённой цены.

На базаре можно было купить мёд, квашеную капусту, курятину, яйца и ещё незнакомую, целительную черемшу. Её мы попробовали и остались довольны – солёный чеснок. В дальнейшем она спасла многим людям жизнь, вылечила, предохранила от болезней.

Мы ещё до конца не могли оглянуться назад, спросить себя – что это было в обречённом на вымирание городе? Никто тогда не знал, куда нас везут и что нас эвакуируют не временно, до окончания войны, а надолго. А пока мы с нетерпением ждём перевала через Урал, и хотим увидеть столб на границе Европы и Азии. Ждали долго, а когда промелькнул столб, даже разочаровались – ждали большего – а чего никто и не знал. И все же чувство подсознательно подсказывало, что Сибирь это наказание. Ею пугали кулаков, подкулачников, единоличников и всех, кто против нас – а кого нас? Вот и Сибирь. Никто не осмеливался говорить о том, что чувствовал. Многолетний страх сковал наши рты намертво – мы даже думать боялись – не то чтобы говорить. Мозги с детства

забиты чёрт знает чем – разными догмами, кратким курсом истории партии. Мы, молодёжь, кучковались и потихоньку, с тоской вспоминали мирное время, танцы под патефон. Спорили о просмотре нового фильма, как пели новые песни, пока картошка пеклась в кострах.

А в условиях блокадного города, мы еще больше привязались узами дружбы. Война нас разъединила, разбросала, раскромсала, истощила наши юношеские неокрепшие души – но не сломила. Мы, с нетерпеливой жадностью и обостренным вниманием, вглядывались в незнакомый ландшафт. Широкие реки, незнакомые деревянные города, которые уже хочется осмотреть, побывать в музеях. Хотелось живого общения с жителями Сибири, далёких от фронта. Велико было желание высказать всё, что наболело, тревожило, узнать, что-либо от них, порадоваться, погрузить. Приехали в Новосибирск, с великолепным вокзалом. За один день мы успели посмотреть город, театр и многое др. Прокатались на трамвае.

И поколесили дальше в Красноярск – ст. Енисей. По-моему это конечная остановка – или мне показалось?

На станции для нас были освобождены два 2-ух этажных дома – госпиталь для эвакуированных.

Пару недель нас сносно кормили и “прожаривали” в банях. За обедом и ужином ходили на станцию, где в ресторане круглые сутки варили для ремесленников ж/д училища. Три дня нас не кормили – так мы так возмущались – привыкли кушать каждый день.

И невдомёк нам было, что что-то не так. Оказалось, что ремесленники украли, казан вместе со сваренным обедом, и варить было не в чем. Это был конец апреля 1942 года. Меня влекло в мир, окружавший станцию Енисей – это невиданные ранее горы, красота причудливых скал. Может быть, именно тогда пришла

мысль – обязательно побывать в этих горах, проникнуть в тайну красоты величественных скал. Каждое утро, вставая с пола, на котором спали по очереди, я выходил на улицу, и первый взор всегда обращал в сторону очаровывающих меня гор и чудных красноярских скал. Они так манили меня. Но мы на станции и каждый день ждем отправки ещё куда-то.

И всё же, я успел сходить на “Чёртов палец”, и на речку Базаиху. Местами лежал снег. И этот пейзаж ещё больше подчёркивал красоту сибирской природы. Объявили: “Едем дальше”.

Но куда? Этого не мог сказать даже начальник эшелона. Погрузка вечером. Один тусклый керосиновый фонарь на весь вагон, но ничего, кое-как разместились

Эвакуация – мобилизация. В новосаратовском колхозе работало 150 человек, три бригады по 50.

Высококвалифицированных рабочих из Новосаратовки, с заводов Ленинграда, вместе со станками начали эвакуировать ещё до начала войны – до 22 июня 1941 года (!? – *Составитель*). Их семьи присоединись к ним уже после эвакуации в марте 1942 года.

(Кому интересна тема мифа о «внезапном» нападении Германии на СССР, обратитесь к Мобилизационному плану 1929 – 1941 годов - Составитель).

Канск. Снова наш дом на колёсах в пути, но через 5 часов остановка. Снаружи кричат: “Прибыли! Разгружайся!”

“А куда прибыли-то?” – “В Канск. Быстро разгружайтесь!” Ночь. Многие только что заснули и нехотя стали подниматься с нагретых мест. Спустя некоторое время, слышим недовольный шум.

Железнодорожники открывают двери наших вагонов с

двух сторон, и люди вываливаются в кромешную тьму.

Быстро освободили вагоны, и состав пошёл обратно в Красноярск. Не стали ждать, пока нам подгонят подводу, а взялись перетаскивать вещи в дом, который назывался госпиталем. Заняли одну комнату, на всю родню, в надежде, что может это наша конечная остановка.

Как всегда были в полном неведении. Некоторые специалисты поутру пошли по предприятиям, в надежде устроиться на работу. А мы покорно ждали – куда нас направят? Позднее узнали, что ждали конца апреля, когда лёд на Енисее тронется, и на баржах, можно будет отправить нас дальше – на лесосплав.

В Канске был пункт, куда приезжали на “торги”. Просматривали списки, и отбирали себе рабочие руки на заводы, лесозаготовку, рыбалку. Таким образом, часть наших попала на реку Чуну, часть в город Адам на реке Она, город Долгий Мост и в другие места. Несколько семей определили на рыбалку, на реку Енисей. Их дальнейшая судьба, была одной из самых непредсказуемых. Получилось так, что туда же, рыбачить, уехала семья моей одноклассницы Ольги Штейнмиллер. Это “туда” называлось посёлок Усть-Порт за полярным кругом в устье Енисея. Город Канск – одноэтажный, почти весь деревянный, ещё дореволюционный. С резными, почти обязательными украшениями. А новые постройки отличались своей барачной, многоквартирной формой. Гидролизный завод и текстильный комбинат имели свой жилой фонд.

Это лагерь за колючей проволокой и полуземлянки приезжих переселенцев – раскулаченных в 30-х годах. Нас они предупредили, что мы тоже будем таким же, как они – рабочим скотом. На одном месте, они жили год – два, затем вместе с семьями перевозились на другие стройки. У этих людей не было ни паспортов, ни

прописки. Был комендант, к которому ходили на отметку 2 раза в месяц. Работы по обустройству дома в первые годы кончались тем, что приходилось бросать всё и ехать куда прикажут. Поэтому они и жили в полуземлянках – как скоты. Такое количество людей в лагерях, я увидел впервые! Общение с местным людом была крайне осторожным. Слежка за ними была всеохватывающая. Сами поселенцы указывали нам на стукачей.

Куда-то пропал наш учитель по фамилии Вернер. По слухам, его забрали в Трудармию. Но почему одного? После этого события мы старались всячески избегать общения с местным людом. Большую часть времени ходили на поля собирать колоски с пшеничных полей. Хотя и это было наказуемо. Постоянно делались облавы на собирателей. В лучшем случае отбирали собранное, в худшем – сажали в карцер, и грозили судом. Спасало лишь то, что мы были пока как бы ничейные. Из Канска снова в вагоны и в Красноярск на станцию Енисей к причудливым горам, которые я так потом полюбил. Но в этот раз выгрузка с поезда пошла напрямиком на баржи уже причаленные на пристани лесозавода. Кроме нас, оставшихся с первого эшелона, грузили вновь прибывших из Ленинграда – немцев, прибалтов, и ссыльных других национальностей. Куда повезут? Опять неизвестно. Да нам уже и всё равно. Мы так устали от этой неразберихи.

Лишь бы пайка была. Людей на баржу набилось столько, что и в трюме и на палубе, спать было негде! Хорошо ещё, что это путешествие длилось всего двое суток. Самых малых детей устроили в домике шкипера, и тем спасли их от холодного северного ветра. Нашим буксиром был колёсный пароход “Красноярский рабочий”. Казалось, что он своим “шлёпаньем” может увезти нас в бесконечность. Лоцман предупредил нас,

что впереди Казачинским порог. Всем, на случай аварии при прохождении порога выйти на палубу. Нам всем было очень интересно, чем закончится это дело. Выйдем из него сухими или придётся поплавать?

Промелькнули бакены, вешки, перевальные створы и сигнальные знаки, знакомые нам по Неве на предпорожье. Фарватер свободен. Глубина нормальная. Буксир за одну минуту протащил нас через бурлящий поток воды среди камней.

Спал страх и оцепенение. Люди повеселели, пошли разговоры о разных происшествиях, с которыми приходилось встречаться, или слышать. Сколько людей погибло на Енисейских порогах, одному богу известно. Языки слишком не распускаем – мы же помним, чем это может обернуться. Перед глазами плакаты: “Болтун – находка для врага, помощник шпионам!” Люди общались, но нас никогда не спрашивали: “Почему эвакуировали именно нас немцев?”

Впереди замелькали острова. Широкая гладь Ангары впадает в Енисей. Нашу баржу развернули против течения и причалили к речному порту “Стрелка”. На высоком берегу расположились склады и другие помещения для обслуживания порта.

Нас встретил начальник порта – мужчина высокого роста и с громадным животом. Он по-флотски громко изрёк: ” Ждите, сейчас подойдет начальник Стрелковского рейда. И вас перевезут на ангарский берег. Появление этого человека вызвал улыбку на лицах людей – прибывших к очередной точке Сибирской земли.

В дальнейшем мне пришлось ещё не раз видаться с ним. Он был очень весёлым человеком, знал множество анекдотов, умел материться по несколько минут кряду, не повторяясь, и выпить много водки не пьянея.

В Стрелковском порту он оказался не по своей воле – отбывал наказание. В мутной воде к берегу прибило много рыбы. Любители сразу нашли себе занятие.

Стрелковские рыбаки звали помочь вытаскивать невод. Это надо было видеть! Рыбу из невода выбирали несколько часов кряду. Улов был несколько тонн!

Енисейск. В Енисейске зимовали только одну зиму 1942 – 43 годов. На зимовку приехали перед самым ледоставом. Наша квартира, на улице Сталина, находилась примерно в километре от берега. Занимали мы половину дома – 1 комната в 15 м. кв. и кухонька с русской печью. Нас было 7 человек, и этой площади было вполне достаточно для постелей на полу. Дров не было – ходили в лес за хворостом. Отца одолевали фурункулы. На его теле не оставалось чистого места. Холод наступал вместе с бескормницей. Сестра Эрна работала на караванке – это работа, по вырубке изо льда пароходов, барж, ремонту судов. Брата Абрама поставили работать молотобойцем в ремонтных мастерских. Мать работала в какой-то организации, где для фронта сушили ломтики картошки. Один отец лежал на печке – больной с пролежнями на боках. Работали без выходных по 12 часов. Такой режим работы при плохом, скудном питании, истощал всех нас до предела.

Голодные обмороки были частыми явлениями среди нас. Местные жители, имевшие подсобные хозяйства, делились с нами кто чем мог, тем самым помогли нам выжить. Я, и брат, сумели навозить и заготовить хворосту и “загнать” тепло в наше жилище. Сестра Эрна, в свободное время, при свете керосиновой лампы, писала письма по адресам, которые я привёз с Ангары, Тасеево и других мест. То, что она делала, помогло найти родных и друзей по всему Союзу. Письма приходили

с началом навигации, и мы узнавали, где живут наши родственники. Летом я развёз новости по Енисейским поселениям эвакуированных и ссыльных. На работе один раз в день мы ходили в столовую, где получали горячую пищу в обмен на хлебный 400 граммовый талончик из продуктовой карточки. Иждивенцам полагалось только 300 гр. хлеба без других продуктов. Мать, грешно признаться, приворовывала сушёную картошку.

Она засыпала её в валенки и выносила через проходную. Попалась, и её уволили, но повезло – не судили. Больше времени мать стала проводить за уходом отца и молчаливо сидящим племянником, мать готовила из 1/2 л молока и турнепса (кормовая свекла) чуть подсолённую похлёбку – это был ужин.

Отцу я приносил из леса пихтовых почек и при помощи разных трав, которые приносила хозяйка дома, отец начал поправляться. Морозы доходили до -50, и всё труднее стало добывать в глубоком, снежном лесу дрова. Вozить на санках из Енисея бочку с водой.

Всю эту работу мы делали с братом. Но, работая молотобойцем, Абрам очень быстро истощился и обессилел. Приехал театр из эвакуированных артистов Украины, и Адам устроился работать в дом культуры художником. Дальше его жизнь пошла уже по пути художника. В 1944 г. он перебрался в Дом культуры судостроителей г. Подтёсово. Мы с ним, не смотря на совершенно разные характеры, никогда не ссорились, и до самой эвакуации спали в одной кровати.

Наши увлечения были очень близки. Но талант художника преобладал у него, я больше увлёкся механизмами и поделками. Им написано много работ, в них часть его и нашей жизни. Пока он работал в Доме Культуры, я под его ответственность взял музыкальный инструмент – мандолину. Обрато инструмент в Д.К. не

вернулся. Мы с этой мандолиной пропутешествовали, не без пользы, по Ангаре и притокам много сотен километров. На зимнюю стоянку в Енисейске останавливались три парохода “Пионер”, “Кае” и “Улень”, купленные при организации Севполярлеса у американцев. Ещё зимовали катера и баржи. Ремонт судов проводился силами команды. Мастерские располагались в большом соборе на берегу Енисея. Там располагались токарный цех, цех ремонта судовых паровых машин, двигателей внутреннего сгорания, электроцех, литейка. Вся роспись на стенах и потолке была покрашена. Сыпучая матерщина, искусство перематерить – было молитвой в этом святом некогда месте. Только наш старший мастер, лучший специалист по всем вопросам, одноглазый Иван Петрович не матерился. Он всегда спокойно объяснял нам тонкости ремонтных работ: притирке клапанов, шабровке подшипников, регулировке зажигания и многого того, что мы не умели, да и не обязаны были делать.

В эту мастерскую я пристроил брата Володю учеником. Ему исполнилось 11 лет. Таких юнцов было несколько человек, в основном они играли и осваивали тайные уголки и кельи собора, но чего не сделаешь ради получения рабочего пайка. Для нас молодых ребят, ещё не призванных в армию, ремонтные работы были лучшей учёбой ремеслу механика и моториста. Вернулись несколько человек с фронта – инвалиды. Они с охотой делились с нами опытом эксплуатации судовых двигателей, ремонтом вдали от основных баз – кустарным способом. Вести с фронта приходили не очень утешительные. Да и сильно о них никто не распространялся. Кое-кто из вернувшихся фронтовиков горько поплатились за своё беспечно брошенное слово. Енисейск – город ссыльных и стукачей. Мы не ходили

на отметку в спецкомендатуру, но знали, что находимся под негласным надзором. В нашей сплавконторе работал человек, некогда занимавший высокий пост, по фамилии Карелин, сосланный со всей семьёй из Москвы. Его дочь Женя работала у нас, в конторе мехмастерской. О причинах их появления в Сибири мы не спрашивали. Здесь большинство были ссыльными, и мы это прекрасно понимали. Был у нас в мастерской консультантом конструктор реактивных двигателей по фамилии Кужма.

Имя и отчество уже не помню. Он разработал водомётные двигатели для катеров лесосплава, а также насадки к двигателям наших газогенераторных катеров “Сам” и “Аврора”. Всю зиму нас, недоучек, усиленно накачивали знаниями, необходимыми при получении прав – “Судовой механик – старшина – лоцман на малотоннажных судах”. Лекции читал старший наставник обстановки и лоцман рек Енисей и Ангара. “Механику и двигатели” – читал конструктор по фамилии Кужма, навигацию – технику безопасности, сигнализацию – инспектор речного надзора. 1943 год мы начали как аттестованные специалисты. Тем временем начали получать всё больше похоронок на бывших речников. Изредка возвращались комиссованные. Разговор с ними шёл, в основном, на лексиконе матерщины. Так легче было скрыть своё недовольство, снять фронтовой стресс. Начальником наших ремонтных мастерских стал фронтовик Медведев, потерявший руку. Нас это не обрадовало. Он был очень грубый, страшный матерщинник и совершенно неграмотный, но член партии. К счастью, он не вмешивался в дела, а больше “заглядывал в бутылку”. За долгую зиму мы успевали отремонтировать свой двигатель, сделать запас сменных узлов и запчастей и помочь механикам паровых машин шабрить и притирать паровые краны.

Один или два раза в неделю разжигалась вагранка и производилась заливка форм. На заливку форм приглашали более сильных ребят. Меня эта работа влекла, и я старался быть приглашённым на это таинство. Плюс ко всему давали 1/2 литра молока за вредность. Запах форм при заливке, искрящийся металл завораживал нас наблюдавших за этими фейерверками, которых было больше чем положено по технике безопасности. Не знал тогда, что в более зрелые годы буду специалистом – литейщиком, узнаю многие тайны литейного искусства.

В выходные, так называемые банные дни, которые давались во время войны, один день в месяц, мы с братом ходили по Енисейску, интересовались красотой архитектурских решений деревянных построек городка. Деревянное зодчество города завораживало нас. Высокое мастерство исполнения наличников домов возвращало нас в Ленинград, в города Пушкин, Павловск, Гатчину.

Но там дворцы с их богатым убранством, а здесь Енисейск, глубина Сибири и такое разнообразие деревянного зодчества – не ожидали. При виде особо удачных композиций на душе становилось теплее. Зарождалась мечта – самому построить что-то похожее. Моя мать, искусная кружевница, просила брата сделать зарисовки понравившихся элементов.

По этим зарисовкам она вязала кружева и успешно продавала на базаре. Посетили енисейский музей и увидели то, что только здесь имелось в единственном экземпляре. Это МАМОНТ! Он занимал половину музея, и его можно трогать руками, проходить под животом. Музей, во время войны, был мало посещаем. Знакомство с его экспонатами были поверхностны и плохо запомнились. Большой перечень революционеров не позволил запомнить кого-либо в отдельности, кроме

тех, чьими именами были названы улицы:

Ленина, Сталина, Баныкина. Особо интересным было посещение кладбища. Тогда, в 1943 году были ещё сохранены богатые надгробия видных золотопромышленников и купцов. С возвышенности кладбища виднелась тюрьма с неприметным колючим забором в два ряда и прочными постройками казарм. От многочисленных церквей осталось совсем немного. Действующая была одна на ул. Рабоче-крестьянской. Рядом был монастырь, с красивым собором. В этом соборе был организован пивоваренный завод.

А в домах для монашек размещались учащиеся финансово – экономического техникума. С молодёжью этого техникума в праздничные дни мы организовывали вечера отдыха. На набережной Енисея размещался великолепный собор, уже частично разобранный. Некоторые помещения были заняты под клуб ДОСААФ.

Енисей в этом месте более 5 км. в ширину и его правый берег называли Ангарой. Здесь же находилась речная пристань. Пароход встречали всем населением города. Ждали почту, инвалидов с фронта, новых спецпоселенцев и еще заключённых для местной тюрьмы. Порядок разгрузки был строго расписан – сначала “почетные” пассажиры – ссыльные и заключенные, потом гражданские. Иногда приходили баржи на буксире. Их ставили вдаль от берега, на якорь. По берегу выставлялись посты охранников.

Это везли каторжников в наручниках, полосатой одежде и пришитой на спине мишенью. Нам рассказывали, что такое было только при царском режиме. Слухи ходили, что это изменники Родины – власовцы, и что их везут в Норильск. Кто такой Власов? Почему этих людей так много? Прошло какое-то время, мы получили задание выехать на катере с илимками в район Вороговских

перекатов. Там мы узнали кто такие власовцы. А пока Енисейск со своими достопримечательностями. Нашим магнитом было педучилище. Актовый зал училища превращался вместо общения тех, кто любил музыку и хоровое пение. Здесь мы отдыхали душой, и хоть на какие-то мгновения забывали о войне. Педучилище было единственным местом в Красноярском крае, где готовили учителей. Ряд институтов были переоборудованы в госпиталя. В городе была татарская мечеть, и под её крышей оборудовали цех по выпуску самого дефицитного товара – спичек.

Работало там несколько человек. Спички были не по отдельности в коробках, а в гребенке, от которой отламывали по одной спичке.

Рассказывали анекдот: “Спрашивают рабочего этого цеха: “Сколько зарабатываешь?” – “Сколько обсеришь, столько и заработаешь”. Электростанция располагалась на берегу у затона. Два локомотива, которые топились дровами, крутили электрогенератор. Освещение появилось только по ул. Ленина, остальная часть города освещалась керосиновыми лампами. Баня в северном районе работала 2 раза в неделю, день женская, день мужская. Кинотеатр “Енисей” был рядом с базарной площадью. Смотрели киножурналы, новости, и в который уже раз какой-нибудь довоенный фильм. Самый красивый дом был тот, в котором размещались отделы МВД.

Всегда хотелось остановиться и лучше рассмотреть деревянные кружева, сделанные местными умельцами. Но даже оглядываться было неприятно и страшновато. Такая строгая, унижающая наше достоинство организация работает в таком красивейшем, душу ласкающем доме. О Енисейске знал ещё очень мало, но то, что судьба нас связала с ним, и заставила запомнить

на всю жизнь, этот Богом забытый городок – это так.

В этом городе похоронен отец, умерший в 1942 году. Здесь я получил первую рабочую закладку. Узнал много людей, из разных мест СССР. Все мы работали во имя победы над фашизмом. Но каждого из нас, ничего не стоило унижить только одним словом – “спецпоселенец”. Казалось, что этим словом тебя бросали в холодный колодец, и привыкнуть к этому, возразить что-либо, ты был не в силах. Мыслей много. Рот откроешь, а сказать не можешь.

Сплавная контора. Перевезли нас на Ангарский берег и расселили кого в клубе, кого в конторе или среди семей сплавщиков. Началась опять сортировка – большие, старики, рабочие руки. У двоюродного брата умер сынишка двух годков, меня попросили сделать гробик. Нашли инструмент, материал, и за короткое время я смастерил гробовинку. Моё умение было замечено.

Пока жили на Стрелке, сделал ещё несколько гробов. Это было первое место, где хоронили по-человечески, в настоящие могилы, в гробах и с почестями.

Начальство сплавной конторы, по таким случаям отпускало на скорбные мероприятия спирт. Снабжение сплавщиков считалось северным, и в магазинах можно было купить кое-какие продукты, солонину, табак.

Народ начал оттаивать, а те жестокие блокадные времена, заменялись новыми впечатлениями. Меня завораживала огромная ширина устья Ангары, красота загадочных скал, скальных островов посреди порогов.

Мы соприкоснулись с энергией и талантом рабочих сплавщиков, делавших оснастку для сплава леса, на Ангаре и Енисее. Любопытных, звали помочь, да кое-чему и подучиться. Работали в основном женщины – мужики-то все на фронте. Вместо них мы –

эвакуированные, но ещё не обустроенные. Конец войны еще не виден. Радостная весть из Сталинграда вселяла надежду, а пока – “Всё для фронта, всё для победы”. Почти всеми работами на рейде управляли женщины и немногочисленные мастера. Впервые увидел, как плетут канаты разного назначения и толщины. Самые толстые 150 – 250 мм. для двух и пяти тонного якоря. Хребтовые канаты, для плотов были тоньше. Вся эта снасть делалась вручную, скручивалась и сплеталась на станках под открытым небом. Техника погрузки такелажа, была тоже очень примитивна. 250 мм рунталь (канат), женщины на расстоянии 1-го метра, по команде, поднимали на плечи. Змея длиной около 100 метров, начинала двигаться, к илимке (большая лодка по имени реки Илимка до которой бурлаки таскали груз по Ангаре до порога Падун), куда грузился этот канат. Рост грузчиков подбирался так, чтобы не перегрузить соседа. Иначе это могло стать причиной ЧП. Якоря грузили на катках.

На эту работу ставились рабочие, имевшие опыт и хорошо понимавшие команды мастера. Интересно шла погрузка цепей волокуш. Цепи спускались с головки плота, для замедления скорости плотов. Погрузка шла под песню, с прибаутками, шутками, но точный ритм: “Раз, два – взяли!” Крючья всегда точно цеплялись в кольца цепи. Цепь двигалась по вымощенной досками дорожке. Работа шла без погонялок, с отдыхом после каждой операции. Процесс учения, был для меня маленькой радостью. Мой рабочий опыт всё пополнялся важными и нужными знаниями! Жажда знаний всё больше и больше росла. Былое живет в памяти. Вижу как сейчас его у себя на ладони. Женщины! Сколько сил и терпения в их нелёгком труде? Они работали плотниками, строителями, да ещё какими. Их работой можно только любоваться – всё сделано

добротой, на совесть. Их руками были выстроены дома для большинства эвакуированных. Начальство распределяло людей по точкам лесозаготовок Енисейской сплавной конторы. Это были посёлки Богучанского, Кондаковского, Чунского и Маклаковского (Лесосибирск) леспромхозов. Каждый леспромхоз имел еще ряд точек по реке Ангара и её притокам. На Стрелку срочно приехал из Енисейска наставник речной флотилии – Лихонский: “Оголяется речной флот! Всех специалистов забирают в Красную Армию, флот на приколе”. Он отбирал ребят пограмотнее и имевших желание работать на речфлоте, т.е. 6 месяцев в плавании. Желающих было не очень много. Узнал мою фамилию, имя, отчество, потом, помедлив, спросил:

– Не родня ли тебе О.Ю. Шмидт?

– Нет

– А Фёдор Богданович, начальник арктической экспедиции? – Если Фёдор, то, возможно, стоит поговорить с отцом. Похоже, что разговор с моим родителем, его частично удовлетворил. Он сказал мне, что Фёдор Богданович известен в Норильске как первооткрыватель платиновых и медных руд, что там есть музей на горе “Шмидтиха”. Этот разговор запомнился надолго, и желание побывать в Норильске преследовало меня еще долгие годы.

А пока мы ждали ледохода на Ангаре. Толстый, до 2-х метров лёд приносил много хлопот при заторах на Енисее и Ангаре. Ещё в коммуне до 1932 года, когда мне было лет 8–9, меня как магнитом тянуло к технике. Первые два трактора были фирмы “Фордзон”, подаренные коммуне. Трактористом был муж моей тётки по отцу, дядя Андрей Бич. Его дочь училась со мной в одном классе. Дядя Андрей был коммунистом.

Как-то отец и я пришли к ним в гости. У них стоял

детекторный радиоприемник, и мы с Эльфридой по очереди через наушники слушали радио. Вот это чудо – первый раз слушал радио! Отец с дядей Андреем делились услышанным. Иногда собирались соседи и тоже слушали чудо техники. Начали готовить трактора к посевной, и мы пошли посмотреть на эти чудо машины. – Хочешь стать трактористом? – спросил дядя Андрей – Да! – ответ был однозначным. После этого разговора я каждый день бегал помогать ремонтировать трактора. Приходил домой грязный, как мазурик, и мать всегда ругала меня:

– Тебя не отмыть, да и мыла не напастись!

Но от тракторов я уже “отвязаться” ну просто не мог! Такие слова как искра, свечи, компрессия манили меня! И вот случилась беда! Убили Кирова, снова начали искать врагов народа. Дядю Андрея арестовали, обвинив его в том, что собирает людей, где проводит контрреволюционные беседы, и ещё держит у себя 2 трактора! Ведь держать их было негде. А здесь они под крышей стояли. Так что моторы я повидал на своем маленьком веку! И вот я на Енисее и передо мной мотор 60 сильного ЧТС, с отдельными цилиндрами, тяжелым маховиком, которым при помощи спецломика и дырок по наружному периметру маховика, заводили трактор. Для этого нужна была сила и сноровка.

Не сразу заводился двигатель, то искра терялась, то свечи заливало. Теряя всякое терпение, ломиком лупили маховик – выбивали искру. За летний сезон, узнали многие секреты капризов двигателя. К концу навигации, мы на своём катере стали, без помощи теплохода, подниматься с илимкой, через Стрелковский порог, что не все катера делали. Нас признали, и наша команда стала лучшей на рейде. Следующий дальний рейс был по рекам Чуна (приток Ангары) и Тасеево. Опять везли

наших новосаратовцев. Здесь было много родственников – двоюродных братьев и сестёр, с детьми и родителям. Мы очень торопились. Надо было пройти 400 км. по большой воде, чтоб пройти пороги, мелководные шевера ещё до лесосплава. Запаслись топливом (дровами) для газогенератора, и тронулись вверх по реке Тасеево. Вёл наш караван опытный лоцман по фамилии Бурмакин. На 2-й день хода, мы остановились у порога “Аракан”. Причалили к каменистому берегу.

Вышли братья, и говорят старшине Сысоеву:

– Мать умерла. Что будем делать?

Жара, везти тело еще три дня? Решили похоронить на берегу. Копать было негде, кругом скалы и камни. Сложили несколько веток на ровное место, положили мать моих двоюродных братьев, снова ветки, а сверху камни, да потяжелей, как подсказал лоцман, чтоб медведь не вырыл! Пока хоронили, не слышали, что наверху, на скале, ещё кто-то копошиться. Мы притихли. Сверху на нас посыпались камни. Лоцман Бурмакин буркнул: “О! Лешак, учуял! Это медведь! Их здесь, в тайге много.

И я с отцом, ходил на медведя, в эти самые места”. Спустя год мне пришлось ещё раз ехать на катере по этим местам. Кучка камней, где захоронили тётю Шарлотту, была в целости. Медведь не тронул.

Память сохранила события и название места. Образ тётки всегда возникает, когда вспоминаю Чунские пороги. Особенно порог “Дурак”. Чтобы преодолеть его, все наши пассажиры вышли на берег. Занесли 100 метровый канат, привязанный к фарватеру катера, впряглись как бурлаки и потянули наш катер через порог. Винт на перевале порога работал вхолостую – в воздухе. Но верхнее плечо порога было спокойным. Двойной тягой – бурлаки и двигатель, катер вытащили на запорожье илимки, и пошли, дальше, до села «Чуноярь».

Начался резкий спад воды в районе лесосплава. Илимки до Кондратьева – Чинской механической базы дотащили на бечеве. Там мы расстались со своими племянниками и братьями, на долгие годы. Судьбы у всех семей сложились по-разному. Многие, ещё не успев обустроиться, распределялись всё на новые призывы Трудармии. Люди не знали, чего ждать в следующий день, месяц. Неизвестность окружала людей всех национальностей, вывезенных с родных мест. Моего механика – Николая забрали в армию. Я стал старшим, и работать стало немного легче – сам себе хозяин. Команда наша сократилась с 5 до 3 человек. Приходилось крутиться. На мелких перекатах измеряли намёткой глубину воды. В таких случаях моторист всегда на своем посту, старшина у штурвала, намётчик матрос на палубе. Особо опасный был четвёртый “Татарский перека” на Ангаре. Его глубина в разное время года доходила до 50 см. Об этом своими шарами и кубиками оповещали сигналы на берегу. Обходя камни разными хитрыми маневрами, мы тыкаясь об камни, ловко выскакивали на стрежень, пробирались через шевера. Всегда заходили в село Татарки. Это село на правом берегу Ангары, примерно в 30 км. от “Стрелки”. В нём жили ссыльные из Забайкалья – вольных там не было. Жили они семьями под надзором своего спецкоменданта.

Занимались охотой, земледелием, пчеловодством. Поселенцы сами построили себе дома. Нашему приезду всегда радовались. А мы в свою очередь, тоже немного радовали их. Привозили почту, хозтовары, керосин.

Они в обмен приносили нам мёд, сушёное мясо и малину, которой в этих местах было очень много.

Иногда угощали нас свежим тайменем и стерлядью. Мы, в свою очередь задабривали их отработанным машинным маслом, сизальским канатом (изготавливается

из листьев агавы), из которого они делали рыболовецкую снасть. Таких деревень на нашем пути было несколько. На Ангаре, мы узнали, куда подевались кулаки, высланные из разных точек необъятного Союза, куда их выселяли, и как они жили. Сёла Кандаки, Зырянка и др. стали их домом. Надолго ли? За что эти люди были наказаны? Почему они здесь? Неужели их не тянет на Родину? В одном из поселений жили кулаки, высланные из Забайкалья. По их рассказам, им здесь жилось гораздо лучше, чем на прежнем месте. Климат мягче, зверья много, покосы, пчеловодство и т. д.

(Для меня эта интересная деталь долго была загадкой. Но вот, недавно, я разобрался. В данном случае это была не ссылка, а переселение в более благодатный район для получения различного рода урожаев, начиная с мёда, пшеницы и заканчивая пушиной и травами – Составитель).

Горькая соль. Команда нашего катера в течение лета менялась по два - три раза. Забирали в армию всех, кого можно было отправить на фронт, на шахту, нефтепереработку и разные стратегические стройки. Команду теперь возглавлял лоцман по фамилии Шниперов. Расконвоированный и освобождённый от призыва. Парень и раньше водил плоты по Енисею. Он был осуждён за аварию. Всех лоцманов забрали в армию, остались несколько человек, владевших этим искусством. Мы стояли на Тасеевском рейде, когда нас оповестил Шниперов: “ Мы идём на речку Усолка – приток реки Тасеево. В Троицке нас ждёт плашкоут – это специальная баржа для транспортировки соли”. Судно одноразового использования. Речка Усолка – особая речка. Она несла свои крепко солёные воды в р. Тасеево. В Троицке были солеварные заводы

снабжавшие солью все рыбхозы и население Ангары и Енисея. Нам предстояло отвезти плашкоут с солью в Енисейск. За эту работу было обещано 2 мешка соли. Соль во время войны была дороже сахара. Доставив груз в Енисейск, наш лоцман решил реализовать заработанную нами соль на базаре. К концу дня, прибежали наши торгаши, бросили мешок с деньгами и убежали. Прибежали ребята с другого катера, схватили мешок и убежали. Я был на дежурстве и ничего не понял, что за беготня? Затем пришла милиция – кричат, требуют сказать, где деньги, где Шниперов?

Обыскали весь катер, подняли всё верх дном. Ничего не нашли. Наш Шниперов тоже не вернулся.

Я совсем один на катере. Навёл порядок после обыска, и приступил к приготовлению завтрака для команды. Думал, что к утру всё же вернутся.

В нашей команде еду готовили все по очереди. Ещё в детстве, я любил помогать на кухне старшей сестре Терезе. Наблюдал, прикладывал руки к тесту, резал лапшу, и периодически совал ее, ещё сырую в рот. Готовил затируху, хорошо чистил картошку. Этот небольшой, но очень полезный опыт пригодился мне на флотской службе. Так и не дождавшись команды, сел один завтракать. И вот прибежал Адька Цетель, мой троюродный брат, спрашивает:

– Милиция была?

– Была! Ничего не нашли.

– Ничего?

– Не жди. Шниперова и матроса Александра арестовали. Позднее узнал, что лоцмана осудили на 10 лет исправительного лагеря, а матросу дали 2 года условно. Через 30 лет, когда я приезжал в Енисейск с женой Майей и останавливался у Адьки, он признался, что мешок с деньгами перепрятал он. И они всей командой

катера неплохо жили на эти деньги. Но Шниперова опять расконвоировали, ведь он был классным лоцманом, а плоты ждали, кто их проведёт до Игарки по сложному фарватеру. Погода, уровень воды и умелое управление лоцмана были главными условиями успешного прохождения реки.

Мотыгино. Небольшой городок на Ангаре. Вниз по течению реки располагались ещё два поселения ссыльных раскулаченных из Забайкалья и других районов. Название их Рыбное и Татарка.

В 1942 – 46 годах я работал в речном флоте Енисейской сплавной конторы судовым механиком. Во время рейса мы заходили в эти поселения. Привозили жителям почту, товары и редких пассажиров, которые в основном являлись охранниками и новыми осуждёнными. Обитатели Рыбного занимались ловлей омуля и красной рыбы в речных ямах ниже Татарского порога. Это было единственное место, где заготавливали рыбные деликатесы с душиком. Этот продукт отправлялся в Москву. Из-за труднопроходимых порогов Рыбное редко посещали. За любые услуги, жители щедро делились с командой катера плодами своего натурального хозяйства. В основном это были вяленая рыба, сушёное мясо дичи и мёд. В Рыбном жили раскулаченные забайкальские казаки. Основным занятием поселенцев было пчеловодство и охота. Пасеки ставились на выгоревших участках тайги густо заросших медоносными травами. Тайком от власти гари засеивались рожью и ячменём. В редких, но интересных разговорах жители Рыбного благодарили судьбу за плодородный край, в который загнала их советская власть. Чтобы комендант и охрана не мешали жить, им обильно поставлялась медовуха.

В эти края можно добраться только по воде или зимнику.

Из тайги на войну. Война требовала всё больше людей, человечины и крови. Весна 1944 года, пока идёт большая вода, по малым рекам Кеть, Сым, Пит Военкомат выезжал за новобранцами - раскольниками, старообрядцами, кержаками, эвенками, кетями (от названия реки Кеть), ненцами. Многих из стойбищ и поселений не было на картах. Их разыскивали самолётами, а добраться можно было только по большой воде. Что творится на Большой земле, они узнавали только из уст редких охотников, добирающихся до фактории за провиантом и припасами. Каким способом, заманивали бородатую молодежь на этих стойбищах, не знаю, но на илимку, в которой мы их везли, они приходили с испуганными, широко раскрытыми, глазами. Везли мы их в Енисейск. Почуввав неладное, часть отчаявшихся ребят сделали попытку к бегству. Стрельба и ранения присмирили их. В Енисейске бородатых 18 – 20 летних ребят встречали с удивлением – Откуда привезли, в чём их вина? – Это дезертиры уклоняются от призыва в армию. Идти на войну - убивать людей они наотрез отказались. Когда у них постригли головы и бороды, стало видно, что это юноши с красивым обликом. Это были вполне образованные ребята. В общинах их учили, по старославянским книгам. Говор был необычным - русским, но с церковными оборотами речи. Таких выездов было несколько, а вспомнил об этом потому, что война не знает пощады и спрятаться от неё очень трудно, она беспощадна, как на фронте, так и в тылу.

Карточный остров.

(Этот остров находится на Ангаре между д. Татарка и устьем р. Невонка – Составитель). Только одно название острова на Ангаре, который находится выше Алёшкиной шеверы, вызывает массу любопытных вопросов. Почему Карточный? Кто хозяин острова? Сколько живёт там людей? Эти вопросы мучили меня. Пока я работал на газогенераторном двигателе, миновать остров мы никак не могли. Там заготавливали берёзовые дрова для нашего генератора. Подъезжая к острову, мы с трудом различили хозпостройки за зелёными зарослями. Нам на встречу вышел “король острова”, остановился у сигнального столба и закричал в рупор: “Швартуйтесь!” Сигнал означал, что на острове у него есть почта или важное сообщение. Почта могла быть для жителей выше по Ангаре или для тасеевского рейда и выше по рекам Чуна и Она (Бирюса). Почта эта была не официальная, а таёжная - на доверии, по законам тайги. Я тоже вёз пакет писем для односельчан, поселенных в верховьях Ангары, куда мы не заходили. Наш рейс был на Тасеевский рейд (Кандаки). Везли мы на этот раз продукты, спирт и такелаж для плотов. Катнов пригласил нас на свежатину. Это был человек - эрудит. Он знал несколько языков, держал своё личное хозяйство, имел богатую библиотеку. В глубине острова, подальше от глаз, у него были разделаны полянки, где он сеял всё, что было необходимо для натурального хозяйства. После рюмочки горячительного, он рассказал нам, что на острове у него есть оранжерея, где выращиваются овощи, помидоры и даже арбузы. Позвал свою милостивую супругу и шепнул ей что-то. Спустя несколько минут она принесла нам арбуз, красных помидор и огурцов. После такого угощения наш лоцман тоже расщедрился,

и поставил на стол литр спирта. Все, кроме меня, для вождения каравана, по реке, до места назначения, стали непригодными. Рассказы “короля острова” достались только мне, как трезвеннику. Из его уст я узнал, что в период миграции оленей, сохатых и особенно белок, животные переплывают Ангару с острова на остров 7 км. Последним является Карточный, на котором животные останавливаются на отдых. У него жили прирученные олени, пара сохатых и много белок. В клетке сидел молодой потешный медведь. Остров в 2 км. длиной зарос вековыми кедрами и сосной. Кедровое масло продавалось любителям. Через остров шла телефонная связь и все новости, и навигационные распоряжения получались здесь. “Король” спросил меня, откуда я. Узнав, что из Ленинграда, неожиданно замолчал, потом вымолвил, что он тоже оттуда. Работал при каком-то с/х институте в Гатчине. Жена поехала к нему в Сибирь на место ссылки. Есть у них сын - служит в армии. Остров называется Карточным потому, что на нём останавливались старатели с приисков Южноенисейска и рыбаки. Они пропивали и проигрывали свои заработки за карточным столом. Предыдущий “Король острова” был арестован и отправлен неизвестно куда. Старатели с тех пор уже не заезжают. Он пытался расспросить меня: “Как вы там, в блокаде выжили?” Я отговаривался.

На что он сказал - правильно делаешь. Знаешь, Саша мы сейчас с супругой сыграем вам отрывок по Чехову. Зрителей вроде достаточно. Играли они настоящие артисты. Приятная разрядка и интересные люди подняли моё настроение. Я очень не любил, когда пьяный лоцман, бравитует в опасных местах фарватера.

На этот раз караван повёл я, остальные отсыпались.

Авария на Осиновских порогах. 1943 год.

Срочный выезд в Ворогово встревожил нашу команду. В такой дальний рейс и на газогенераторном топливе (дрова). Дорога 700 км, и почему именно нас? От команды солдат охраны узнали, что в пороге баржи с заключёнными и продовольствием попали в аварию. Одна баржа затонула. Надо где то, кого-то спасать. Загрузились дровами, продуктами на 2 недели и тронулись в рейс. Дали нам лоцмана, хорошо знавшего речную обстановку. Вниз по течению шли днём и ночью. На вторые сутки были уже у цели в селе Ворогово. Разгрузили солдат. Нам дали день отдыха. На следующий день мы с новым лоцманом пошли на место катастрофы. Бурлящий порог тревожил душу.

Но виденное ещё больше беспокоило. На одной барже находились те каторжане, которых видел в Енисейске.

Их предстояло переправить на берег и на другой посудине отправить дальше вниз по Енисею. На острове видели свежий холмик со столбиком, к которому была прибита дощечка с номером. Местные жители рассказывали, что когда баржи сели на камни, часть заключённых бросилась спасаться. Охрана с автоматов пристрелила беглецов, а волновавшихся в панике уладила очередями. Наша задача состояла в том, чтоб спасти продовольствие с утонувшей баржи. Заключённых к этому времени уже перевели на другую баржу. Солдаты, которых мы привезли, отправили на поиски 2-х или 3-х человек, которых недосчитались в колонне.

Вся охрана сошла на берег и начала охранять заключённых на барже. Бежать было некуда. С одной стороны гибельный порог, с другой охрана с автоматами. Немногочисленные рыбаки, за вознаграждение в виде ими спасённого продовольствия, ныряли в холодную воду трюма баржи, цепляли мешки с мукой и

выскакивали греться. Спасти удалось в основном муку и продукты в ящиках. Мука в мешках намокла на 1–2 см., а середина осталась сухой.

Сахар таял прямо на глазах, в момент, когда сняли верхний, уже вымокший мешок. Все спасённые продукты отвозили на илимках на берег и, пересортировав, отправляли вслед по этапу.

Весь берег острова под названием “Кораблик” был завален сплавным лесом недошедшим до Игарки.

Это были плоты, разбившиеся по всему Енисею.

О виденном и слышанном на Осиновском пороге мы дали подписку о неразглашении. Ещё несколько раз пришлось пройти Осиновские пороги и всегда со страхом. Страх, трусость или ещё что то, но ни словом я, ни с кем не обмолвился о виденном и слышанном.

Ч. П. на сплаве леса по Ангаре. 1943 год.

В эту весну на сплаве леса остались почти одни женщины. Война загребла в своё ненасытное жерло оставшихся мужчин, имевших бронь на лесоповале. Остались несовершеннолетние дети и инвалиды. Серьёзное и опасное дело, сплавить плот по большой воде с верховья Ангары до плодбища Стрелки предстояло бригаде женщин с одним лоцманом по фамилии Рукосуев (?). Плот удачно прошёл пороги и шеверы до Карточного острова, впереди две шеверы: Алёшкинская, Татарская, и Стрелковский порог. На шеверах (от шестерни - участок с бурным течением) сильный ветер вытеснял плот длиной 100 и шириной более 15 м. из фарватера. Дополнительные волокуши, тормозившие ход плота не помогли, и вскоре, застряв в камнях, оторвались от плота. Малый якорь, порвав 20 см рунталь, ушёл на дно. Плот стал неуправляемым и авария, при проходе через Стрелковский порог казалась

неминуемой. Лоцман дал команду: Всем перебраться на илимку. Дальше получилось невероятное. Плот без людей и управления, чудом проскочил по правому руслу порогу и продолжал свой путь по Енисею. А люди как? Мы в это время стояли на рейде и ждали распоряжения. Вдруг получаем команду: высадится на плот и узнать, почему не пришвартовался на сплотку. За несколько секунд завёл двигатель, и помчались на правый берег Ангары, это 4 км. Догнав плот, мы ни одного человека не нашли - значит беда их застигла на пороге. Вернулись, доложили руководству и поехали искать команду. Наступала ночь и поиски пришлось приостановить до утра. Спозаранку двинулись снова на поиски пропавшей команды плотогонов.

Теперь нам пришлось проникнуть в самые опасные места среди бурлящей воды и торчащих, как слоновьи спины, камней. Перед выходом на поиск привели в порядок все узлы управления катером, поставили румпель, чтобы застраховать случайный обрыв троса штурвала, проверили муфты включения гребного вала, открыли окна в машинном отделении, надели спасательные пояса. Не знаю, что меня тогда так тревожило, вера, страх, героизм. В таком настроении мы двинулись навстречу бурлящему порогу.

В одном из подходов, среди бурлящей воды увидели илимку, выброшенную на камни. На крыше илимки стояли люди. Они кричали нам и махали руками.

Как подобраться к ним, как их спасти, мы пока ещё не знали. Риск был большой. Малейшая оплошность штурвального, сбой двигателя грозили нам купанием в холодной воде. Смелость лоцмана Демидова, чёткие команды в машинное отделение, кончились тем, что мы приблизились к илимке. Всю бригаду пересадили на катер. Выбраться из этого водного плена, среди камней и

стремнины, было ещё труднее. Лоцман плота вооружил всех своих женщин шестами, баграми и они отталкивали катер от опасных камней. Мы на малой скорости задним ходом выбрались из опасного места. Все страсти остались позади. Вдруг одна из женщин начала кричать, как будто от большой боли и все женщины начали повторять криком, высказывая этим радость спасения и снимая нервную нагрузку. Пока шли до рейда, мы осмотрелись и начали узнавать друг друга – часть женщин оказались немками из нашей Новосаратовской колонии. Живут и работают на Ангаре, на разных пунктах лесозаготовок. В сёлах Пинчуга, Богучаны, Кандаки, Болтурино, Кодинский, Яркино, Бедоба, ... Это то, что запомнил по адресам на письмах, которые привозил из Енисейска или с Ангары. Мужья у большинства женщин были мобилизованы в Трудармию на шахты Казахстана, Алтая, Урала. Дети оставались со стариками и бабушками. Разгрузка от стресса продолжалась с большой силой и после того как всех накормили, дали по сто грамм спирта.

Посмотрели женщины друг на друга и начали примечать, что у некоторых появились белые пряди, а одна стала совсем седой. Казалось, что слезам конца не будет. Но вдруг кто-то вспомнил, что выручила их из беды команда катера: лоцман Демидов, машинист я (Александр Шмидт), помощник машиниста К. Сидоров, и маслёнщик мой брат Володя 12 лет и лоцман плота Рукосуев. Нас стали обнимать, целовать и объявлять тесты. Такого обильного внимания я до конца жизни своей не переживал. Лоцман был тоже из ссыльных. Когда то он был регентом церковного хора.

Со сплавщиками он проводил спевки многоголосых старых народных песен. И вот вдруг он запел.

Все притихли, и спустя какое-то время поддержали

его голосами, отточенными на совместных спевках. Такого хора я ещё не встречал. Со всего рейда начали стекаться ребятишки, взрослые. Многие подключились к общему хору. В песне изливался стон, плач и горе людей пребывавших вдаль от родных, родины и тосковавших о детях, ждавших своих родителей. Жители села Стрелка, работавшие на берегу Ангары слышали это песнопение и спрашивали: “По какому случаю такое песнопение на рейде?” Происходило это в 1943 году.

Верховая вода. Для сплавщиков леса Тосеевского рейда, при ранней весне, это большая беда. Лёд рек Тосеевка и Чуна вскрывается раньше Ангары. Затопы льда в устье и подъём воды достигает 11 и более метров.

Весна 43 года была ранней, и рейд ожидал большую беду – прорыв заломы между островом и левым берегом р. Кандаки. Здесь находилось устройства приёма леса самосплава и сортировочно-плотосшивной агрегат. Спасти эти сооружения может только взрывчатка, разрушающая ледяные затопы между правым берегом скального быка и островом. Срочно организовали обоз с взрывчаткой из Енисейска. Заодно взяли и меня, для ремонта катера зимовавшего на рейде. Команду катера опять мобилизовали на фронт. Мне предстояло иметь дело с неизвестным ранее поведением себя в экстремальных условиях. На четырёх подводах везли двигатель, взрывчатку и какие-то продукты. К весне все продукты на рейде были на исходе. Особенно страдали дети без сахара и детского питания. Срок, добраться из Енисейска до рейда, дали 4 дня – около 100 км. Ночевать предстояло только в тайге. Нам назначили отличного проводника – охотника Н. Вершинина. Он провёл краткий инструктаж - как вести себя с ответственным грузом. Где и как будем ночевать и что можем ожидать

в пути. Фураж для коней взяли с избытком, на всякий случай. Выдали нам собачьи дохи шерстью внутрь, собачьи верхонки (рукавицы) и тёплые шапки. Выехали из расчёта на одну ночёвку в деревне Абалакова, а дальше 2 таёжные ночёвки.

Тронулись в неизвестный путь в надежде успеть спасти затон рейда от разрушения льдом.

Наши остановки были не долгими. Они делались для отдыха лошадей и приготовления себе горячей пищи. Удавалось немного подремать у костра.

Идти приходилось пешком. Лошади с трудом тянули гружёные сани по размякшей снежной дороге.

На обочине снег был ещё глубоким, ночью он покрывался настом, по которому можно было идти, не проваливаясь по пояс. Предстояла ночёвка в тайге на полпути до цели. Об этой части пути мы ничего не знали. Вершинин - старший нашего обоза, бывалый охотник и начальник Стрелковского рейда, остановил обоз, расставил сани с взрывчаткой и запалами подальше друг от друга и от будущего костра. Ночевать будем здесь! Он сошёл с дороги, углубился в тайгу и позвал нас к небольшой полянке.

– Здесь расчищайте от снега площадку, там рубите пихтовый лапник, а вон там - видите сухостой – рубите деревья на дрова.

На случай ночёвки или других затруднений в пути, каждая санная повозка имела топор или пилу. Пробраться к указанному сухостою было не просто. Глубокий нетронутый снег приходилось топтать, задирая ноги на небывалую высоту. Увидев наши “мартышкины” труды, крикнул нам: “Вы что делаете? Вон же рядом, лосиная тропа! Хорошо утоптанная, или вот заячья тропа! По ней и идите. Из-за этого я это место и выбрал. Он был прав. Мы по этим, хорошо протоптанным

тропам, натаскали дров и лапника, развели костёр для варки и большой костёр для будущей лежанки - ночёвки на 5 человек. Сам Вершинин пошёл по лосиной тропе, сказав нам: “Здесь свежие следы, пойду с ружьём, может мяса на ужин подстрелю. Ждите вызов выстрелами.

Не успели мы чай вскипятить, как услышали выстрел. Спустя несколько минут ещё два. Это уже условный сигнал. Мы заранее подготовили лыжи и кусок брезента, которым укрывали сани. Луна освещала нам звериную тропу. Местами по тропе видны были лежанки зверя и кровавые пятна. Дошли до места, где охотник сразил сохатого и слышим, как ругается Вершинин:

“О, язва вас там прибрала что ли? Что так долго собирались? Нам казалось, что шли достаточно быстро. Пока добирались – он успел освежевать тушу и разделать её для транспортировки. Разложили на широкие охотничьи лыжи, подбитые оленьей шкурой, ещё тёплую шкуру лося, набросали разделанное мясо и поволокли 300 килограммовый груз к нашей стоянке. Радость была неопишуемой. Спросили: “Как ты разглядел, что зверь, где то рядом?”

– Увидел кровавые следы на тропе, значит зверь ранен. День близится к концу, а ночью сохатые не передвигаются, ложатся на лёжку. Далеко он не ушёл, устал – несколько раз ложился отдыхать.

Вот я его и догнал.

(От составителя - лоси близоруки, при свете дня видят на 25 метров. Большие в лесу и не надо).

А теперь, в честь удачи, жарим мясо на шомполах. Раскупорили бутылку спирта, разлили неразведённого по кружкам, и выпили за удачу.

Мне Вершинин сказал: «Раз ты не пьёшь - следи за костром, разгребёшь огонь и настелешь лапника побольше, сверху брезент». Так и сделал. Кончился пир,

потянуло ко сну. Того кто отключился раньше времени, перетащили на тёплую постель и укрыли дохой.

Я с Вершининым положили рядом два бревна длиной 3 – 4 метра, переместили к ним костёр. Загоревшаяся конструкция костра грела нам всю ночь. Было не очень холодно – не ниже -20 и мы на нашей постели лежали полураздетыми. Умудрились проспать больше положенного. Нежиться было некогда. Каждый, по заранее условленной разрядке, умывшись снегом, поспешил выполнять свои обязанности.

Я был костровым. Разгрёб вчерашнее костровище, нашёл ещё тлеющие угли, раздул костёр, повесил котелок для чая и начал готовить дрова. Обозники кормили лошадей, счищали снег с подвод и готовились к последнему перегону до деревни Кондаки. Шашлыки из свежей сохатины готовили товарищи, крутившие шомпола над тлеющими углями.

Сытный завтрак и хорошее настроение от того, что это наш последний привал, в какой-то мере ускорил движение нашего обоза. Мы рассчитывали приехать к конечной точке к полудню из расчёта, что взрывники заложат заряды в ледяной затор и спасут затон.

Приехали мы раньше на целый час, но наша спешка была уже, ни к чему - природа опередила нас на целые сутки. Увиденное поразило нас! Мертвяки на стороне острова, к которым крепились шесть 40 мм стальных троса были выворочены из земли и смещены далеко от того места где находились. Концы тросов валялись разорванные на берегу руки. Жители рассказали, что когда образовался затор между островами и правым берегом у скалы вода начала быстро подниматься, и пошла с массой льда по протоке на затон.

От нагрузки троса начали рваться, издавая звук пушечного выстрела. Глыбы льда, стеной напирая на

запруду, сдвинули мертвяки, порвав остаток тросов и, вырвались на широкий простор реки Тасеева в сторону широкой Ангары. Наша спешка была излишня.

Но нас ждали, мы везли продукты и мясо, добытое по дороге. Предстояло перебраться на правый берег, где находился посёлок сплавщиков, наши односельчане и моя сестра Тереза.

Тасеевский рейд. Утром, когда на реке стало меньше льда, наш отряд готовится к переправе на правый берег из Кандаков на Тасеевский рейд. К прекрасному весеннему празднику мы привезли продукты для рабочих и подарки для детей. Ещё привезли двигатель для катера, который я ремонтировал в Енисейске. Его предстояло снова установить на катере, зимовавшем на рейде. Нас ждали, и на встречу вышло всё население посёлка - это несколько сот взрослых и детей. Уже около месяца посёлок, из-за распутицы не снабжался продуктами.

Хлеб пекли по рецептам блокадного Ленинграда. Выручала черемша прошлогодней засолки и редкая добыча охотников, которых осталось очень мало и они преклонного возраста. Из черемши делали и первые, и вторые блюда. Запахом черемши были пропитаны общежития, где в бараках без перегородок на 100 человек жили семьи с детьми. Питались только в столовой. Наш приезд внёс новую струю в унылую атмосферу жизни наших ленинградцев. Я привёз письма и новые адреса от родных и знакомых. Это было большим подарком, чем сахар и конфеты. Жить в бараке, в такой скученности мне ещё никогда не приходилось. Освещение, даже в виде керосиновых ламп, отсутствовало – не было керосина. Древний способ освещения при помощи лучины или огонька обогревательной печи в углу, свидетельствовал о том,

на каком уровне жили и работали бывшие блокадники. Мужчин было очень мало. Все, кто ещё был пригоден к службе, были в Трудармии. Оставшиеся женщины, старики и подростки работали на лесозаготовке и сплаве леса. Моя сестра Тереза Роо работала на рейде, на сплаве леса и в период, когда не хватало лоцманов, работала лоцманом и помощником лоцмана на сплаве плотов по порожиистой Ангаре и Енисею до Игарки.

Труд сплавщиков, тяжёлый, опасный и очень ответственный. Хорошо был знаком с этой профессией, так как каждую навигацию сопровождал со своим катером караваны плотов леса по рекам. В часы короткого отдыха женщины запевали песни разного жанра в зависимости от настроения. В случаях тяжёлой работы по “выхаживании” - вытаскивания якоря или цепей при помощи “Весельяного” ворота пели шуточные - прибаутки. Эта работа длилась от нескольких часов до нескольких суток, если цепи заклинивало в камнях. Традиции сплавщиков подбадривать свою нелёгкую работу песнями, анекдотами была настолько обязательна, что по-другому выполнять сплав леса невозможно. Нервы от напряжения не выдерживают. Стрессы можно было разрядить только песней или шуткой. Как бы трудно не было, но эта жизнь, работа в надежде на лучшие времена, отличалась лучшей стороной после пережитого в блокадном Ленинграде. Все мы остались живыми. Никто не осмеливался говорить о том, что чувствовал. Мы ложно обходили правду. Многолетний страх зажимал рот. Вся страна ждала только одного - скорейшей победы. воссоединения семей, возвращения на родину. Но до этого надо дожить! Моя работа на рейде заключалась в том, чтобы установить двигатель на катер, обкатать его на водном плёсе, обучить нового моториста и вернуться

в Енисейск для принятия нового катера. Всех мотористов прошлой навигации мобилизовали в армию. Обучали 15 – 16 летних ребят на судовых механиков, штурвальных, матросов. Занятия по обучению нового 16 летнего парня Рукосуева – сына знаменитого лоцмана на Ангаре, закончились быстро. Его любознательность, навыки с детства и любовь к моторам сделали его мотористом за один месяц. Всё остальное - практика. Он был парень с хорошим музыкальным слухом, играл хорошо на балалайке, имел замечательный голос.

Мы с ним быстро сдружились. В свободное время мы играли, я на мандолине он на балалайке. Дуэтом пели народные песни. Наше увлечение заразило других ребят. В итоге получился самодеятельный кружок.

Под нашу музыку молодёжь пела и танцевала. Это были единственные развлечения, которые могла себе позволить молодёжь при скудном освещении от лучины. Очень чувствовалась оторванность от внешнего мира, отсутствие радио, газет, книг.

Почта была редкостью. Учится тому, чего совершенно не знал, выпало мне на Тасеевском рейде у человека умеющего и знающего. После окончания работ на катере, который ещё стоял на высоком берегу, ожидая прихода высокой воды на р. Тасеево и его спуска на воду, я оказался не у дел. Часто посещая кузницу, познакомился с интереснейшим человеком И.П. Корж.

Как судьба забросила его в этот край, он не распространялся. Рассказал он мне только то, что он металлург, научный работник какого-то Ленинградского института. Да и не спрашивал я его, за какие провинности он в ссылке. Мы друг друга поняли сразу – без слов. Саш! – обратился он ко мне – ты сейчас без работы, помоги мне сделать одну вещь человеку, которого ты хорошо знаешь – королю Карточного

острова. Да я его знал, он часто передавал мне почту тому же Коржу. Показал он чертёж пресса для кедрового масла. Для изготовления этого пресса нужно было кузнечным и слесарным способом изготовить винт с 2-х заходной 100 мм ленточной резьбой и гайкой.

Для этой работы нужен молотобоец и слесарь в одном лице. Работа эта была мне не чужда, а скорее по душе. К тому же он обещал хорошо кормить. За выполненные работы рассчитывались мясом, мёдом, маслом и т.д.

У него в кузнице было полно ещё не выполненных работ, таких как ремонт часов, пайка кастрюль и вёдер, изготовление иглолок, ножниц для стрижки овец и ещё много другого. Передо мной в кузнице лежала ещё неоткрытая книга знания и умения в виде человека.

С листами секретов, по которым он открывал мне двери в мир знаний и умений. Начал он с того, что показывал, помогая, и делал вместе со мной необходимый инструмент и приспособления для выполнения предстоящей работы. Помню, что изготовили полотно для предстоящей резки 100 мм заготовки, напильники для обработки винтовой ленточной резьбы, горн для плавки бронзы, приспособление для пайки двухзаходной винтовой ленточной резьбы на стержень винта. Всю эту работу я, как ученик, выполнял с охотой и любознательной пыткой учителя. Почему так? Зачем это или то? Чаще ответ был: “ Сам увидишь, работай”. И, правда по окончании работы я всё увидел и многое понял. Работа молотобойца освобождала голову от вопросов и с каждым ударом молота, по раскалённому железу, говорил - запоминай! Самым интересным моментом изготовления винта была пайка винтовой ленты на основу винта. К этому моменту готовились основательно - толкли стекло в порошок вместо буры, отбирали древесный уголь для нагрева

винта, готовили латунный припой. Сделали поворотное устройство для вращения будущего винта.

Мне оставалось только равномерно качать меха для подачи воздуха в горн. Грели всё это колдовское устройство будущего винта до светло-вишневого цвета, пока под расплавленным стекольным слоем, между ветками резьбы не заблестели расплавленные полоски латунного припоя. На этом колдовство над главной деталью пресса было закончено, осталась зачистка и изготовление гайки по винту. По винту сделали гайку, но эту деталь он доверил мне. Сам он занялся заказами, которые ему принесли из Ущакówki, Кандаков и других сёл. Пайку резьбовых лент также доверил мне.

За спешку, которую я хотел проявить, получил только подзатыльник. И я всё сразу понял. Через несколько дней мы закончили все работы и передали всё заказчику - “королю Карточного острова”. Оказалось, что срок у них был оговорён. Но Корж честно признался, что без моей помощи выполнить эту работу было бы намного труднее.

С нами рассчитались прекрасным кедровым маслом и ещё травяными настойками от всех болезней.

На острове он со своей женой выращивали лечебные травы для аптек и заказов мединститута. Этим прессом он добывал пихтовое масло и ещё разные экстракты из таёжных трав и черемши. К нему, по рекомендации знакомых, на остров приезжали на излечение раненные фронтовики и знакомые ссыльные товарищи. Мёд травы, чистый воздух, рыба делали чудеса, а слава о Карточном острове и его хозяине распространилась по всей Ангаре и Енисею. 1943 год был одним из самых тяжёлых для нашей Родины и всех её граждан, где бы они не были. И как важно было встречать доброжелательных, знающих и умеющих людей, внушавших веру в лучшее будущее. Трудности перестали казаться страшными и

непреодолимыми. А страшные вести о гибели на фронте и в тылу с каждым днём стали приходить всё чаще и чаще. С фронта возвращались единицы инвалидов, которые никак не могли заменить тех, кого мобилизовали из рядов подрастающего поколения. Моя командировка подходила к концу. Ждал, когда закончат сплотку первого плота, назначенного для Маклаковского л/з (Лесосибирск), и я на этом плоту вернусь в Енисейск. Было много свободного времени, занять которое решил изготовлением швейных иглолок их тросовой проволоки и крючков для самоловов.

Этот товар пользовался большим спросом в сёлах, где приходилось останавливаться. С каждым днём расцветала весна. И пока нет ещё назойливого комара и мошки, решил прогуляться в сосновый бор, находящийся в устье Тасеево и сходить в с. Макашовка на слюдрудник, там жили дядя Саша и Андрей с семьями. Это братья моей матери. И жены третьего брата Христиана с дочерью. Дядя Христиан был арестован и расстрелян в 1937 году. По скудным сведениям, которые скрывались от нас, его обвинили в том, что он хранил бумаги и дневники дяди Фёдора Богдановича Шмидта. Академика умершего в 1912 году, но участвовавшего в полярной экспедиции с полярником Колчаком. В 1917 – 18 годах Колчак возглавлял армию, воевавшую против Советской власти. Насколько это было правдой или просто донос не знаю. Но факт то, что жена и дочь Тереза так и остались в далёкой Сибири доживать свой век. Меня привлекал слюдрудник. Посетил дядю Сашу, дядю Андрея, раздал подарки детям Рудольфа, Альберта, Адели (?) ещё кому то и собрался на слюдяную гору. Видел я разные скалы на берегах Енисея и Ангары, но то, что увидел, поразило моё воображение. Был полдень и в зависимости от угла зрения слюдяные жилы отсвечивали как прожектора

в театре. Сначала боялся трогать, вдруг обожгут. Ландшафт этих мест нельзя было охватить взором. Кедрач, вперемежку с брусничником, закрывал скалы с прожилками слюды, но поверхность слюды пробивалась сквозь растительность своими бликами. Впервые увидел применение слюды в качестве стекла в окнах старых зданий в пос. Стрелка на Ангаре. Прочная слюдяная пластинка слегка желтоватого цвета, размером примерно 200x200 мм, вставлялись в рамы и образовывали окно из 6 – 8 сшивок. На Стрелке, я слышал, что эту слюду, а заодно и белую глину, привозят из Тасеевского рудника с. Маукашёво (ныне не существует). Теперь получил возможность самому увидеть и пощупать этот чудо кристалл и белую как сметану глину. Слюду добывали и вывозили на дальнейшую переработку, на слюдяную фабрику в г. Клюквино под Канском. Глину развозили как материал для побелки, как лекарство, а также для производства в фаянсовой промышленности. Образец слюды я взял себе на память, вырезал кубик 100x100x100мм и всем показывал, из чего делаются изоляционные материалы и свечи зажигания для авиадвигателей. На обратном пути на меня напала, невесть откуда взявшаяся, туча мошки закрыла солнце, как грозовая туча. Это значило, что приближается гроза. Эти твари забивались во все дырки и тесные места прилегания одежды. На следующий день я ходил опухший и слепой. Глаза приходилось открывать пальцами. Через несколько дней опухоль от укусов спала, выработался иммунитет и теперь, на всё лето страдания от мошки будут не столь трагичными.... Вернулся в посёлок сплавщиков рейда, а меня уже ждут – не предупредил когда вернусь. Получили телеграмму – умер в Енисейске отец. Сестра Тереза уже успела выплакаться, мне ещё предстояло. Сначала я держался,

но и у меня ком давил горло. Сказал сестре: “Пойду в лес на скалу, вернусь через час”. Я весь переключился на воспоминание об отце – “Тодди” как мы его звали.

Ни природа, ни окружающая красота на подходе к скале, никто и ничего меня уже не отвлекало. После некоторой поправки после, пережитого в блокадном Ленинграде голода, отца одолели фурункулы. Холодная и голодная зима в Енисейске сделала своё дело – отца не стало.

Для меня он был образцом доброжелательности. Судьба его сложилась так, что он не смог получить хорошего образования, и научиться какому – то ремеслу. Всё это досталось старшим братьям, которых было ещё трое, да плюс шесть сестёр. Отец был младшим, и назвали его Абрамом - последний. Ему не полагалось по наследству ни земли, ни жилья. Всё было уже разделено среди старших. Его доля – служба в армии и, если удастся, женится на богатенькой невесте.

В армию его определили в 1904 г., когда началась японская война, революция 1905 г., восстание на броненосце “Потёмкин”. Служил он тогда в Одессе, его часть была послана на подавление восстания, но не успела. Второй призыв был уже в 1914 году на Первую мировую войну.

В 1913 году он успел жениться на своей троюродной сестре – Екатерине Фёдоровне Шмидт и, уходя на фронт, оставил с женой первую дочь – Терезу. Служба в Брусиловской армии в качестве артиллериста оставила в его памяти много разных моментов из жизни солдат, походов по городам Польши и печальные случаи из периода отступления армии.

(Имеется в виду поход Красной армии, в Польшу в ответ на поход Армии Пилсудского на Киев в 1920 году). Фронтовые мытарства отца кончились в 1921 году в РКК. За это время успела размножиться семья – родилось

ещё двое девчат. Бедность, голод обремененность уже большой семьёй (Вычеркни), вызывали протест людей воевавших на фронтах Первой мировой и гражданской войн. Резко отличались семьи тех, у кого глава семьи не воевал, а наживался на военных поставках. Отец и мать вступили в Актив бедноты. Дальше семья стала прибавляться через 2 года, но уже мужского пола. Старший брат Абрам потом я и ещё через 8 лет, уже при коллективизации после коммуны, при подавлении НЭПа и массовом раскулачивании, родился брат Володя. Шесть человек детей и колхозное устройство хозяйства, без живых денег и галочки за трудодень, обеспечили нам полуголодную жизнь. Выручала корова и приусадебное хозяйство. Помню, когда шло раскулачивание, в тридцатом году, отца поднимали ночью что бы быть понятым при раскулачивании. Кто составлял списки на раскулачивание не знаю, а о недовольстве действиями властей, подслушал разговор отца с матерью.

Под раскулачивание попадали родственники, товарищи. У нас в семье оставались дети раскулаченных, на время устройства их родителей, на место ссылки. Первых раскулаченных отправляли в Хибиногорск на Кольский полуостров. Большинство из них начинали стройку комбината удобрений. Хорошо запомнились моменты, когда после горестных присутствий при описи имущества, отец приходил домой, рассказывал и сквозь слёзы говорил о безжалостном обращении с людьми, которые расставались тем, что было нажито или осталось по наследству. Всё повторилось при эвакуации немецких колонистов из Ленинграда, но без описи, особого насилия, но с потерей всего нажитого. И называлась эта операция по-другому. Хорошо запомнились 1933 – 34 годы. Голод, колхозников кормили в столовой – три картошки, краюха хлеба, морковный чай без сахара,

соль на столе. Эта норма на весь день. Колхозный скот частично подох от бескормицы, возникшей от неумелого и безграмотного руководства сельским хозяйством.

Коров подвешивали на верёвках под брюхо. Лошади еле передвигались от бескормицы. А всё потому, что поля, где раньше рос овёс, сено, ячмень и рожь засеяли пшеницей, которая неурожаем доконала всех колхозников.

(Пшеница и не могла дать большего урожая на переувлажнённых и кислых почвах Новосаратовкой колонии – Составитель). Отец приходил домой с краюхой хлеба, которую сам не съел и делил её среди нас. Младший брат Володя в свои три года только и мог говорить БРОТ. Хлеба, хлеба – больше он ничего не просил. Это пережили! Наступила вторая волна репрессий. Убили первого секретаря Ленинградского обкома С.М. Кирова. Он заезжал к нам в село и разговаривал с колхозниками. Его ценили, уважали.

Мать была делегатом 1-го съезда колхозников Ленинградской области. И после этого съезда его убили. Мать тоже была задержана на 2 недели, но её освободили. Репрессии среди жителей нашего села русских, немцев не прекращались до начала войны.

В каждой семье, если не родные, то родственники были репрессированные. Никто уже не спрашивал, за что.

И вот после всей невесёлой жизни, фронтовые мытарства, простуды, голода в разные годы, подорвали окончательно отцовское здоровье. В апреле 1943 года отца не стало. Мне всегда казалось, что он любил меня больше всех. Он кормил меня на коленях до 3-х лет.

Мы вместе, ещё много лет, чистили картошку на завтрак. На завтрак варили и жарили картошку на молоке. Всё это он делал, пока мать доила коров, и готовилась на базар продавать молоко, что бы купить

хлеб, масло, сахар. Это и ещё многое другое вспомнил и не выдержал, заревел так, как ещё никогда не ревел. Сидел я на камне около сосны, изредка поглядывал на стремительный поток тасеевской воды, перетекающей через камни у подножья высокой скалы. Выплакался – все воспоминания кончились, вздохнул глубоко, резко встал, сказал: “Хватит”! И пошёл к дому.

Мне на поминки выписали 0,5 литра спирта. Помянули, и на этом кончилась всякая связь с отцом, которая всегда теплилась в душе.

Мура. Река Мура – приток Ангары. В месте впадения Муры находилось спецпоселение. Туда ссылали проститутки. «Мурки» и на Ангаре не скучали.

Посёлок находился *(в настоящее время он не существует – Составитель)* на высоком и красивом берегу при впадении Муры в Ангару. На скалах была надпись: «Если хочешь поепти, то на Муру пойти!» Новая партия. Привезли новую партию ссыльных, это были калмыки. Один из ссыльных был награждён орденом Красного Знамени. И, тем не менее, его выслали вместе с семьёй. Их всех обвинили в создании, вместе с евреями, сепаратного государства.

Охотничьи рассказы. Оморочка – лодочка, сделанная из лёгкой кедровой древесины. Предназначалась она для одного гребца с небольшим грузом. Её можно было перенести за спиной, вместе с грузом, в тех местах, где река делала петлю – перетасках. С помощью двух шестов лодочка превращалась в санки.

Оморочки были довольно неустойчивы, управлять ею было сложно. Их ещё называли душегубками. Охотник Бурмакин рассказывал, что его оморочка служит ему уже 15 лет, и он уже штук пять медведей на ней притащил.

Мишек он добывал не ради мяса, а из-за шкур. Добыл Бурмакин 99 шкур – больше нельзя. Это плохая примета. Медведь приходил на приманку – тухлое мясо дичи. А тут ставился самострел в виде заряженного ружья. Охотится на медведя, с ружьём в руках, считалось неприличным и опасным делом. Медведя не шкурили сразу т.к. пока он не замёрзнет, снять шкуру не возможно. Между замёрзшей шкурой и салом забивались клинышки и тогда она достаточно легко отделялась. И всё равно эта была тяжёлая работа не на один час.

(Скорее всего, в начале зимы, таким образом, добывались медведи, не набравшие достаточно жира на зимнюю спячку – Составитель).

Один раз мне пришлось помогать Бурмакину ошкуривать медведя, а затем вывозить мясо на нартах. Дело тоже оказалось не простым. В гору затащишь, а с горки нарты тебя обгоняют. В одной из ходок я на спуске попал в петлю для сохатых. Бурмакин ругается: - Вытаскивать теперь на гору нарты и тебя из петли. Мясо заготовливали для лесорубов. Очень много было зайцев, которые протапывали тропу в глубоком снегу. Эту дорожку использовали и другие обитатели леса и охотники. Лося не сложно было загнать – зверь тяжёлый и больше часа бега не выдерживает. Если он сходил с заячьей тропы резал ноги об наст и попадал в руки охотника без стрельбы. Однажды зимой на меня вышло стадо лосей. Я был на лыжах и от неожиданности и страха, а страх был большой, упал.

Но лоси, когда увидели меня, обошли стороной. Бурмакин мне сказал: “Они ж не видели тебя”.

А мне надо было сходить в село и забрать подводу с лошадьми для вывоза дичи. Возвращаюсь, а Бурмакин ругается:

– Утащили у меня одну тушу!

– Как!? Кто утащил?

– Да росомаха. Ну, я её поймаю.

Поставили несколько ловушек. В первую ночь росомаха приманку унесла, но во вторую попалась.

Мясо росомахи не съедобно из-за запаха. Но я сказал: – Отдайте мне её, отвезу тем, у кого ничего нет.

У меня двоюродный брат на плотбище жил – отвезу ему. Они голодные сидят – съедят и росомаху. Отвёз им – были очень благодарны - немного подкормились.

И не только подкормились. Моя двоюродная сестра с детства страдала костным туберкулёзом.

В школу она не могла ходить – учителя приходили к ней домой. Так вот – через несколько месяцев ноги у неё выздоровели.

(Подтверждаются легенды о сильном лечебном свойстве мяса хищников – падальщиков. Вероятно, их организмы вырабатывают природные антибиотики, которые помогают животным выжить – Составитель).

И она, на моё удивление, даже собралась осенью выходить замуж. Но случилась несчастье – её убило деревом на заготовке леса.

Бурмакин и Бурмакино. Бурмакин (имени автор не помнит, возможно Богдан) был уроженцем деревни Бурмакино на берегу Енисея. Деревня была небольшая 10 – 20 дворов. Жители занимались охотой и рыболовством.

(В настоящее время Бурмакино – окраина города Новоенисейска. В военные годы охотники получили разрядку на добычу дичи для снабжения трудармейцев на лесозаготовках. Ценная пушнина шла на экспорт. Собирались лекарственные травы, в частности в большом количестве в госпиталях поставлялся мох сфагнум. Волокна, высушенного мха способны

впитывать влагу в соотношении 1:1000. Лучшей подстилки придумать трудно. Никакой памперс не сравнится. Бурмакин владел отличным литературным языком, что характерно для сибирских поселений, удалённых от влияния «новояза». Люди книги читают и говорят по писанному – Составитель).

Как то Бурмакин говорит мне: «Что - то от тебя плохо пахнет. Пойдём, поможешь мне». Я месяц в тайге, и в баню не ходил. Мы принесли немного дров к обрыву у реки Чуна. А там вырыта пещерка, небольшой вход закрыт шкурой. Натаскали воды в деревянную лохань.

Вне бани растопили костёр. Накалили в нём камни и с их помощью нагрели воду. Немного горячей воды на камни – мгновенно поднимается температура в баньке, аж уши сворачивается. Хорошо пропарились, помылись тёплой водой из чана. В остатках воды замочили одежду. Нагребли золы из костра – получился щелочной раствор. Отлично постирались. Потом выложили одежду на снег, и она быстро выморозилась. Мы как заново родились.

Свинец и золото. Для рассредоточения эвакуированных новосаратовцев, были выбраны места в Западной Сибири. Основная работа была на лесозаготовке в верховьях Енисея и Ангары. Добраться до этих мест можно только после ледохода. Енисей освобождается ото льда гораздо раньше Ангары, благодаря более тёплым водам с верховья. Мы почти месяц, до 15 – 20-го мая 1942 года, ждали на Стрелке (место впадения Ангары в Енисей) открытия навигации по Ангаре.

На Стрелковском рейде была контора по заготовке леса. Напротив Стрелки река имеет высокий берег с тёмно-серой породой. На берег можно было подняться по вырубленной в породе лестнице. В обрыве было видно несколько отверстий. Это были штольни по разведке

цветных металлов. По рассказам охотников, возраст штолен мог быть гораздо больше. Там уже сотни лет добывался свинец. Точный состав руд был неизвестен, но люди, работавшие на добыче свинца, болели.

На том берегу никто не жил, хотя место было высокое и привлекательное. Уже позже, когда я работал на буксире, привезли партию власовцев и поселили на этом правом берегу. Ещё до войны здесь находился лагерь для заключённых. На берегу Ангары ниже штолен лежали кучи заготовленной свинцовой руды.

(По некоторым данным, до 1953 года из этой руды добывали и стронций. Он использовался для изготовления электронных ламп, синтеза водорода и в атомной промышленности. Избыток стронция и свинца в организме вызывает различные костные заболевания – Составитель).

Кое-кто самостоятельно заготавливал свинец для хозяйских нужд. Порох охотники сами делали, а вот свинец был в большом дефиците. Иногда приходилось использовать золотые пули, но в случае промаха это была большая потеря. На Енисее, ниже Стрелки была деревня, в которой находилась лечебница для страдающих костными болезнями, в том числе и карликов.

(Как результат избыточного потребления стронция. Отсюда рождается сказка - гипотеза о том, что европейские гномы – карлики, это просто потомственные горняки, добывающие свинец с содержанием стронция – Составитель).

Называлась деревня Вороново (?) и была снесена большим наводнением около 1942 года. По рассказам пассажиров буксира, где-то здесь была и лечебница – лепрозорий для прокажённых.

(Данную информацию мне ни подтвердить, ни опровергнуть не удалось – Составитель).

Ищенко. Это были 1947 – 56 гг. Это были годы, когда я был в положении интернированного.

(Об этом в другой главе – Составитель).

Я окончил техникум и работал модельщиком, затем технологом по модельному делу в литейном производстве. Меня очень хорошо приняли в этот цех. Потому что специалистов с техническим образованием на предприятиях осталось очень мало.

Большинство специалистов ушли на фронт и вернулись единицы. Большинство руководящего состава были практики без образования, но выдвигались на руководящие должности по партийной линии.

В техникуме эти руководители учились заочно. Некоторые не знали даже таблицы умножения. Во время учёбы, нам приходилось выполнять за них лабораторные работы. Из Красноярска нас выслали в Ачинск, где я работал формовщиком. И только здесь я увидел, в каком многонациональном государстве мы живём. Большинство ачинцев были высланы за мелкие “прегрешения” – кулачество, антипартийную агитацию т.д. Они имели право выписать свою семью.

Со многими ссыльными я общался. Кое-что они, тайком и со страхом мне рассказывали. Например, бригадир литейщиков-формовщиков Ищенко рассказал мне причину ссылки. Его сослали вместе с отцом за какую-то потешную штуку – его отец, работник поссовета, курил трубку. И вдруг кто-то написал бумагу о том, что отец подражает Сталину. Вот за это вся семья оказалась в Ачинске.

(Это о вреде курения для здоровья – Составитель).
Ищенко был хорошим организатором.

В коллективе работало много женщин. После выполнения операции работница ставила клеймо на изделие. Иногда эта метка была плохо различима и в

случае брака возникали споры – кто допустил ошибку. Женский спор на работе вещь всеразрушающая.

Ищенко с помощью шуток и анекдотов разруливал обстановку. В Ачинске я нашёл много друзей, которые доверяли мне, несмотря на гонения за “длинный язык”.

На каждые 10 человек, стоящих на учёте, был один доносчик. Он писал докладные коменданту, тот при необходимости, докладывал по инстанции, и следовало то или иное наказание. Мне как то не приходилось быть наказанным. Я хорошо уживался со всеми.

Мы иногда выезжали на природу - на рыбалку. И даже со своими надзирателями. Всё-таки у нас был не лагерь, а рабочее поселение. Большинство из ссыльных у нас были образованные и культурные люди. Мы многому научились у них.

Сосланные или спасённые.

(Эта глава, из-за необычности информации, пишется в виде диалога между Автором и Составителем, и максимально передаёт реальный разговор, состоявшийся 12.07.2013. В ней описывается период жизни на Ангаре и Енисее).

Автор:

– Я хочу затронуть тему интернированных или переселённых разных национальностей.

Как ты относишься к этому?

Составитель:

– В этих регионах до ВОВ шла вялотекущая междоусобица. Прибалты и поляки грабили и резали украинцев и белорусов, финские горячие парни жгли свои бывшие усадьбы вокруг Ладоги. Поляки сильно хулиганили на сопредельных территориях. Короче “Пятая колонна” в действии. Поднимать сейчас тему, «малых народов» пострадавших в Сибири от Сталина,

считаю не совсем правомерной. Да они там не страдали, а отсиживались от войны. Да это была не райская жизнь, но и не прифронтовая полоса или концентрационный лагерь. Автор:

– Да. Они там отлично жили! Полякам шла помощь из США. Я зимовал в одной польской семье. Глава семьи по фамилии Король (Карол) на родине был лесником. Сослан был на р. Чуна и работал начальником Чунской мехбазы. Когда мы приехали туда, я удивился, почему столько поляков? А почему столько финнов и латышей? Жили мы и работали все в одинаковых условиях. Механическая база там образовалась вот почему. Поляки, в своё время, организовали уборку леса с болотистых мест с помощью намораживания. Делался ледяной жёлоб, на него ставились специальные сани большёго объёма. Сбоку от жёлоба намораживалась дорога для трактора, который без труда доставлял лес до Чунской Мехбазы. Таким образом, вывозился лес из мест недоступных ни технике, ни лошади. Чунскую Мехбазу строили новосаратовские немцы. Жили спецпоселенцы разных национальностей исключительно мирно и дружно. Поляки начали уезжать на родину в 1944 году, когда началось освобождение Польши. Я был очень близко знаком с одной девушкой – Женей Кароль. У неё было 4 или 5 братьев. Взрослых забрали в армию (*Польскую освободительную армию*). Остался один, по имени Пётр. А у меня была мандолина. Он попросил: «Подари мне мандолину». Я ему подарил. Меня тоже хотели в армию забрать – Немецкую освободительную. Но не получилось. Когда начали собирать. Выяснилось, что новосаратовцы – блокадники здоровьем не отличаются. Так от меня и отстали. Меня послали в Красноярск за новым катером, а Женя так была в меня влюблена, что 100км. шла за мной пешком. Потом

польские друзья её подобрали и отослали обратно к родителям. В тех местах больше всех было сосланных поляков и финнов. Немцы были в меньшинстве.

Составитель:

– Ты ответь мне вот на такой вопрос. Работа была у всех?

Автор:

– У всех, с избытком и по специальности.

Составитель:

– Значит все, кто мог работать, а работать, обязаны были все – война шла.

Автор:

– Работали, вдоволь.

Составитель:

– С голоду ни кто не умирал?

Автор:

– Нет! Не было такого. Часто посылали одного - двух охотников в тайгу на заготовку. Дичи было достаточно. Была проблема с тканой одеждой. Так приспособились – шили зимнюю одежду из меха. Зайцев было столько много, что мы ходили как по дороге. Мы их не стреляли, а ловили в ловушки. Ставили петли и хлопушки. Приманкой служила сточка, на которую достаточно было пописать. Заяц попадался при попытке добыть немного соли. Были созданы бригады для шитья меховой одежды. Заготавливалось кедровое масло, ягоды, грибы, травы. Этот район очень богат дарами леса. Много рыбы и дичи.

Составитель:

– Скажи ещё. Люди были недовольны, озлоблены и обижены?

Автор:

– Ничего подобного! Мне люди говорили: «Мы здесь так мирно живём. Исключительно мирно. Условия здесь были гораздо лучше, чем в других местах

Сибири. Новосаратовцы говорили: «Слава Богу, что нас эвакуировали! Мы хоть выжили!! Если бы не это – мы бы с голоду все сдохли через месяц!» И поляки также: «Нас бы там зарезали!» Никто из ссыльных не знал причину переселения. Никто не жаловался на жизнь. Люди были доброжелательные, друг - другу помогали. Все мы были в одинаковых условиях. Лес валить, так лес валить. Большого содружества между разными национальностями, чем в тайге – на Чунояре, я нигде не встречал. Мы организовывали и культурную жизнь – танцы, выступления. Общались между собой. Про одного человека я хочу рассказать. Это начальник навигации по Енисею или Ангаре – Телегин. Он составлял навигационные карты. Его отец, в своё время, был владельцем судостроительного заводика. На нём был построен и катер, на котором я работал мотористом. Одним из капитанов на Ангаре был Брюханов Анатолий Ипатович (Ипатич).

Спокойная жизнь. Если говорить по-честному, то самая спокойная жизнь для нас переселенцев – новосаратовцев был период проживания в Сибири с лета 1942 до 1946 год. Все были напуганы происходящими событиями. Нас называли не спецпоселенцами, а эвакуированными блокадниками – ленинградцами.

Жили свободно, у всех были документы. Ни коменданта, ни спецкомендатуры. Мы все были свободны до 1946 года.

(Я думаю, что результата войны никто предсказать не мог, не правительство, не власти на местах. А на бытовом уровне, если кто и желал обидеть немца - попридерживался. А ну как оно повернётся? Да и помнили ещё люди Гражданскую войну. Опять же могли сказать: «Хочешь с немцем воевать – пожалуй братец

на фронт, все условия тебе создадим» – Составитель). Кончилась война, и тут началась другая война – люди захотели домой. Они же свободные. И пошло – домой, домой, домой! Но время-то прошло, поженились, замуж повыходили, поменяли фамилии. Русские стали немцами, немцы русскими – по фамилии. Немцы, финны, прибалты, поляки и прочие считались эвакуированными до 1946 года. И вот, когда многие решили вернуться на родину, их официально перевели в разряд интернированных. То есть лишили права свободного перемещения, выбора работы и т. д. и т. п. Конечно большая часть переселённых уже пообвыкла и уезжать никуда не собиралась. А вот тек, кто поехал домой таким плотным кольцом обложили, что выехать было крайне трудно. На транспорте документы проверяли, и если в паспорте стояла не русская фамилия - направляли обратно. Это касалось только фамилии, на имя – отчество внимания не обращали.

(Эти события по времени жёстко привязаны с Фултонской речью Уинстона Черчилля и началом Холодной войны. Если бы все желающие уехали из Сибири – промышленность остановилась. Ведь множество заводов на западе страны было разрушено или эвакуировано за Урал и в Среднюю Азию. А страна, тягивалась в Ядерную гонку. Кроме того в 1946 году, из-за засухи, но в основном по причине разрушенного сельского хозяйства в западных областях, наступила угроза голода. Интернирование эвакуированных и разного рода спецпоселенцев).

Сгоревшая “Аврора”. Май 1943 года.

Как я уже говорил, всё топливо шло на фронт и наш катер имел газогенераторный двигатель, работающий на дровах. Маслярщица, которая

обслуживала наш катер, принесла со склада обтирку для ухода за двигателем. Когда она проходила мимо газогенератора, произошёл выброс пламени, ветошь загорелась. Пожар начал быстро распространяться по катеру. Рядом стояло несколько катеров и в случае распространения огня на соседние суда, весь ангарский рейд мог остаться без транспорта. Наш катер “Сын” стоял рядом. Я выскочил, сбросил трап и отпустил горящий катер по Ангаре. Капитан по фамилии Тейн успел заскочить на свой катер, пробовал потушить.

Но конечно ничего не получилось. Тогда он открыл кингстон и затопил катер. После этого происшествия мне выдали премию, а В. Абалаков - известный альпинист, написал на скалах имя сгоревшего катера - “Аврора”. Этот случай произошёл на Стрелке, а надпись была на скалах напротив Царь камня, на правом берегу Ангары.

Сибирская почта. Не запечатанные треугольники писем то того нам осточертели, что люди начали отказываться от государственной почты. Письма начали передаваться со знакомыми, попутчиками и т.п. Эта народная почта работала гораздо быстрее и надёжней, чем официальная.

Домик Сталина. Один из ссыльных – Негода, отсидевший срок и получивший поражение в правах – без права жить в крупных городах, рассказывал: “Пошёл в один военкомат, там сказали, что такого длинного им не одеть. Не шить же форму для одного. Да и кровать надо длинную и т.д.”

Роста Негода был 2 метра 15 см.

Он переехал к брату, там тоже не ставят на учёт и в армию не берут. Болтался по Москве, его обвинили в дезертирстве и отправили в Курейку. Там его послали

на строительство пантеона в память Сталинской ссылки. Бригадой строили укрытие над копией домика Сталину. А строить на вечной мерзлоте – большая беда. Предыдущей бригаде дали чертежи, по Енисею пригнали локомотив для подачи электричества. Поставили эту установку на фундамент, а через месяц этот агрегат ушёл под землю – оттаяла вечная мерзлота. Всю первую бригаду расстреляли (по слухам). Прислали новую. Эти уже применили новые технологии. Углублялись в мерзлоту метров на 8, ставили трубы-сваи и заполняли их керосином, который летом хранил зимний холод.

Скульптура Сталина. Когда я работал в Красноярске, это ещё в 1949 году, часть бронзовой скульптуры – бюст отливали у нас на заводе. Бронзу плавил в электропечи сталелитейного цеха. Для плавления бронзы нужна была специальная футеровка (внутренняя облицовка печи), но план по выплавке стали нам не сократили. Модель бюста Сталина я видел, но под большим секретом, мы доделывали технологические каналы для качественной отливки. После отливки части бюста, пришла команда на варку стали определённого качества. А у нас печь, после плавки бронзы, требует перекладки футеровки.

Главного инженера чугунолитейного цеха – Койнова, вызвали “на ковёр” и устроили нагоняй за срыв заказа. Он вспылал и сказал - Вы что же, сначала засрали печь, а теперь требуете с меня сталь. Кем и чем засрали было понятно. После таких слов начальника цеха сняли и дальнейшая судьба его нам не известна.

В 1980 году один из ссыльных рассказал, как свергали памятник Сталину в Курейке. Его уронили и пытались разобрать, но это оказалось не под силу. Тогда прицепили его трактором и потащили на лёд Енисея. Но лёд не выдержал нагрузки и проломился.

Под воду ушёл и памятник, и трактор и тракторист.

(По поводу сноса памятника ходит много рассказов и противоречивых легенд, не будем углубляться в это. А вот что удалось выяснить при сравнении фотографий памятников Сталину – скульптуры в Курейке и в Москве возле Третьяковской галереи к выставке “Сталин в искусстве” идентичны. И с большей долей вероятности, можно утверждать - они отливались по одной модели, только одна из гипса, но скорее бетона - для Курейки, другая из бронзы - для Москвы. Назначение отливки было большим секретом для работников завода – Составитель).

Строители Сорска. Из Ачинска мы с Маей попросились, а комсомольскую стройку в Сорск, на строительство молибденового комбината. Мая с детьми доехала самостоятельно, а мне пришлось ждать конвоя. Через два месяца мы объединились. Стройка была ударная и для выполнения плана прислали десять тысяч заключённых. Среди них была большая партия крымских татар, украинцев - бандеровцев, латышей, эстонцев, греков с Крыма и других национальностей. Большинство из заключённых были хорошо образованы и имели рабочие специальности. Хуго Маркович был энергетик высокого класса. Его поставили начальником электростанции, которая вначале была дизельная, потом привезли демонтированную станцию из Германии. Чертежи были на немецком языке - приходилось разбираться. Меня поставили прорабом на стройку. Молодых семей было только две. Ода семья – Хрущёвых, у них было четверо ребятшек, и наша семья – Шмидты. Хрущёв он был с Днепропетровска, примерно нашего возраста. Мы, как люди с детьми, освоились и подружились. Приехала партия комсомольцев,

окончивших Ленинградский Политех.

Это были Александра Михайловна и Борис Михайлович Благих. Они ждали ребёнка. И мы ждали пополнения. Мы договорились быть крёстными друг у друга. Наши друзья решили сложиться и купить нам корову. Нашли продавца и не только коровы, но и бычка. У нас не хватало только умения доить, и не было места для скотины. С этим нам ребята помогли - построили стайку с сеновалом. Несколько дней я подоил, умел с детства. Потом Мая научилась сама справляться с этим делом. С этой коровой мы прожили 6 лет. Настал 1956 год. Пришла освободительная директива о том, что все спецпоселенцы освобождаются из-под надзора Спецкомендатуры и получают право на паспорт. Друзья сразу сказали: “Стройте себе дом”.

А какой дом, и из чего? В этом году в Сорске построили ремонтные мастерские, а старое здание продавалось по остаточной стоимости на дрова. Мы по быстрому выписали себе 40 кубов. Этого материала хватило на постройку дома. Мы взяли летние отпуска, получили отпускные и с ребятами – Благих Сашей, Баженовым и другими собрали наш дом за месяц. Хорошо нам помогали ребята из Латвии, отсидевшие 10 лет и получившие 5 лет спецпоселения, за то, что были зачислены в СС. В 1956 году ссылку с них сняли, и они уехали в Латвию. Комбинат начал развиваться, и мы получили повышение по работе. Наши друзья разъехались, получив повышение. Супруги Благих уехали на стройку в “Почтовый ящик”, затем в Норильск. Встретились мы снова в 1980 году. Мы с Маей путешествовали по Енисею по маршруту Минусинск – Норильск. Там мы встретились с давними друзьями – Александрой и Борисом Благих.

Сибирь – учёба – семья. Через месяц после начала войны прервалась учёба и с ней жизненная установка – найти себя в учении. И вот позади 5 лет войны. Победа! Мысль найти себя в учёбе вернулась с новой энергией. Заявление, вызов, и вот я в Красноярске. Жду начала экзаменов в красноярский речной техникум. Провалился по предмету “Конституция СССР”.

Но нет худа без добра. Кто-то подсказал: ”В Красноярский механический техникум 9 – 10 класс принимают без экзаменов. Приехал в техникум, сдал документы и был принят в группу литейного производства. С этим делом был немного знаком. В зимнее время, когда ремонтировали судовое хозяйство, приходилось изредка работать в литейном цехе в качестве разлищика металла. Стипендия в этой группе была в два раза больше, чем в группе холодной обработки металла. До начала работ устроился в техникуме на работу по ремонту и заодно возчиком в конном парке. Годом раньше в этот же техникум поступила Гаврилюк Мая Петровна. Мою половину нашёл в нашем общежитии – дощатом бараке со стенами, утеплёнными древесными опилками. В этих бараках сначала жили заключённые, а к концу войны, трудармейцы из разных регионов СССР, строившие военный завод на 7-ом участке в Красноярске. Зимой поднять температуру в этих бараках выше 10 – 11 градусов было большой проблемой. Уголь и дрова приходилось “доставать”. Мы организовывали рейд – набег на забор огораживающий склад. Несколько минут, и часть забора разобрана и спрятана под пол или в постели кроватей. Охрана ни разу не разгадала, куда делся забор, и кто его разобрал. Наша студенческая братва, одетая в солдатские шинели и другие обноски родителей – фронтовиков отличалась тем, что жили мы дружно и весело, не обращая внимания на то, что

желудки наши всегда были полупусты. Зов желудка – “Хочу есть!” – глушили играми, песнями и музыкой.

Все этим даром владели довольно сносно. Жили в одном бараке на 200 человек. Булка хлеба на базаре стоила 300 рублей, и моя стипендия была 300 рублей, у Май Петровны 180 рублей. Хлеб мы не покупали, нам его выдавали по продуктовым карточкам – жёлтым, розовым, голубым. На талончике была напечатана дата и вес хлеба, крупы, масла и сахара на месяц. Продавщица с, обязательными ножницами, отстригала талончик, на выданный продукт, наклеивала его на листок и после этого взвешивала твою норму. Одна конфетка – самодельная карамелька без начинки стоила на базаре 1 рубль. По карточкам, студент мог получить 400 гр. хлеба в день. А в месяц 300 гр. сахара, столько же жиров, 1кг. крупы, немного мяса или рыбы. Нас преследовали кошмарные сны. Угроза потерять карточки, а это почти верная смерть, держала нас в постоянном стрессе. Одежды никакой не продавалось, раз в год выдавались талоны, которые отоваривались мылом, тканью, обувью. В 1947 г. открыли магазин коммерческой торговли хлебом. Все ждали такой торговли, но никто не ожидал, что это будет атака неорганизованной толпы на хлебные прилавки. Первые недели люди занимали очереди с вечера, стояли всю ночь, записывали номера.

В этом случае, ни один студент купить хлеб не мог. Вмешалась милиция, как сейчас помню её начальника по фамилии Косянов. Он приходил утром, подходил к кучке студентов, выстраивал их в очередь и подводил к двери магазина. Длинную очередь он разворачивал, кто был первым – становился последним.

Справедливость была восстановлена. Дикую, стометровую очередь ликвидировали, узрев среди них спекулянтов. В магазин запускали по 50 человек и от

прилавка к двери счастливого выносили по головам, так как другого способа выбраться не было.

Пока всех студентов не обслужат, никого из общей очереди в магазин не пускали. Сколько крепких слов сыпалось на счастливых с буханкой хлеба в руках счесть невозможно. Битва за хлеб сопровождалась разными приключениями и событиями, которыми я делился с Маей. Всё, что добывал съестного, мы делили поровну, не будучи женатыми. Исполнилась наша мечта поесть хлеба досыта. Мы умудрялись даже засушить сухарей. Продуктовые нормы увеличились, но получить их удавалось не всегда, а съедали их быстро. Нас спасало то, что мы начали питаться в студенческой столовой, куда сдавали свои продуктовые карточки.

Техникум имел своё подсобное хозяйство, и на нём работали студенты и учителя. Они же обслуживали столовую, и вели контроль над расходом продуктов. Когда мы поженились, встал вопрос о постельном белье. Купить в магазинах что-либо было невозможно. Моя мать подобрала мне на подушку, какие-то тряпки, которые назывались американской гуманитарной помощью. Но на этом она не остановилась и искала что-то в других подушках. Вот она воскликнула и начала пороть наволочку. Внутри был парашютный шёлк. Сколько страха я натерпелся из-за этого поганого шёлка.

Это была моя доля того самого парашюта с новосаратовских полей. Упаковал всё, что подобрали нам для начала супружеской жизни, в рюкзак и портфель и ждал парохода «Мария Ульянова» с Дудинки. Постельные вещи, верхняя одежда, изрядно изношенная за годы войны. В душе я был рад, что еду не с пустыми руками, а с подарком. Это были кофточка, которую мать сшила из шёлка, подушка и постельное бельё вместо казённого техникумовского.

Пришёл пароход, но свободных мест нет, билеты распроданы на месяц вперёд. На запад, на родину ехали люди в места, ещё недавно находившиеся под оккупацией. Мне удалось сесть на пароход, на верхнюю палубу «зайцем», устроившись в одну семью из Енисейска. В Красноярске все пассажиры прошли паспортный контроль. Половина была отправлена обратно в места поселения. У меня вместо паспорта был документ о том, что я работник завода им. Ворошилова. Но страх, что меня могут задержать за безбилетный проезд, или как спецпоселенца, сковывал душу. Я не знал, пока мать не сказала, что всех немцев, финнов, латышей и прочих инородцев поставили на учёт.

Мы должны были один раз в месяц отмечаться в комендатуре – чтобы не сбежали. Никто из эвакуированных не мог понять, за что такое наказание. Я рассказал всё это Мае, и мы пытались оправдать действия правительства тем, что если все уедут, то кто будет работать. Почти весь рабочий класс края состоял из эвакуированных и заключённых спецлагерей. Правду мы узнали в 1956 году. А вот как жили мои родные в Енисейске. Кроме карточной системы, рабочим выделяли земельный участок в 4 сотки. Не успел я приехать, как в тот же день мы всей семьёй – я, брат Володя, сестра Эрна с сыном Леней и Мама пошли пахать и боронить свой участок земли. Впряглись в упряжку и выполнили работу лошадки. Мы за один день подготовили почву под будущий урожай картошки. Все заработанные деньги уходили на выкуп продуктов по карточкам дрова и керосин. Мать была искусная вязальщица.

Стропы от парашюта она распустила, связала какие-то вещи и продала на базаре. Она призналась, что хотела поменять на продукты и шёлк, но побоялась, что может подвести меня – всё же краденое. Вселенский страх

заставлял нас быть всегда на страже. Люди предавали друг друга даже в ссылке. Морально я был унижен – вечное поселение. Всегда хотелось излить кому-то свою обиду. Я доверился Мае. Ей можно теперь без особого страха рассказать всё, что наболело. Голодное время постепенно уходило в прошлое, но кто знал, что коммунисты благодаря своей безграмотности и жадности повторят голодную эпоху в 1980-е и, в конце - концов, развалят страну. Перед тем как поехать в Енисейск, сделал себе блокнотик из бумаги для светокопирования чертежей, и в свободное время записывал свои мысли и делал наброски для мебели и инструмента. Сидел на берегу в ожидании парохода, и делал пейзажные наброски. Редкие прохожие останавливались, заглядывали в блокнот. Возможно, многие думали: “Может он шпион”. Обстановка была такая – в городе ссыльных, а их было в два раза больше чем местных жителей, все следили друг за другом. Кое-кто подходил, и с оглядкой пытался разговорить. Спрашивали, как живут в столице края, что слышно о свободе и когда она к нам придёт. Если б что и знал, то делиться было бы небезопасно. Но, по иронии судьбы, подошёл Саша Александров. Когда я ещё работал на катере, он был приставлен ко мне учеником моториста. Мы с ним сдружились и понемногу откровенничали.

В ссылке он был с матерью, очень миловидной женщиной, ещё молодой, но совсем седой. Механик из Сашки не получился. Ходить в плавание, ему было не суждено. Его пригласили работать учителем немецкого языка в школу. Немецким языком он владел в совершенстве. Отец Сашки был послом в Австрии, и он учился в немецкой школе. Началась война, отца обвинили в измене родины. Всю семью сослали в Енисейск. Позднее Сашка узнал, что это было ложное

обвинение и отца реабилитировали. Мы с ним не подозревали, что кто-то может на нас настучать.

Я бывал у них дома, беседовал с его матерью. Но после того как к ним пришёл представитель из органов и начал расспрашивать: “О чём мы говорили?” – нашей близкой дружбе пришёл конец. Так было лучше для обоих. Запомнилось мне то, о чём он рассказывал, когда они жили в Москве, в кремлёвском квартале. Жили они обособленно от народа.

Друзьями у него были дети Ворошилова и Молотова. Мир кремлёвских семейств был известен им, и сами они вели себя подобным образом. И вот мы снова встретились. Он был старше меня, получил хорошее образование, разбирался в живописи лучше меня и удивился, что я умею немного рисовать, не получив специального образования. Мы разговорились. Сашка поведал мне о своей неудачной женитьбе на жадной девушке, о хлопотах по реабилитации отца и о возвращении в Москву. В Енисейске он был единственным моим другом, с кем я мог делиться своими мыслями, не боясь, что он на меня донесёт.

Год спустя, снова встретил Сашу Александрова, но уже в Енисейске, когда встречал родных в речном порту. Он стоял с охранником. Я робко подошёл к ним, попросил у охранника разрешения поговорить с другом. Охранник отошёл в сторону и Саша рассказал, что ждёт какого-то важного начальника из Москвы, что его отца реабилитировали, и он представлен к высокой награде за спасение советских солдат из плена. Разговор был коротким – подоспела машина, и он уехал. Его рассказы о жизни кремлёвской элиты поражали меня.

Верить ему я не хотел, но глаза мне он раскрыл. Первые сомнения о безгрешности Коммунистической партии поникли в мою душу.

У нас начались квартирные хлопоты. Скоро приедут студенты и нас должны выселить из общежития, где мы занимали 6-ти метровую комнату.

(На этом мемуары Александра Абрамовича Шмидта заканчиваются. Он проживает на Украине. У него пятеро детей, определённое количество внуков и непрерывно растущее число правнуков – Составитель).

Из воспоминаний Ирмы Адольфовны Ладе.

(Ирма была вывезена из Новосаратовки в десятилетнем возрасте вместе со всеми. Одна из немногих, вернувшихся на родину. В настоящее время проживает с семьёй в Уткиной Заводе, что недалеко от Новосаратовки – Составитель, 2003 год).

... У бабушки было семь детей, было одиннадцать, а взрослыми было семь...

...У тех, у кого были имена Адольф – хоть они и не виноваты были – тех угнетали больше. Я имя своё не изменила. Как Ирма была, так и осталась, кто хотел, звал меня Ира. Когда стали притеснять немцев они стали русскими, когда стало лучше немцам они стали немцами. Но я оставалась сама собой. Плохо было немцам – я оставалась с немцами – хорошо стало немцам, я с ними...

... Александр Богданович Роо. Когда была церковь – он играл, и сестра его Лиля играла на органе. У них вся музыкальная семья была. В 1936 – 37 гг., дядя был дирижёром. Орган, во времена борьбы с религией, разломали, растащили...

... Когда война началась – скот у нас весь отобрали и погнали из города, но фронт замкнулся, прежде чем стадо миновало линию обороны. Скот, вернувшийся в село был забит на нужды города.

На территорию нынешней водной станции была сделана скотобойня...

... Один раз осколок попал во второй этаж нашего дома – прямо в подушку и по всему дому перья летали...

...За селом убило лошадь, и туда ходили кошки - кормиться.

Я поймала кошку, и мать её сварила. Ели все, в том числе и матросы, которые были у нас на постое...

... Снаряд попал прямо во двор, и девочку убило. Было ей 16 лет, Альма её звали...

... При первых обстрелах собирались в подвале у Сконотровых (у них был большой подвал), но потом эту дурость бросили – сидели все по домам...

... 18-го марта 1942 года нас вывезли из Новосаратовки по Ладогге. Немец в тот день не бомбил и не обстреливал. Говорили, что немец знает, что вывозят своих.

Предыдущий эшелон – всех разбомбили. Вывезли нас в Канск и там уже распределяли.

... Моя мама была в Трудармии (за колючей проволокой) в Бурята – Монголии. Отец попал в Осинники Кемеровской области. Под надзор спецкомендатуры. Часть немцев – ссыльных были с Поволжья, они почти не говорили по-русски. Очень плохо было этим немцам – там был один еврей – начальник лагеря. А евреи их хоть и убивали – прости господи – но они и вредные были.

У нас молодые девушки выглядели как старухи. Приехал начальник за работницами в колхоз и ругался: “Что-то у вас тут доходиловка какая-то. У меня в лагере такой доходиловки нету, как у вас тут, в этой Трудармии”. Забрал девушек в колхоз на работу, и они там за три месяца поправились и похорошели, и когда они вернулись, мы их даже не узнали...

... Бабушка Катя, Дядя Генрих во время войны – когда вывезли нас отсюда – попал в Норильск.

Он работал на парходике, на Енисее. Кто-то украл

ящик махорки и зарыл в уголь. А он был кочегаром. Пришли искать – была его смена, а он и не знал ничего. Дали ему два года. Он сидел в Норильске. Ладе Геннадий (Генрих) Яковлевич отказался от смены фамилии (сменил только имя) прожил в Норильске 21 год. Самоучка, работал инженером по буровым вышкам в геологоразведке...

... Да! Тогда ещё прожарки проходили. Перед посадкой на поезд, все пассажиры обязаны были пройти через баню, пропарить одежду. Только после этого они получали талон на посадку.

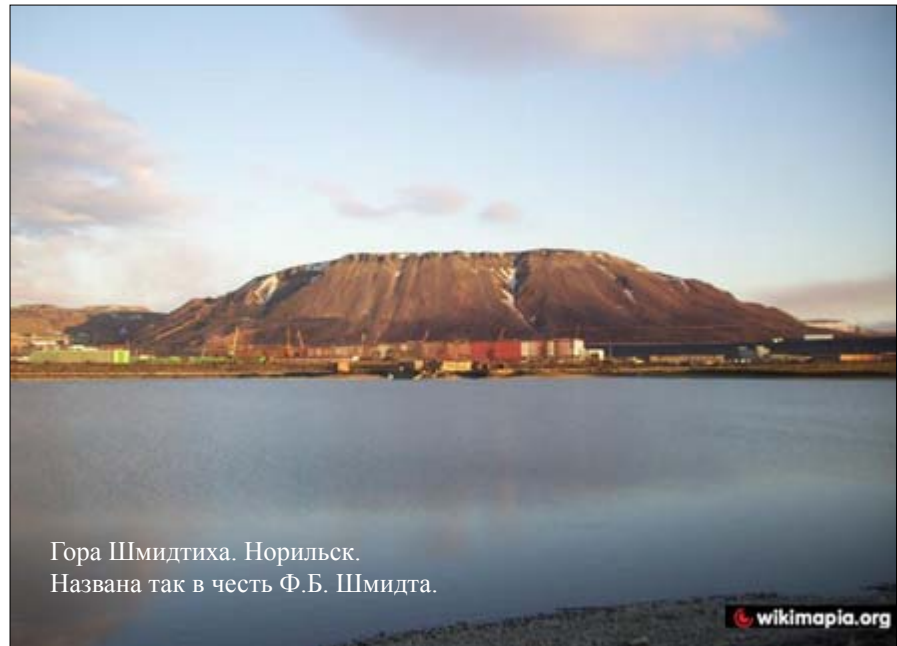
... Когда дали вольную – мы начали съезжаться к отцу (*он оформил вызов*). Отмечаться в комендатуру мы ходили до 1956 года...

...В Осинниках в ссылке был инженер из Ленинграда. Его очень угнетало, что он не может применить свои знания. Он очень грамотный был. Знал английский, французский, немецкий. И когда учительница иностранного языка уехала, он сказал, что согласен преподавать английский и французский, но только не немецкий язык. Он также вёл математику и физику. Звали его Шерберг Лев Львович.

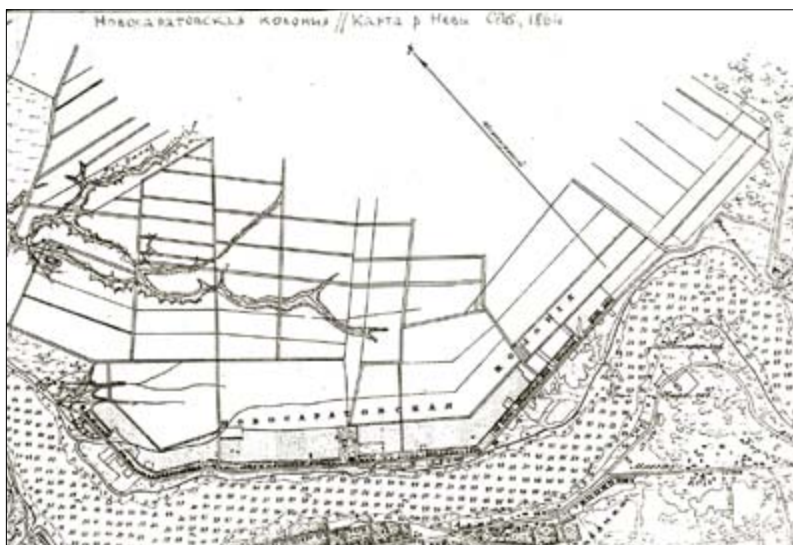
... В Осинники привезли партию украинцев (бандеровцев). Никакие они были не бандеровцы – мирные люди. Власти хватали всех подряд.

Поселили их в плохо оборудованные подвалы. Смертность у них была очень большая. Работали все на угольных шахтах.

(*Осинники – город в Кемеровской области России, один из важнейших центров угледобычи Кузбасса. Википедия*).

Гора Шмидтиха. Норильск.
Названа так в честь Ф.Б. Шмидта.

Карта Невского берега с Новосаратовкой 1864 года.
 Санкт-Петербург. Библиотека Академии наук.

Проект кирхи для Новосаратовки.
 1833 год.

*Автор не установлен, опубликован в статье
 Scholl, Die aeltetsen....*

Вид на Новосаратовку. 1930-е годы.
Современный рисунок Адама Шмидта.

Новосаратовская кирха.
Здание школы в Новосаратовке.
На втором этаже была квартира учителей.
Современный рисунок Адама Шмидта.

...Когда я была маленькая, мы, играя во дворе, прыгали со скамейки. Кто-то толкнул меня. Я неудачно упала и сломала руку...
Из беседы с Ирой Ладе.

Жилой дом в Новосаратовке 1920-е гг.
 Современный рисунок Адама Шмидта.

Шмидт Фёдор (Готфрид) и Екатерина Фёдоровна.
 Весёлый Посёлок. Санкт-Петербург, около 1895 г.
 Фото из альбома их дочери
 Елизаветы Готфридовны (Фёдоровны) из Караганды.

...Это был добротный дом, в верхней колонии Новосаратовки, бывший хозяин был - Ульрих... Дом №262. Вероятно, что детский сад был в похожем доме.

Фото С.А. Шмидта. 2006 г.

Александр, Андрей и Христиан Шмидт. 1900 г.
Весёлый Посёлок. Санкт-Петербург.
Фото из архива Александра Шмидта.

Шмидт Готфрид. 1900 г.
Весёлый Посёлок. Санкт-Петербург.
Фото из архива Александра Шмидта.

Шмидт Фёдор Богданович. 1900 г.
Весёлый Посёлок. Санкт-Петербург.
Фото из архива Александра Шмидта.

Александр и Христиан Шмидт во время службы в музыкантской роте царской армии. Весёлый Посёлок, около 1900 г. Умерли в Красноярском крае в 1947 г. *Фото из архива Александра Шмидта.*

Абрам Егорович Шмидт (1882 – 1943), Екатерина Фёдоровна (Готфридовна) Шмидт (1890 – 1967). Около 1914 г. Новосаратовка. *Фото из архива Александра Шмидта.*

Шмидт Абрам Егорович (род. в 1882 г.)
Одесса, 1905 г. Фото из архива Александра Шмидта.

Шмидт Абрам Егорович (род. в 1882 г.)
в Красной армии 1919 г.
Фото из архива Александра Шмидта.

Шмидт Готфрид Егорович. 1915 г.
Фото из архива Александра Шмидта.

Грамота Шмидт Екатерины Фёдоровны (1890 – 1967)
за ударный труд в третьем году первой пятилетки
в 1931 году,

Елизавета Фёдоровна Шмидт (Финк).
Место рождения Весёлый Посёлок.
Фото 1936 г.

Школьники Новосаратовки
с классным руководителем.
Около 1936 – 37 г.
Из архива Александра Шмидта.

Колхозники с. Новосаратовка
на экскурсии в Петергофе. 1936 г.
Фото из архива Александра Шмидта.

Школьники с. Новосаратовка
на экскурсии в Эрмитаже. 1930-е.
Фото из архива Александра Шмидта.

...Заехал я в Неву так, чтобы половина колёс скрылась под водой. Начал черпаком заливать воду, а сам поглядываю на, лениво приближающийся, парходик "Пионер". Как он устало тянет паром с повозками на борту...

Современный рисунок Александра Шмидта.

... А ну как наш парусник приплывет к буржуйам?

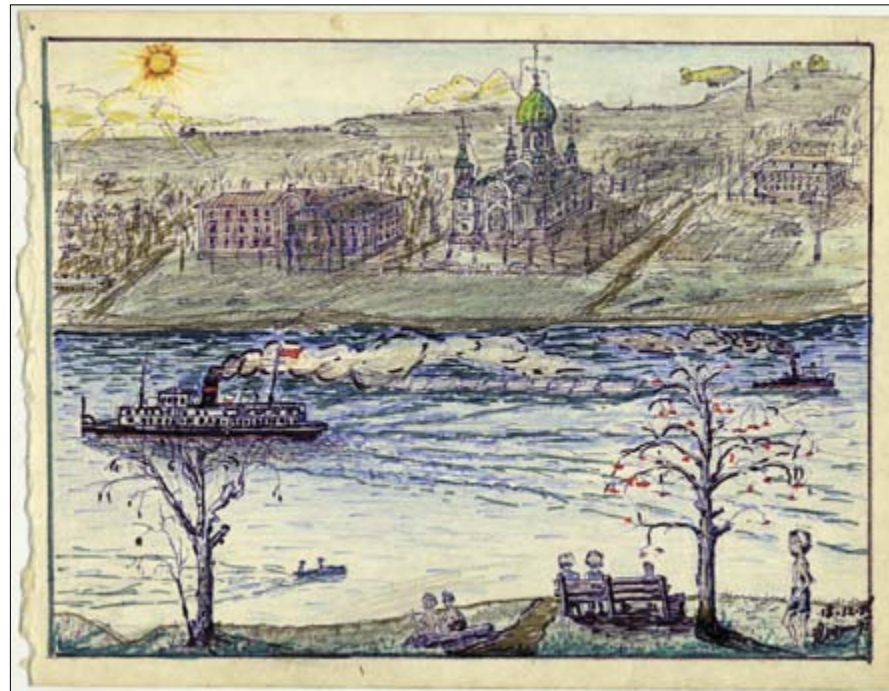
А если в Америку?..

Современный рисунок Александра Шмидта.

Значёк “Союза воинственных безбожников”.
Союз образован в 1925 г., и распущен летом 1941г.

... В тридцать третьем году взорвали
Покровский собор в селе Рыбацком ...
Вид на Покровскую церковь
от Новосаратовки.
Современный рисунок Александра Шмидта.

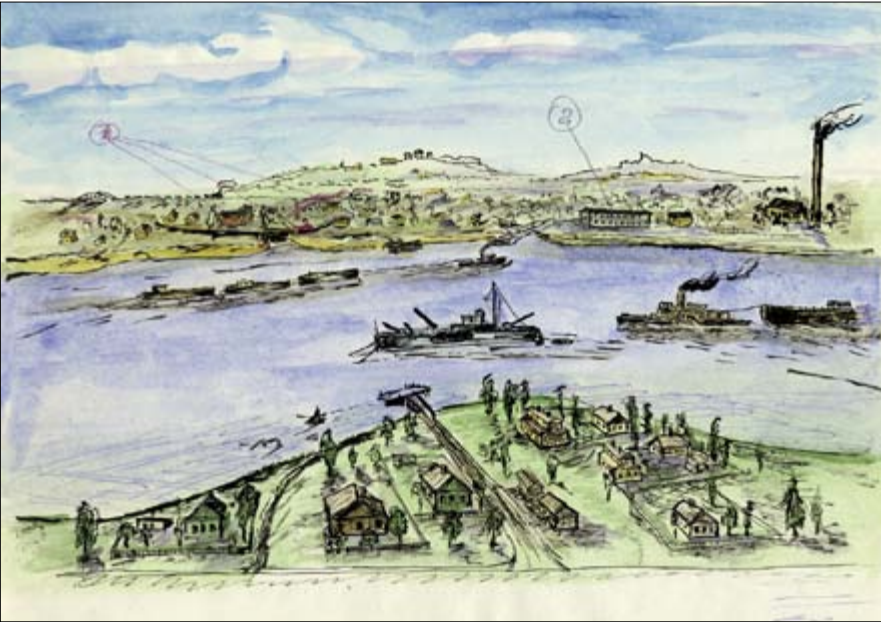

...Выведи кобылу вперёд, тогда Чалый
не только трактор вытянет, но и всё поле вспашет...
Современный рисунок Александра Шмидта.

...Мы сделали себе финские сани, на которых
съезжали с горок или приделывали парус и
катались по гладкому льду Невы...
Современный рисунок Александра Шмидта.

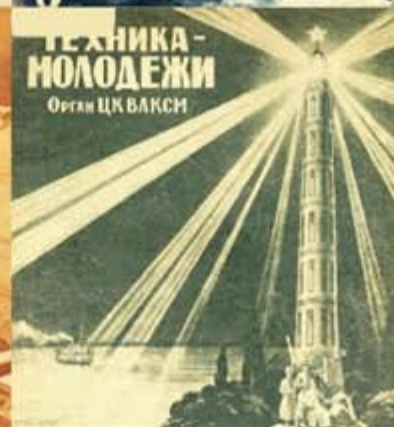
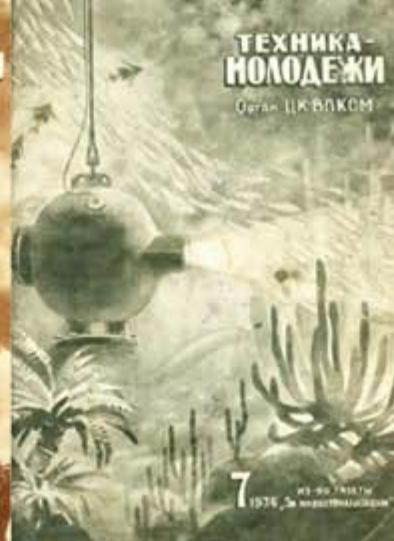
Вид от Новосаратовки на Рыбацкое и
Пулковские высоты.
Современный рисунок Александра Шмидта.

Вид от Новосаратовки на Неву и ЛЭП.
Современный рисунок Александра Шмидта.

... Меня призвали подпиской журнала
“Техника молодёжи” за 1937 год.
*На стр. 252 – 253 подборка обложек журнала
“Техника-молодёжи” 1936 – 1937 годов. Даже по
анализу иллюстраций на обложках, можно понять
предвоенное напряжённие 1930-х годов – Составитель.*

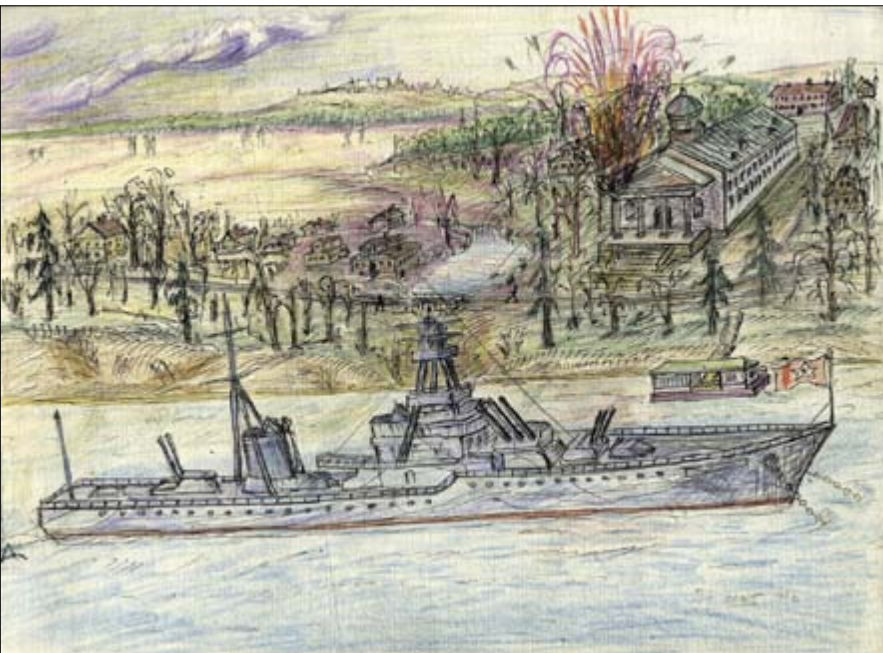

...“Помни, что работать будете на
комсомольско-молодёжной стройке”...
Современный рисунок Александра Шмидта.

...По аэродрому и бомба...
Современный рисунок Александра Шмидта.

Миноносец “Строгий” на р. Неве возле кирхи. 1941 г.
Современный рисунок Александра Шмидта.

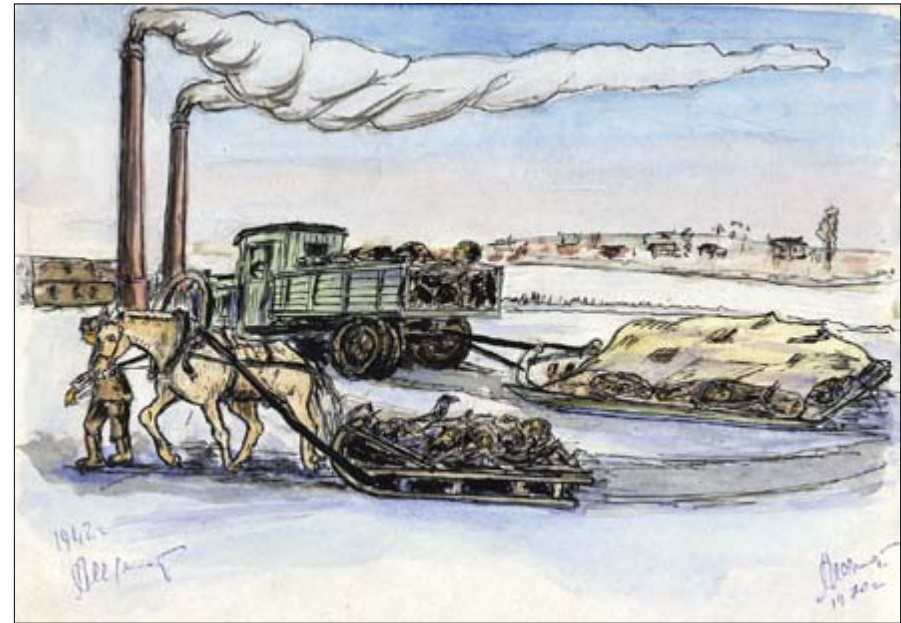

Война в Новосаратовке и Рыбацком.
Современный рисунок Александра Шмидта.

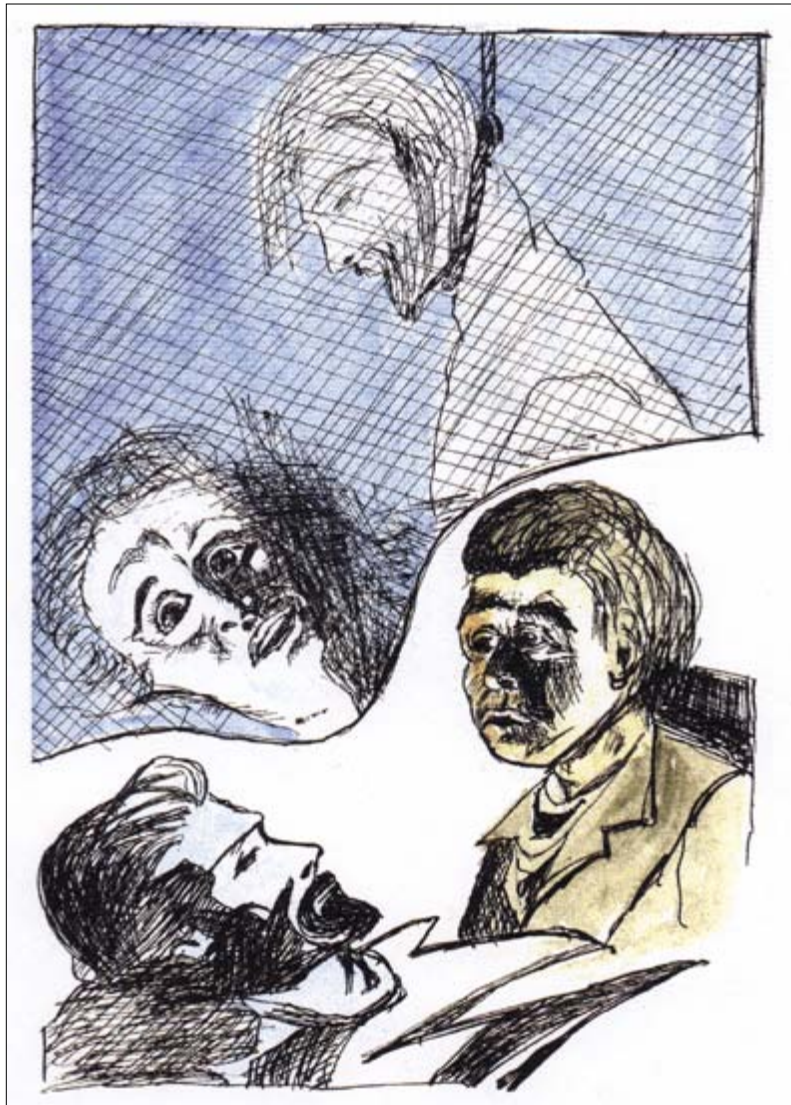

...Тьма! Вдруг слышим недалеке от нас, рядом с мостом, что-то, с грохотом пробив лёд, всплеснуло ...
Рисунок Александра Шмидта. 1970 г.

...трупы начали возить на всех видах транспорта через Неву, через нашу Новосаратовку к печам кирпичного завода...
Рисунок Александра Шмидта. 1970 г.

... Помню, была у него целая стенка с полками,
наполненными интереснейшими книгами.
На кровати лежит его жена - мертвая! ...
Современный рисунок Александра Шмидта.

... Спустились мы в бомбоубежище,
а там сплошной госпиталь
дистрофиков со всего дома ...
Современный рисунок Александра Шмидта.

... Но трупы лежали ещё по краям ямы.
 Вот с этих штабелей мы с Чалым возили
 трупы на захоронение в противотанковые рвы ...
Рисунок Александра Шмидта. 1970 г.

... В конечном итоге рвы были
 заполнены, как говорится, доверху ...
 Участок бывшего рва с памятником жертвам блокады.
 В эти же рвы мы свозили трупы с барж, плывших по
 Неве с места боёв на Невском пятачке.
Фото С.А. Шмидта. 2005 г.

Мост им. Володарского.
1936. Архитекторы: Г.П. Передеря,
В.И. Крыжановский, А.С. Никольский, К.М. Дмитриев.
фото С.А. Шмидта, 1988.

... Над нами пролетел бомбардировщик, сбросил на парашюте какую-то большую и, по всей видимости, тяжёлую “штуку”... Осветительная ракета потухла. Стало темно. ... Вдруг слышим рядом с мостом что-то, с грохотом пробив лёд, всплеснуло. Ждём взрыва, но он не последовал. Кто-то прокричал: “Скорее убирайтесь с моста”...

... Нас согревала теплившаяся надежда – накормят нас в п. Кобона или придётся только мечтать? ...
Современный рисунок Александра Шмидта.

...Случилось так, что второй снаряд попал в повозку, минуту назад проехавшую мимо нас...
Современный рисунок Адама Шмидта.

...Изредка по дороге выглядывали, чтобы посмотреть, по какому льду едем. *Рисунок Александра Шмидта. 1970 г.*

Шмидт (по мужу Подгайская) Эрна Абрамовна и Александр Абрамович Шмидт.
Правая часть фото, с изображением нашей матери Екатерины Фёдоровны, была отрезана для нужд НКВД, при поиске брата Абрама, уехавшего без разрешения с места ссылки в Подтёсове (Енисейск). фото 1943 г.

Надпись на обороте фотографии:
 “На память Саше от Алесандра.
 с. Покровское. Якутия.
 Ссылка немцев с. Новосаратовка.
 Саша Городыски, Андрей Эдуардович и
 Николай Эдуардович Грауле. Фото 20-го мая 1944 г.”

*Семья Грауле проживала в доме №74
 Фото из семейного архива Александра Шмидта.*

Ужин в семье колхозника. 1930-е.
Современный рисунок Адама Шмидта.

«На восток, в эвакуацию» – апрель. 1942 год.
Современный рисунок Адама Шмидта.

...На 2-й день хода, мы остановились у порога “Аракан”.
Причалили к каменистому берегу...
Современный рисунок Александра Шмидта.

Колёсный пароход на Енисее. *Рисунок из записной книжки Александра Шмидта. 1940-е.*

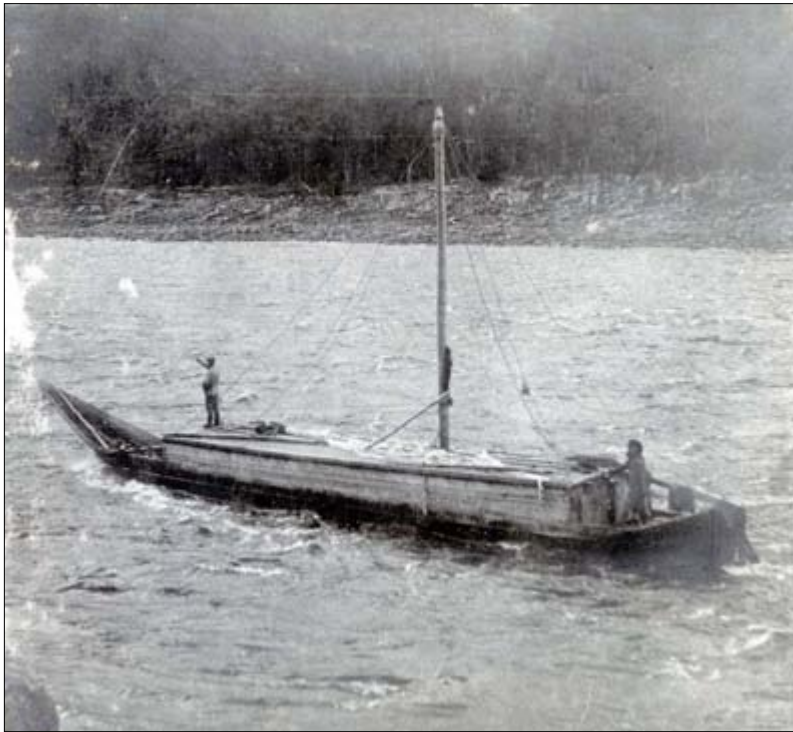

Студенты Красноярского механического техникума.
1947 г. *Фото из архива Александра Шмидта.*

Красноярский механический техникум (КМТ). Занятия по военному делу. 1947 г. *Фото Александра Шмидта.*

Илимка – лодка, предназначенная для доставки грузов вниз по течению реки. Имеет только одно рулевое весло и приспособлена для прохождения порогов и шивер. Использовалась только один раз, после чего разбиралась на дрова или сжигалась для извлечения кованых металлических гвоздей. Фото с сайта <http://www.abdn.ac.uk/polarcensuslist>

...приказали двигаться к илимке
(большая лодка по имени р. Илимка)...
Рисунок Александра Шмидта. 1947 г.

«Этап» – 1953 год.
 Этап заключённых к вахте зоны Воркутлага №27.
Современный рисунок Адама Шмидта

«Возвращение» – 1955 год.
 Неожиданное возвращение домой из
 заключения к родным, которые
 уже считали его погибшим.
Современный рисунок Адама Шмидта.

Директор Новосаратовской школы
Эдуард Иванович Вецел с семьёй.
1957. Фото Александра Абрамовича Шмидта.
город Коркино.

Директор Новосаратовской школы
Эдуард Иванович Вецел
(в 2002 – 2003 гг. ему было 93 года) и его бывший ученик
Адам Абрамович Шмидт. 1974 г., город Коркино.

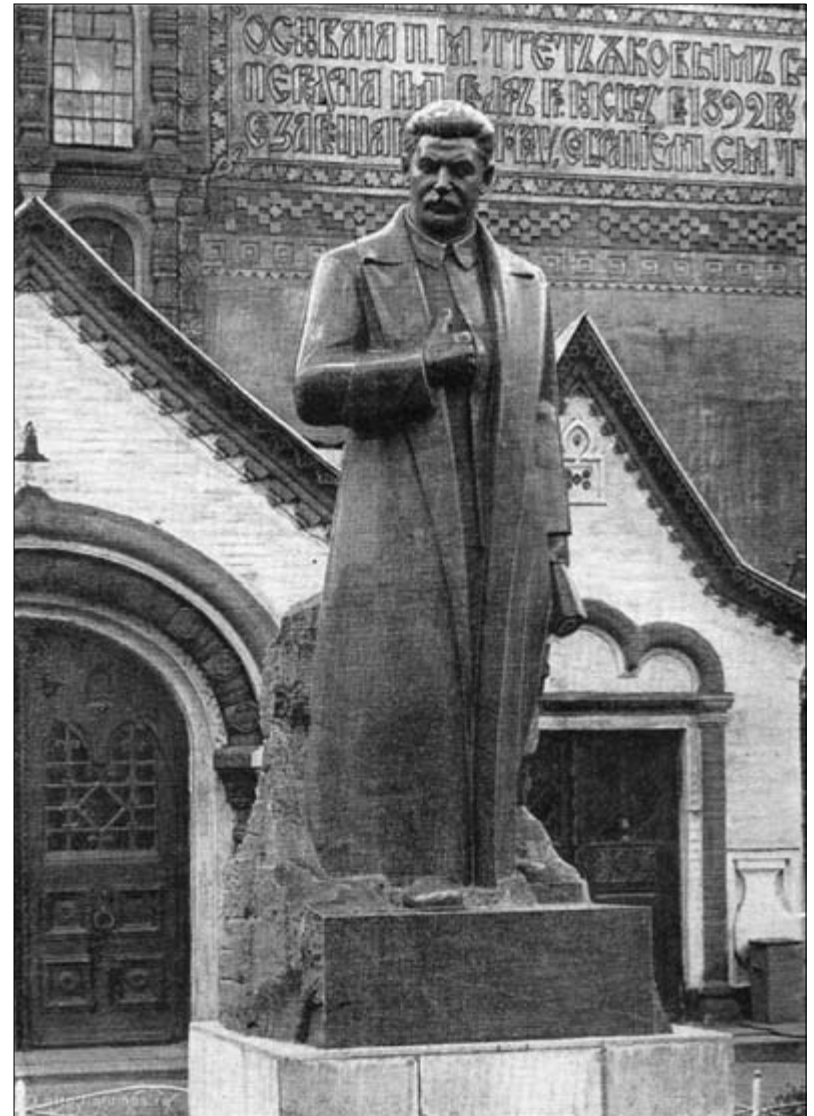
Пантеон Иосифу Виссарионовичу Сталину
(Джугашвили). 1934 – 1996 (сгорел).
Архитектор С.В. Хорунжий.
Скульптор С.Д. Меркуров.
Памятник – гипс, но скорее бетон.
п. Курейка.

... Да и кровать надо длинную и т.д.
Роста Негода был 2 метра 15 см.
... его обвинили в дезертирстве и отправили в Курейку.
Там его послали на строительство пантеона в память о
Сталинской ссылке.

Выставка “И.В. Сталин в изобразительном искусстве” Третьяковская галерея. Москва. 1949.

Фото с сайта <http://oldmos.ru>.

Третьяковская галерея памятник Сталину (бронза). Автор – С.Д. Меркуров. 1949.

Фото с сайта <http://oldmos.ru>.

Варвара и Елизавета Штро. Фото нач. XX в.
Из семейного архива Ирмы Ладе.

Катерина Петровна Ладе (Штро).
Около 1915 – 1917 г. Из семейного архива Ирмы Ладе.

Екатерина, Пётр Ладе (Штро), дочь Елизавета Яковлевна.
1911 г. Из семейного архива Ирмы Ладе.

Генрих и Лиза Ладе. Около 1913 г.
Из семейного архива Ирмы Ладе.

Елизавета Яковлевна Ладе. 1909 – 1993.
Адольф Петрович Ладе. 1909 – 1974.

МВД
Российской Федерации

**ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ**
г. Санкт-Петербурга
и Ленинградской области

ИНФОРМАЦИОННЫЙ ЦЕНТР
191194, Санкт-Петербург, Литейной пр. 4

Выдается один раз,
пользоваться копиями

02.08.94 № 35/14- 9-Л-2

№ _____ от _____

СПРАВКА
о признании пострадавшим
от политической репрессии

Ф.и.о. Ладе Ирма Адольфовна,
1932 года рождения, уроженец(ка) с.Новосаярговка Всеволожского
района Ленинградской области
является сыном дочери Ладе Елизаветы Яковлевны, 1909 года
рождения _____, который(ая) в административном порядке был(а)
выслан(а) по решению Военного Совета Ленинградского фронта от
09 марта 1942 года из Ленинградской области 20 марта 1942 года
без указания срока высылки по национальному признаку.

На основании ст.2¹ Закона РФ от 18 октября 1991 года "О реабилита-
ции жертв политических репрессий" заключением ГУВД Санкт-Петербурга
и Ленинградской области от 02 августа 1994 года
Ф.и.о. Ладе Ирма Адольфовна
признан(а) пострадавшим(ей) от политической репрессии.

№ _____ Начальник ГУВД _____

 Г.Г.Колбасов

*В справке, выданной Ирме Адольфовне Ладе,
указано, что она была выслана по
национальному признаку.*

КОМИТЕТ
Государственной безопасности СССР
Управление по Ленинградской области

« 19 » марта 1992 г.
 № 10/35-Л-872
 гор. Ленинград

СПРАВКА

Выдана ЛАДЕ Ирме Адольфовне
 19 32 г. рождения, в том, что он(а) 20 марта 1942 года,
 на основании решения Военного Совета Ленинградского фронта
 № 00713 от II марта 1942 г. "в связи с обстоятельствами
 военного времени" был(а) принудительно эвакуирован(а) из г. Ленин-
 града.

На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от
 3 сентября 1972 года все ограничения, связанные с принудительной
 эвакуацией с ЛАДЕ И.А. СНЯТЫ.

Начальник подразделения А.Н. ПШЕНИЧНЫЙ

Справка о реабилитации
 Ирмы Адольфовны Ладе в 1972 году.
 Была выдана в 1992 году.

Александр Петрович Лауер. род. в 1937 г.
 Фото 1941 года.

Семья Лауер проживала в Новосаратовке в домах № 176, 178.
 Все взрослые мужчины в семье Лауер погибли во время
 репрессий в 1930-40-е годы. Ко мне обратился Павел Александрович
 Лауер из г. Оренбурга и попросил показать материал о
 Новосаратовке. Это его эцца в детстве вы видите на фото
 1941 года. Никаких воспоминаний членов семьи о жизни в
 Новосаратовке не существует. Помещаю в книгу только копии
 справок о репрессиях и реабилитациях. Составитель.

Комиссия 5

7422. 22
СЕКРЕТНО

СПРАВКА

47. Лауер Петр Христианович
1881 г.р. ул. Ново-Саратовская кв. Ленинград

осужден 21 апреля 1938 года к ВМН в особом порядке Комиссией НКВД и Прокурора СССР.

Протокол № 328

Ст. инспектор УАО УНКВД при СМ СССР по Ленинградской области Ермова

18/11 1962 года

Зак. 191-с

Комиссия

Сов. секретно.

А К Т

" 5" мая 1938 года. Мною, Комендантом УНКВД ЛО ст. лейтенантом госбезопасности - ПОЛИКАРПОВЫМ А.Р., на основании предписания УНКВД ЛО от " 4" мая 1938 года за № 225685 приговор В.К.Н. в отношении

ЛАУЕР, Петра Христиановича
приведен в исполнение.
Вышеуказанный осужденный **РАСТРЕЛЯН.**

КОМЕНДАНТ УНКВД ЛО
лейтенант госбезопасности
ПОЛИКАРПОВ

" 5" мая 1938 года
г. Ленинград

КОПИЯ ВЕРНА

Ермова

Справка об осуждении Лауера Петра Христиановича в особом порядке 21. 04. 1938 г. комиссией УНКВД.
Акт от 4. 05. 1938 г. о расстреле Лауера П.Х. лейтенантом госбезопасности Поликарповым А.Р.

УПРАВЛЕНИЕ КОМИТЕТА государственной безопасности при Совете Министров Союза ССР по Ленинградской области

Секретариат КГБ при СМ БССР от. 29 14 1963

СЕКРЕТНО
Зак. № 1

Учётно-Архивный отдел
25 июля 1963 г. НАЧАЛЬНИКУ УЧЕТНО-АРХИВНОГО ОТДЕЛЕНИЯ КГБ при СМ БАННИНГСКОЙ АССР

№ II/20-П-55258
гор. Ленинград

20.08.1963

гор. Уфа

5. Визовый лист 20/10/63

В Управление КГБ при СМ СССР по Ленинградской области поступило заявление от гр-ки ЛАУЕР Э.П., проживающей в БАСР, гор. Октябрьский, ул. Суворова, дом № 87 кв. 2, в котором она просит разъяснить о порядке возвращения на жительство в Ленинградскую область и имеет ли она право на такое возвращение в свой дом, находящийся во Всеволожском районе Ленинградской области.

Просим Ваших указаний вызвать гр-ну ЛАУЕР Э.П. и объявить ей, что в 1942 году мать ЛАУЕР Елизавета Христиановна и её дети были эвакуированы в принудительном порядке из Ленинградской области обоснованно, в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22.1.1941 года "О военном положении".

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18.12.1954 г. все ограничения, связанные с принудительной эвакуацией с семьёй ЛАУЕР сняты, за исключением права возвращения на жительство в Ленинградскую область. Этим же Указом установлено, что снятие ограничений по спецпоселению не влечёт за собой возвращения имущества, изъятого /оставленного/ при выселении.

Таким образом, права на возвращение в Ленинградскую область, а равно и на возврат домовладения родителей ЛАУЕР Э.П. не имеет.

О дате объявления просим сообщить нам.

ЗАМ НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА УНКВД при СМ СССР по Ленинградской области
полковник Анашкин

/АНАШКИН/

Р.к. 413
2/11-63

КОПИЯ ВЕРНА: Егорова

В ответе на запрос Э.П. Лауер из КГБ говорится, что их семья была выслана по причине военного времени и не имеет права на возврат имущества. (В некоторых справках фамилия Лауер пишется через Э. Существует два варианта этой фамилии: Лауэр и Лауер, но в описи 1922 г., занесена фамилия Лауер. Составитель).

Лист 1

АУДСП-55253 166

"УТВЕРЖДАЮ"
 Нач. УПРАВЛЕНИЯ НКВД по ДО
 Комиссар Государственной Безопасности Зритель
 ПУБАТИН
 10 марта 1942 г.

"САНКЦИОНИРУЮ"
 Нач. УПРАВЛЕНИЯ НКВД по ДО
 Комиссар Государственной Безопасности Зритель
 10 марта 1942 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
 / на высылку /

Гор. Ленинград, 1942 года, марта 10-го числа *19* дня.
 Я, старший оперуполномоченный Володарского РО НКВД ДО
 старший оперуполномоченный Володарского РО НКВД ДО
 сержант Государственной безопасности ПРУДОВ, рассмотрев имеющиеся
 материалы в отношении гр-ки:

Л А У Э Р Елизаветы Христиановны, 1896 г.р., урож.
 Ленинградской области, Воеволожского р-на
 Ново-Саратовской колонии, немки, гр-ки СССР,
 б/п, замужила, работниц. в колхозе "Ин-
 dustриальатор", проживающая в Ново-Сара-
 товской колонии № 78.

НАШЕЛ:

что ЛАУЭР антисоветски настроена, среди своего окружения
 высказывает пороченческие взгляды, восхваляет политический
 строй Германии.

ПОСТАНОВИЛ:

На основании приказа № 0055/00265 от 26/УШ-41г.
 Командования Северного фронта и Начальника УНКВД ДО,
 Д А У Э Р Елизавету Христиановну, проживающую в Ново-
 Саратовской колонии в доме № 78, как социально опасную
 выслать из гор. Ленинграда и Ленинградской области в
 административном порядке.

Ст. оперупол. Володарского РО НКВД г. Д-да
 Сержант Г/безопасности
 ПРУДОВ /акт/

Нач-к Отд. КРО Володарского РО НКВД г. Д-да
 Мл. лейтенант Государственной безопасности
 СИДОРОВ /акт/

"СОГЛАСЕН" Начальник Володарского РО НКВД г. Д-да
 Начальник Государственной безопасности
 ВЕЛТЯКОВ /акт/

10 марта 1942г.
 г. Ленинград

КОТЯ ВЕРНА: сотрудник оперативно-подразделения
 УФСБ РФ по С.-Петербургу и Ленинградской обл.
 Ефимова

Постановление о высылке Лауэр Елизаветы
 Христиановны за антисоветские настроения
 от 10. 03. 1942.

Всё немецкое население было вывезено 18. 03. 1942 года
 независимо от взглядов и настроений.

**МИНИСТЕРСТВО
 ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
 РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ**

Информационный центр

11 " 03 2001 г.
 № 21 / 380

670006, г. Улан-Удэ, пр. Победы 14

Лауэр П.А.
 460005, г.Оренбург,
 проспект Победы,
 д.107, кв.99

Уважаемый Павел Александрович!

На Ваше заявление сообщаем, что в архиве МВД Республики
 Бурятия имеются на хранении архивные личные дела в отношении:
 Лауэр Екатерины Христиановны, 1921 года рождения (ф.010, арх.№
 7983), Лауэр Елизаветы Яковлевны, 1895 года рождения, (ф.010, арх.№
 7984), Лауэр Караллы Христиановны, 1924 года рождения, (ф.010,
 арх.№ 8038), уроженок Новосаратовской колонии Воеволожского
 района Ленинградской области.

Вышеназванные лица в 1942 году были высланы из
 Ленинградской области в Красноярский край, где находившаяся на учете
 спецпоселения. В 1943 году были мобилизованы в трудовую армию и
 переселены в г.Городок Закаменского района БМАССР, где
 поставлены на учет спецпоселения. Сняты с учета спецпоселения в 1956
 году.

Сведений о дальнейшей судьбе семьи Лауэр (куда переехали после
 снятия с учета спецпоселения) в архивных личных делах не имеется.

Решения о реабилитации семьи Лауэр МВД РФ не принималось,
 так как по данному вопросу заявлений от родственников не поступало.

Высылаем Вам ксерокопии листов архивных дел (анкеты, расписки
 о снятии с учета).

Приложение: на 6-ти листах.

Начальник
 подполковник в.сл.
 исп. Киричек

Г.И.Ненкин

В 1943 г. были мобилизованы в трудовую армию и
 переселены в
 г. Городок Закаменского р-на БМАССР... сняты с учёта
 в 1956 г. ...Сведений о дальнейшей судьбе семьи Лауэр
 (куда переехали после снятия с учёта спецпоселения) в
 архивных личных делах не имеется.

РАСПИСКА

17

Лауэр Елизавете Яковлевне
 25 года рождения, сего числа объявлено, что и снят с учета спецпо-
 что снятие ограничений по спецпоселению не влечет за собой возвращение
 , конфискованного при выселении, а также права возвращения в место,
 ыла выселен.

Января 1956 г. Лауэр (подпись)

Расписку отобрал:

Командант спецкоменданта
И.В.В. Мобил Буродит

Января 1956 года.

321-1900

Вопли верна
 20 г.
 подпись

Расписка о лишении прав на возвращении на родину, которую вынуждена была дать Елизавета Яковлевна Лауэр перед освобождением в 1956 г.

Лауэр Христиан Христианович, 1884 г. р. , уроженец Новосаратовской колонии Пригородного района Ленинградской области, немец, б/п, с низшим образованием, колхозник колхоза “Красный механизатор”, до ареста проживал в Новосаратовской колонии д. 78 был арестован 4 марта 1938 года УНКВД .

Обвинялся в том, что “... был завербован в 1934 году агентом германской разведки для диверсионной работы, в 1935 году выводил из строя конское поголовье, среди немцев – колонистов Новосаратовской колонии проводил контрреволюционную националистическую пропаганду и восхвалял фашистский строй в Германии”, т.е. в пр. пр.ст. 58-9 и 58-10 УК РСФСР.

Постановлением Комиссии НКВД и Прокурора СССР от 21 апреля 1938 года приговорён к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 5 мая 1938 года в Ленинграде.

Заключением Прокурора Ленинградской области от 7 сентября 1989 года Лауэр Христиан Христианович реабилитирован.

По материалам АУД П-66029 установлено, что Лауэр Фёдор Христианович, 1886 г. р., уроженец Новосаратовской колонии Пригородного района Ленинградской области, немец, б/п, с низшим образованием, строгальщик завода “Экономайзер”, до ареста проживал в Новосаратовской колонии дом 78, был арестован 11 марта 1942 года УНКВД . Обвинялся в том, что “... являясь враждебно настроенным к ВКПб и советскому правительству, в условиях военного времени проводил среди своего окружения антисоветскую и пораженческую агитацию, направленную против существующего в СССР государственного строя” , т. е. в совершении пр. пр. ст. 58-10 ч. П УК РСФСР. Приговором Военного Трибунала войск НКВД СССР Ленокруга от 15 апреля 1942 года осужден к расстрелу. Приговор приведён в исполнение 19 апреля 1942 года. Определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РСФСР от 4 июля 1973 года приговор Военного трибунала войск НКВД СССР Ленинградского округа от 15 апреля 1942 года в отношении Лауэра Фёдора Христиановича отменён и дело производством прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления.

Зам. начальника службы

С.В. Чернов

Копия Постановления о реабилитации Лауэра Христиана Христиановича и Лауэра Фёдора Христиановича.

 Иркутское

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Гражданин(ка) Лауер
Елизавета Христиановна
умер(ла) 20 декабря 1942 года
пятидесяти
двух лет, о чем в книге регистрации актов о смерти
19 43 года января месяца 5 числа
произведена запись за № 3
Причина смерти замёрзла

Место смерти: город, селение Кондратьево
район Шайшетский
область, край Иркутская
республика РФ

Место регистрации Кондратьевский район
Шайшетский р-н Иркутской обл.
Дата выдачи 18 августа 1999 г.

 Заместитель отдела (бюро)
деловых актов гражданского состояния М.И.
И.О. № 453361

ИИЗ 1997

Свидетельство о смерти Елизаветы Христиановны
Лауер. Умерла – 20. 12. 1942.
Место смерти – с. Кондратьево Иркутской обл.
Запись в книге регистрации актов о смерти – 5. 01. 1943.
Дата выдачи свидетельства – 18. 08. 1999.
Причина смерти - замёрзла.

 Ленинградское

СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

Гражданин(ка) Лауэр
Петр Христианович
умер(ла) 5 05 1938
пятидесяти
пяти лет, о чем в книге регистрации актов о смерти
19 63 года января месяца 19 числа
произведена запись за № 2
Причина смерти расстрел

Место смерти: город, селение Ленинград
район Ленинградский
область, край Ленинградская
республика Р.С.ФСР

Место регистрации Ленинградский район
Ленинградская область
Дата выдачи 17 января 2000 г.

 Заместитель отдела (бюро)
деловых актов гражданского состояния М.И.
И.О. № 466854

ИИЗ 1993

Свидетельство о смерти Петра Христиановича Лауера
Умер – 5. 05. 1938.
Место смерти – Ленинград
Запись в книге регистрации актов о смерти 19. 01. 1963.
Дата выдачи свидетельства 17. 01. 2000.
Причина смерти - расстрел.

ВОЕННЫЙ СУД   Дубликат
 ЛЕНИНГРАДСКОГО
 ВОЕННОГО ОКРУГА
 юля 1999 г.

СПРАВКА

Дело по обвинению гражданина ЛАУЕР Петра Христиановича, 1881 года рождения, уроженца Ново-Саратовской колонии Ленинградской области, необоснованно репрессированного по политическим мотивам, подвергнутого расстрелу, пересмотрено военным трибуналом Ленинградского военного округа 24 февраля 1964 года. ЛАУЕР П.Х. обвинялся в том, что «являлся участником контрреволюционной фашистской организации, занимался диверсионной деятельностью, а также проводил контрреволюционную националистическую пропаганду».

Постановление Комиссии НКВД и Прокурора СССР от 21 апреля 1938 года в отношении ЛАУЕР П.Х. отменено и дело прекращено за отсутствием состава преступления.

Гражданин ЛАУЕР Петр Христианович по данному делу реабилитирован (посмертно).

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВОЕННОГО СУДА
 ЛЕНИНГРАДСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
 полковник юстиции   Е. Чеверев.

*Справка о реабилитации
 Лауера Петра Христиановича.*

Дана Шмидту Адаму Абрамовичу, 1921 года рождения в том, что он в соответствии с Указом ПВС СССР от 28 августа 1941 г. был выселен в 1942 г. из Ленинградской обл. в Енисейский р-н.

1946 г. переведён в г. Красноярск. В 1947 г. самовольно уехал с места спецпоселения.

29. 12. 1951 г. Осужден по делу МГБ СССР по Указу ПВС СССР от 26. 11. 48 г. по ст. 82 ч. Приговорён к лишению свободы сроком на 20 лет. Наказание отбывал в ИТЛ Воркуты.

13. 01. 55 г. Освобождён по определению Постоянной комиссии Верховного суда Коми АССР от 18.12 1954 г. преступление переквалифицировано на ст. 82 ч.Т УК РСФСР, срок снижен до 3 лет ГОЛ и в силу Указа ПВС СССР от 27. 03. 53 г. освобождён со снятием судимости.

Место жительства избрал Красноярский край.

25. 01. 55 г. Вновь поставлен на спецучёт в Ачинском р-не.

1955 г. переведен в Усть-Абаканский р-н Красноярского края.

02. 02. 1956 г. От спецпоселения освобождён на основании

Указа ПВС СССР от 13 декабря 1955 г.

Начальник отдела В.Г. Богданов

Исп. № 16

*Копия справки о выселении,
 осуждении и последующей реабилитации
 Адама Абрамовича Шмидта.*

Здание дома престарелых и школы возле кирхи.
 Фото 1968 г. Архив Теологической семинарии ЕЛЦ.

Дом № 168. 2006 г.
 Фото С.А. Шмидта.

...Меня спасли ноги - бежал я от Обуховского
магазина до сада "Спартак" (около 500 метров)...

Обуховский магазин.

пр. Обуховской обороны, 261.

Фото С.А. Шмидта 2006 г.

Школа №344 в районе Щемиловка.

В левом фасаде виден вход в
бывшее бомбоубежище.

Фото С.А. Шмидта 2006 г.

Остатки надгробия между дубами.
Возможно, именно на этом месте был захоронен первый пастер новосаратовского прихода Георг Якоб Бобрик (Georg Jakob Bobrik, время службы – 1766 – 1773).
(Верхняя часть плиты с надписью отломана).
Фото С.А. Шмидта. 2005 г.

Дубы рядом с местом захоронения дедов и прадедов Шмидт.
Фото С.А. Шмидта. 2006 г.

(Составитель считает своим долгом поместить в книгу изображения надгробий на новосаратовском кладбище, надеясь, что это может помочь близким в поиске могил своих предков.)

Надгробие Давида Барлова.
Ск. в 1878 г. в возрасте 46 лет.
Фото С.А. Шмидта. 2006 г.

Надгробие преподобного Отто фон Шталя.
Удалось прочесть эпитафию – “IREM GELIBTEN SEELSORGEN IME GANKBAREN KOLONISTEN”.

Фото С.А. Шмидта. 2006 г.

“Преподобный Отто фон Шталь служил в этом приходе с 1868 по 1875 годы. Его похоронили недалеко от ворот и посадили липовые деревья возле могилы. Сейчас это вросший в землю камень с полустёршейся, покрашенной несколькими слоями надписью”

(Эльвира Жейдс. “Вестник” № 1-2007 г.).

На переднем плане немецкое захоронение с полностью сбитым именем.

На основании - эпитафия готическим шрифтом.

Фото С.А. Шмидта. 2006 г.

Одно из немногих сохранившихся старых надгробий, на котором читается надпись:
Christian Walliser. 1823 – 1900.

(Список семьи Вализер смотри в конце книги).

Фото С.А. Шмидта. 2006 г.

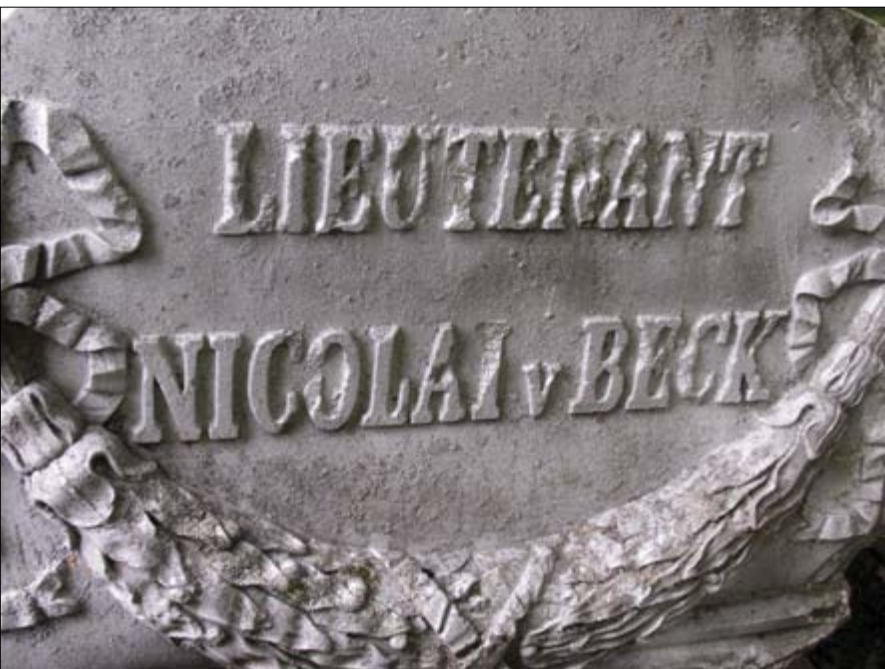
...Напротив кирхи 14 сентября 1941 года на якорь стал военный корабль “Строгий”...

Надгробие почётного гражданина Новосаратовки командира эсминца “Строгий” капитана I ранга В.Р. Новака.

Фото С.А. Шмидта. 2006 г.

Надпись на памятнике. “На этом месте в годы героической обороны Ленинграда в 1941–1943 гг. стоял эскадренный миноносец “Строгий” Краснознаменного балтийского флота и огнём своих орудий громил немецко-фашистских захватчиков. Одновременно судостроители завода им. Жданова заканчивали его постройку”. Памятник на берегу Невы в Новосаратовке. Фото С.А. Шмидта. 2006 г.

Надгробие захоронения
лейтенанта Николая Бека.
1836 – 1857.
Фото С.А. Шмидта 2005 г

Надгробие захоронения
лейтенанта Николая Бека. 1836 – 1857.
Фото С.А. Шмидта 2005 г

Опрокинутое надгробие:
 JAMES WILLAM MAXWELL.
 Ск. в 1865 г. в возрасте 43 лет.
 Фото С.А. Шмидта. 2006 г.

Могильная плита англичанина
 Георга Тейлора из Йоркшира.
 Ск. в 1877 г. в возрасте 39 лет.
 Фото С.А. Шмидта. 2006 г.

Семейный участок.
 .....Доротея. 1830 – 1855?
 Фамилии прочитывать не удалось.
 Фото С.А. Шмидта. 2005 г.

Семейный участок.
 .....Доротея. 1830 – 1855?
 Фамилии прочитывать не удалось.
 Фото С.А. Шмидта. 2005 г.

... В 1942 году кирпичный завод
работал как крематорий ...
*От завода остались
только отвалы отбракованного
кирпича на берегу р. Невы.
Фото С.А. Шмидта. 2006 г.*

Мемориальный комплекс
“Журавлики”
на месте бывшего котлована.
Дальневосточный проспект.
Фото С.А. Шмидта. 2006 г.

Остатки противотанкового рва на территории Новосаратовки.
 Фото С.А. Шмидта. 2006 г.

Вид на кирху через Неву.
 На этом месте стоал эсминец
 “Строгий” во время блокады
 1941 – 43 гг.
 Фото С.А. Шмидта. 2007 г.

Церковь во имя Покрова Пресвятой Богородицы в селе Рыбацкое. По свидетельству Александра Абрамовича Шмидта колокольня разобрана в 1933 г., церковь взорвана в 1934 г.

Закладная плита камня на месте возрождение церкви Во имя Покрова Пресвятой Богородицы. 2013 г. фото С.А. Шмидта.

Памятный крест на месте разрушенной церкви Во имя Покрова Пресвятой Богородицы.

Церковь Во Имя Рождества Пресвятой Богородицы на месте разрушения (и будущего возрождения) церкви Во имя Покрова Пресвятой Богородицы. фото С.А. Шмидта. 2013 г.

Школа в с. Рыбацкое.
1909. Архитектор Л.П. Шишко.
Снесена в 2011 – 12 г., фото С.А. Шмидта.

...На берегу Ангары ниже штолен лежали кучи заготовленной свинцовой руды. Кое-кто самостоятельно заготавливал свинец для хозяйских нужд...

Берег Ангары засыпанный в том месте, где были свинцовые штольни. Фото Николай Померанцев. г. Красноярск с сайта "Гугль планета Земля". 2011 год.

...Плот удачно прошёл пороги и шеверы до Карточного острова, впереди две шеверы: Алёшкинская, Татарская, и Стрелковский порог...

Стрелковские пороги на Ангаре. Фото Алексей Мазур с сайта "Гугль планета Земля".

Дом в котором находился штаб 55-й армии в
1941 – 43 годах.

Мк. район Рыбацкое, Санкт-Петербург.

Фото С.А. Шмидта 07.2013.

Слева на дальнем плане – Новосаратовка.

Противотанковые надолбы на берегу р. Невы.

Мк. район Рыбацкое, Санкт-Петербург.

Фото С.А. Шмидта 07.2013.

Шевера (перекат) на Ангаре.
 Фото Виталий Сергеев с сайта “Гугль планета Земля”

...Зимой 1941 – 42 года блокадники из района
 Щемиловка ходили за водой на пруд в парк «Куракина
 дача». ... И воду не набирали – это было неудобно,
 расплескаешь, пока донесёшь. Старались добывать лёд –
 его и несли домой в любой подходящей таре. ...

Пруд в парке “Куракина дача”.
 Санкт-Петербург.
 Фото С.А. Шмидта 07.2013.

Остров "Караульный" на Ангаре.
фото А. Мазур. 2004.

... Этот случай произошёл на Стрелке, а надпись была на скалах напротив Царь камня, на правом берегу Ангары ...

Остров "Царь камень" на Ангаре.
фото А. Мазур. 2004.

Газогенераторный трактор производства ГДР, 1949.
фото wikipedia.org

... всё топливо шло на фронт и
наш катер имел газогенераторный
двигатель, работающий на дровах.

Газогенераторный автомобиль на базе ГАЗ. 1943 г.
фото wikipedia.org

Юбилейная медаль в честь
30-и летия Армии и Флота СССР 1918 – 1948 гг.

Медаль за победу над Германией в
Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.

Медаль Материнства I степени

Орден "Материнская Слава"
III степени.

Мученики за веру из Новосаратовки

Все эти люди были членами евангелическо-лютеранской общины Св. Екатерины в Новосаратовке и погибли за веру.

Почти все они даже были расстреляны в один день, 3 января 1938 года вместе с пасторами П. и Б. Рейхертами.

Керн Яков Иванович. 1900 г.р., п. Новосаратовка. Колхозник колхоза "Красный механизатор". Член приходского совета местной кирхи. Арест 09.12.1937 г. Приговорён 02.01.1938 г. Особым совещанием НКВД к ВМН. Расстрелян и похоронен 03.01.1938 г. на Левашовской пустоши.

Паль Эрнест Петрович. 1893 г.р., в п. Новосаратовка. Работал главным инженером-конструктором на заводе им. Ленина, был председателем церковного совета Новосаратовской кирхи, собирал пожертвования среди прихожан, стремясь предотвратить закрытие кирхи.

Арест 21.03.1938. Приговорен Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 13.06.1938 г. к ВМН. Расстрелян и похоронен на Левашовской пустоши.

Рейхерт Бруно Павлович. 09.04.1908 г.р., г. Бальцер Саратовской губ. В семье пастора. До 1921 г. проживал в Бальцере, затем в Петрограде. Окончил в 1932 г. Ленинградскую семинарию проповедников. В 1933-37 гг. пастор кирхи Новосаратовской колонии. Одновременно с 10.05.1933 г. периодически служил в кирхе Св. Петра в Ленинграде.

Арест 17.11.1937 г. вместе с отцом, пастором П. Рейхертом. Приговорён Комиссией НКВД и Прокуратуры СССР 26.12.1937 г. к ВМН. Расстрелян и похоронен 03.01.1938 г. на Левашовской пустоши.

Ульрих Генрих Федорович. 1906 г.р. п. Новосаратовка. Работал шофером. Член приходского совета местной кирхи. Арест 11.12.1937. Приговорён 02.01.1938 г. Особым совещанием НКВД к ВМН. Расстрелян и похоронен 03.01.1938 г. на Левашовской пустоши.

Ульрих Христиан Адамович. 1901 г.р. в Шлиссельбургском уезде Петербургской губ., Рабочий 5-й ГЭС, проживал в п. Новосаратовка. Член приходского совета местной кирхи.

Арест 09.12.1937 г. Приговорён 02.01.1938 г. Особым совещанием НКВД к ВМН. Расстрелян и похоронен 03.01.1938 г. на Левашовской пустоши.

Штро Фёдор Фёдорович. 1905 г.р. п. Новосаратовка. Крестьянин колхоза "Красный Механизатор". Член приходского совета местной кирхи. Арест 08.11.1937 г. Приговорён 02.01.1938 г. Особым совещанием НКВД к ВМН. Расстрелян и похоронен 03.01.1938 г. на Левашовской пустоши.

Всем предъявлено стандартное обвинение в том, что они "являлся участником германской контрреволюционной националистической повстанческой организации".

Именной список 1922 года трудообязанных граждан деревни - сёла Новосаратовской колонии, Уткина заводь, Весёлый посёлок, Богословка. Петроградской губернии. Настоящий список составляется на всех граждан селения: мужчин от 16 до 55 лет, женщин от 16 до 45 лет включительно - независимо от места работы, службы или занятия, за исключением освобождённых от трудовой повинности без срока или свыше полугода.
ЦГА фонд 7081 оп 1 д31

БИЧ		Тереза Ивановна	1900
Адам Адамович	1889	Фёдор Фёдорович	1887
Адам Фёдорович	1874	Фёдор Христианович	1877
Адам Христианович	1892	Христиан Фёдорович	1903
Адам Яковлевич	1905	Христиан Христианович	1886
Адольф Иосифович	1904	Христина Христиановна	1904
Андрей Адамович	1869	Христина Яковлевна	1899
Андрей Андреевич	1894	Шарлотта Христиановна	1885
Андрей Андреевич	1898	Шарлотта Фёдоровна	1883
Анна Ивановна	1904	Яков Иванович	1885
Пётр Яковлевич	1903	БОК	
Владимир Иванович	1891	Александр Андреевич	1897
Готфрид Адамович	1878	Андрей Андреевич	1885
Доротея Севастьяновна	1900	Тереза Петровна	1897
Доротея Яковлевна	1887	Христиан Фёдорович	1888
Екатерина Адамовна	1904	Христина Андреевна	1900
Елизавета Адамовна	1878	Шарлота Андреевна	1890
Елизавета Адамовна	1900	Яков Андреевич	1883
Елизавета Андреевна	1885	ВАЛИЗЕР	
Елизавета Андреевна	1903	Андрей Яковлевич	1872
Елизавета Готфридовна	1904	Андрей Яковлевич	1903
Елизавета Петровна	1904	Генрих Генрихович	1896
Иван Иванович	1902	Фёдор Генрихович	1893
Иван Христианович	1883	Фёдор Фёдорович	1881
Иосиф Адамович	1876	ГРАУЛЕ	
Иосиф Иосифович	1905	Адам Иванович	1882
Карл Христианович	1893	Адам Павлович	1884
Магдалина Яковлевна	1900	Адольф Яковлевич	1904
Маргарита Адамовна	1884	Александр Александрович	1902
Маргарита Готфридовна	1884	Андей Андреевич	1894
Маргарита Фёдоровна	1880	Андрей Иванович	1881
Маргарита Яковлевна	- ?	Владимир Христанович	1898
Пётр Адамович	1894	Доротея Карловна	1891
Пётр Христианович	1875	Евдокия Фёдоровна	1903
Пётр Христианович	1886	Екатерина Фёдоровна	1899
Севастьян Адамович	1881	Елизавета Петровна	1885
София Андреевна	1891	Елизавета Ивановна	1880
София Христиановна	1902	Елизавета Карловна	1906
Тереза Адамовна	1880	Елизавета Христиановна	1887

Иван Иванович	1888	ЛАУЕР	
Иван Павлович	1875	Андрей Андреевич	1882
Маргарита Фёдоровна	1889	Екатерина Карловна	1888
Михаил Густавович	1904	Елизавета Христиановна	1896
Розалия Андреевна	1903	Елизавета Яковлевна	1894
София Ивановна	1897	Каролина Христиановна	1900
Тереза Христиановна	1893	Андрей Андреевич	1881
Тереза Яковлевна	1897	Магдалина Петровна	1891
Фёдор Фёдорович	1869	Мария Христиановна	1896
Христина Андреевна	1905	Пётр Андреевич	1883
Шарлотта Густавовна	1899	Пётр Христианович	1882
Шарлотта Фёдоровна	1888	Фёдор Христианович	1886
Шарлотта Яковлевна	1894	Христиан Христианович	1884
Эдуард Христианович	1889	ПАЛЬ	
Яков Богданович	1875	Адам Карлович	1897
Яков Густавович	1893	Алибра Сергеевна	1900
Яков Яковлевич	1873	Готфрид Иванович	1878
КЕРН		Доротея Фёдоровна	1885
Адам Яковлевич	1871	Екатерина Петровна	1891
Генрих Петрович	1889	Ернест Петрович	1893
Генрих Фёдорович	1886	Иван Иванович	1903
Евдокия Адамовна	1902	Карл Фёдорович	1868
Иван Иванович	1890	Маргарита Фёдоровна	1898
Фёдор Иванович	1892	Розалия Яковлевна	1897
Эмилия Петровна	1899	Фёдор Фёдорович	1893
ЛАДЕ		Фёдор Яковлевич	1868
Александр Михайлович	1883	Фёрдинанд Петрович	1887
Александр Фёдорович	1887	РЕЙДХ (РЕЙХ)	
Альфред Петрович	1893	Адам Андреевич	1895
Владимир Михайлович	1885	Адам Яковлевич	1891
Герман Михайлович	1894	Андрей Андреевич	1885
Екатерина Адамовна	1886	Анна Венедиктовна	1887
Екатерина Адамовна	1896	Богдан Адамович	1893
Екатерина Петровна	1887	Богдан Яковлевич	1885
Иосиф Михайлович	1887	Генрих Иванович	1900
Клара Эрнестовна	1890	Готфрид Готфридович	1876
Маргарита Адамовна	1886	Готфрид Готфридович	1894
Мария Николаевна	1899	Доротея Петровна	1894
Пётр Петрович	1871	Доротея Христиановна	1902
Пётр Фёдорович	1884	Елизавета Адамовна	1887
Пётр Христианович	1870	Елизавета Христиановна	1893
Шарлота Андреевна	1881	Маргарита Андреевна	1898
Шарлотта Петровна	1892	Маргарита Ивановна	1902
Эмилия Петровна	1901	Маргарита Христиановна	1897
Яков Фёдорович	1882	Маргарита Христиановна	1905
		Маргарита Яковлевна	1895

Николай Яковлевич	1867	Христина Фёдоровна	1905
Николай Яковлевич	1888	Шарлотта Фёдоровна	1885
Пётр Петрович	1901	Шарлотта Фёдоровна	1898
Севастьян Севастьянович	1891	Яков Яковлевич	1884
Севастьян Яковлевич	1904	Яков Фёдорович	1895
София Ивановна	1901	Яков Христианович	1892
Тереза Егоровна	1890	Яков Яковлевич	1869
Тереза Христиановна	1901	ФИНК	
Фёдор Христианович	1885	Адам Фёдорович	1874
Фёдор Христианович	1888	Адам Фёдорович	1891
Фёдор Христианович	1909	Богдан Андреевич	1896
Фридрих Яковлевич	1893	Генрих Генрихович	1892
Христиан Христианович	1876	Георгий Фёдорович	1902
Шарлота Петровна	1886	Готфрид Фёдорович	1890
Шарлота Яковлевна	1893	Екатерина Христиановна	1902
Яков Христианович	1905	Елизавета Викентьевна	1891
Яков Яковлевич	1882	Елизавета Христиановна	1905
РО (РОО)		Иван Яковлевич	1904
Адам Богданович	1873	Маргарита Яковлевна	1900
Адам Фёдорович	1891	София Фёдоровна	1901
Адам Яковлевич	1905	Тереза Христиановна	1903
Андрей - ? Фёдорович	1896	Христиан Христианович	1876
Богдан Христианович	1877	Шарлотта Адамовна	1894
Готфрид Готфридович	1884	Шарлотта Севастьяновна	1892
Доротея Адамовна	1895	Яков Адамович	1904
Доротея Фёдоровна	1902	-?- Яковлевна	1883
Екатерина Генриховна	1880	ШОХ	
Екатерина Лаврентьевна	1895	Екатерина Андреевна	1894
Екатерина Готфридовна	1899	Елизавета Карловна	1899
Екатерина Яковлевна	1885	Елизавета Яковлевна	1891
Елизавета Богдановна	?	Пётр Христианович	1887
Елизавета Егоровна	1896	Фёдор Карлович	1893
Елизавета Христиановна	1881	Фёдор Христианович	1892
Елизавета Яковлевна	1901	Яков Адамович	1879
Иван Яковлевич	1883	Яков Карлович	1904
Магдалина Фёдоровна	1890	ШЕФЕР	
Пётр Егорович	1887	Адам Адамович	1879
София Генриховна	1891	Адам Адамович	1905
София Ивановна	1886	Адам Петрович	1900
Тереза Готфридовна	1897	Адам Христианович	1903
Тереза Карловна	1883	Александр Лаврентьевич	1879
Тереза Фёдоровна	1896	Андрей Андреевич	1905
Тереза Яковлевна	1884	Андрей Христианович	1897
Фёдор Леонтьевич	1892	Доротея Фёдоровна	1900
Фёдор Яковлевич	1903	Екатерина Фёдоровна	1885
Христина Богдановна	1905	Екатерина Михайловна	1900

Екатерина Фёдоровна	1886	Яков Петрович	1893
Екатерина Христиановна	1897	Пётр Егорович	1903
Екатерина Яковлевна	1878	Пётр Егорович	1903
Екатерина Фёдоровна	1890	Севастьян Петрович	1903
Елизавета Генриховна	1904	ШТРО	
Елизавета Яковлевна	1891	Адам Адамович	1903
Лаврентий Лаврентьевич	1885	Адам Андреевич	1874
Маргарита Петровна	1904	Адам Яковлевич	1868
Маргарита Христиановна	1901	Алибра Адамовна	1905
Маргарита Яковлевна	1905	Андрей Карлович	1881
Мария Адамовна	1902	Андрей Карлович	1905
Пётр Адамович	1873	Андрей Фёдорович	1891
София Лаврентьевна	1899	Доротея Адамовна	1905
Фёдор Андреевич	1903	Доротея Фёдоровна	1889
Фёдор Петрович	1902	Екатерина Адамовна	1903
Христиан Адамович	1894	Екатерина Андреевна	1895
Христина Фёдоровна	1884	Елизавета Адамовна	1877
Шарлотта Адамовна	1899	Елизавета Карловна	1902
Яков Лаврентьевич	1886	Елизавета Яковлевна	1900
Яков Христианович	1895	Иван Петрович	1882
ШМИДТ		Карл Карлович	1869
Авраам Егорович	1882	Магдалина Петровна	1905
Александр Фёдорович	1898	Магдалина Фёдоровна	1880
Андрей Фёдорович	1887	Мерке Максимовна	1891
Богдан Севастьянович	1884	Пётр Карлович	1872
Георг Христьянович	1893	Пётр Петрович	1886
Глафтий(?) Христианович	1893	Пётр Петрович	1903
Готфрид Петрович	1890	Севастья Карлович	1883
Готфрид Петрович	1898	Севастьян Фёдорович	1903
Екатерина Петровна	1891	Тереза Ивановна	1893
Екатерина Петровна	1891	Тереза Карловна	1889
Екатерина Христиановна	1890	Тереза Христиановна	1899
Елизавета Андреевна	1901	Пёдор Петрович	1878
Елизавета Фёдоровна	1902	Фёдор Фёдорович	1903
Карл Карлович	1894	Фёдор Христианович	1902
Маргарита Христиановна	1887	Фёдор Христианович	1904
Мария Леонтьевна	1896	Фёдор Яковлевич	1871
Пётр Адамович	1875	Христиан – ? –	1884
Петр Адамович	1875	Христиан Севастьянович	1890
Пётр Петрович	1888	Христиан Яковлевич	1894
Регина Петровна	1895	Шарлотта Адамовна	1896
Роза Карловна	?	Шарлотта Христиановна	1887
Софья Фёдоровна	1901	Яков Андреевич	1883
Екатериновна Фёдоровна	1890	Яков Карлович	1876
Хрестьян Фёдорович	1894	Яков Фёдорович	1893
Яков Петрович	1893		

Учащиеся 9-го класса школы-10-ти летки с. Рыбацкое 1942г. (1923–1924 гг. р.)

Бухарин Саша
 Дедов Борис
 Грауле Яша
 Ладе Александр (арест 1937-38)
 Ладе Пётр
 Майер Владимир (погиб на лесоповале на Енисее)
 Столбов Саша (жит. Н. Сар.)
 Трепс Григорий
 Фролова Галя
 Шишкина Лидия
 Шмидт Александр (жит. Н. Сар.)
 Шорник Яша (арест 1937)
 Штейнмилер Ольга (жит. Н. Сар.)
 Щукина Лида
Родственники и друзья семьи Шмидт в Нижней колонии Новосаратовки:
 Бич Андрей (арест 1937, жена Лиза – ссылка 101км.)
 Венцель Виктор
 Геер Адам
 Иккерт Лиза (прозвище - Семафор)
 Майер Фёдор
 Финк Адам (арест 1937)
 Ленард Фридрих
Составил Александр Абрамович Шмидт

Члены сельсоветов Новосаратовской волости Весёлый посёлок:

Шох Христиан Карлович
 – председатель
 Штро Ф. Ф. – секретарь
 Уткина заводь:
 Ро Яков Як. – председатель
 Бич Ад. Христ. – заместитель
 13 III 1922
Секретеръ – подпись

ЦГА ф7081on1д3л16

Члены посевкома Весёлый посёлок

И.Ф. Финк
 Ф.Ф. Рейх
 Ан.А. Ро
Уткина заводь
 Бич А.Х.
 Шмидт И.С.
 Кандидаты
 Ро И.Я.
 Бич Я.И. 13
III 1922 Секретарь-подпись ЦГА ф7081on1д3л18

Члены Новосаратовского севкома

Штерн Андрей А.
 Фрицлер Адам
 Бич Иосиф А.
 Финк Ан.А.
 Цоллер Ф.Я.
 Гаммершмидт Ф.Я.
 Бек Яков Андреевич.
 Биллер Христиан Ф.
 Шеффер Як.Христ.
 Бич Иван А.
 Мейер Ад.
 Штро К.К.
 Шеф Фёд.А.
 Штро Сев.К.
 Ро Богдан Христ.
 Лауер Пётр А.
 Кандидаты:
 Лауер Христиан
 Грауле Фёдор Ив.
 Ро Пётр Е.
 Отго Адам К.
ЦГА ф7081on1д3л1

**Список членов
Новосаратовского
волсовета**

Бедовый Иван Гавр.	Мейер Сев.Хр.
Клюквин И.Фёд.	Гаммершмидт Я.Ф.
Киселев Серг.Павл.	Штерн Х.А.
Фрицлер Ан.Ан.	Герлеман Ферд. Г.
Фрицлер Ф.Б.	Вализер Ф.Ан.
Штерн Я.Я.	Бок Хр.Фёд.
Константинов И. Анд.	Ладе Вл.Мих.
Бок Ан.Ан.	Шеф Ф.А.
Цоллер Ф.Я.	13. III.1922.
Фалицлер А.Б.	Секретарь – подпись
Ладе Я.Ф.	ЦГА ф7081оп1д3л19

Раздельный акт

Нижеподписавшийся Адам Петрович Шефер разделил своё имущество между своими двумя сыновьями, Егором и Христианом, имущество состоящее из движимого и недвижимого. А именно:

Землю на две части поровну
Дом, сарай, конюшню на две части
Збруя и вся остальная упряж поровну
Земледельческие орудие и прочие на общее пользование
Куры на общее пользование
Корова принадлежит Егору, но молоком будет пользоваться и Христиан до тех пор, пока он же Христиан не приобретёт корову.

14. VII. 1920

Адам Шефер – подпись

Егор Адамович Шефер – подпись

Христиан Адамович Шефер – подпись

ЦГА ф7081оп1д17л7

Источники:

РГИА Ф383оп29 д1138. г1797

ЦГА фонд 7081 оп 1 д31. г1922

ЦГА фонд 7081 оп 1 д3. л16.

ЦГА фонд 7081оп1д3л19

ЦГА фонд 7081 оп 1 д17. л7.

Семейный архив И.А. Ладе

Семейный архив П.А. Лауер

Семейный архив Александра Абрамовича Шмидта

Семейный архив Адама Адамовича (Абрамовича)

Шмидта

Фотоархив С.А. Шмидта

На данном этапе, Мы заканчиваем работу над этой книгой, хотя при этом не исключаем в будущем внесения дополнений и изменений.

Сергей Александрович Шмидт является также автором книг по истории убранства архитектуры: “Балконы Санкт-Петербурга”, “Ворота Санкт-Петербурга”, “Двери и порталы Санкт-Петербурга”.

В настоящее время он продолжит работу над этой серией и надеется закончить работу над книгами: “Козырьки Санкт-Петербурга” (метал), “Ограды Санкт-Петербурга”, “Гранит Санкт-Петербурга”, “Скульптурное убранство архитектуры Санкт-Петербурга”.

Контактный адрес составителя книги Сергея Шмидта

Spv.Shmidt@mail.Ru
serezha.schmidt2012@yandex.ru

Формат – А3
Разрешение – 300 DPI
Типография – EPSON WF 7510 СНПЧ
Тираж – не ограничен
Издательство – С.А. Шмидт.
Цель издания – рассказать правду
Сбор материала, макет, вёрстка С.А. Шмидт.

Санкт-Петербург 20. 09. 2013.